

ВАЙНАХ

Литературно-художественный журнал

1. 2021

УЧРЕДИТЕЛЬ:

**Министерство
информации и печати
Чеченской Республики**

Адрес учредителя: 364060,
г. Грозный, бульвар С. Дудаева, 8,
Дом Радио

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной
службы по надзору в сфере свя-
зи, информационных техноло-
гий и массовых коммуникаций
по Чеченской Республике 05
февраля 2014 г. Регистрацион-
ное свидетельство
ПИ № ТУ 20-00089
Журнал выходит с 1991 г.

Директор
ГАУ «Издательский дом»
Сулиман

Мовлаевич Мусаев

Главный редактор
Сулиман
Мовлаевич Мусаев

Редколлегия:

М. Ахмадов

М. Магомадов

З. Алиева

С. Алиев

Л. Довлеткиреева

Р. Межиева

А. Умарова

Адрес редакции/издателя: 364024
г. Грозный, ул. Н. Назарбаева, 92

Тел.: 8 965-959-56-81

Е-mail:

izdatelskiy_dom2019@mail.ru

Сайт: <http://www.izdat-dom.ru>

Журнал выходит один раз
в квартал. 16+

izdat_dom_chr

izdat_dom_chr

izdat_dom_chr

izdatdomchr

izdat_dom_chr95

СОДЕРЖАНИЕ:

ЮБИЛЕЙ

Саламбек АЛИЕВ.

Мусе Ахмадову – 65 лет: Слово об учителе 2

Муса АХМАДОВ. *Кегий дийцарш*. 4

ПОЭЗИЯ

Сулим МАГАМАДОВ. *Каждый прожитый миг*

отзовется когда-то... Стихи 10

Хава ГАГАЕВА. *На моей алхимической мельнице* 25

ПРОЗА

Хамсат АГАЕВА. *Родня*. Рассказы 14

Абдулла ИЦЛАЕВ. *Кузнец*. Рассказы 33

Хаваж ЦИЦАЕВ. *Авария*. Рассказ. 49

ДЕБЮТ

Нурид ТУРЛУЕВ. *Пишу на осеннем листочке...*

Стихи.....29

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ

Вадим РАХМАНОВ. «*От тебя никуда не бегу...*» Стихи 45

ПУБЛИЦИСТИКА

Сулиман МУСАЕВ. *Народный мститель*. Очерк.....63

Мансур МАГОМАДОВ.

*Социальная и религиозно-философская
мысль Чечни в начале XX века* 100

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Гилани ИНДАРБАЕВ. *Личность поэта и лик его поэзии* 73

Роза МЕЖИЕВА. «*Сказать, но не вслух*», или
«Шепот безначального» в лирике Хавы Нэ 85

ИСТОРИЯ

Мохмад-Салах СЕЛЯХОВ.

Рожденный с особой отметиной в судьбе 94

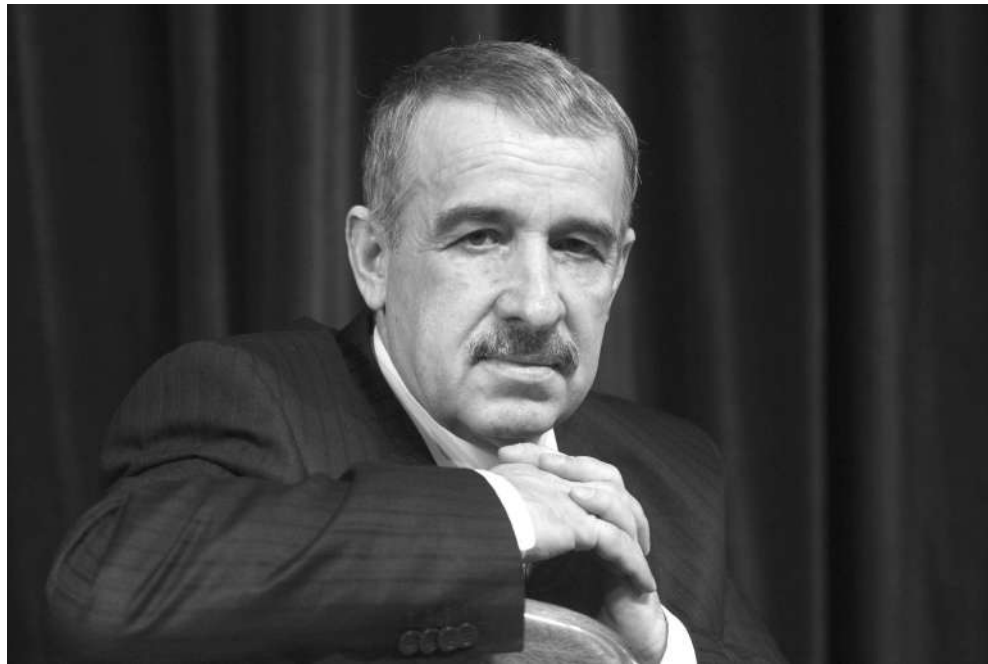
КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Саламбек АЙДАМИРОВ. *Чеченская классика* 111

СЛОВО О ХУДОЖНИКЕ

Саламбек АЙДАМИРОВ. «*Полдень в ауле*»..... 111

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ..... 112

Саламбек Алиев**Мусе Ахмадову – 65 лет: Слово об учителе**

О том, что возраст – это не количество прожитых лет, а состояние души, сказано давным-давно. Душа же – все то, чем она полна сама и заполняет собою – это, собственно, и есть человек, со всеми его горестями, печалью и радостями. Вместе с тем, несмотря на груз прожитых лет и всеобъемлющую эту душу минорность, несмотря на то, что ее попеременно могут посещать все четыре времени года – осень, зима, весна, лето... душа способна испытывать разочарование, погружаться в уныние, радоваться, надеяться, любить... оставаясь при этом вечно молодой и красивой. А настоящая красота – это вера в Аллаха, добрый нрав, умение сострадать и сопереживать.

Мусе Ахмадову исполнилось 65 лет. Во всем его облике отражается эта красота (чистота) души: степенность в движениях и мудрость в словах. Его речь спокойна и размеренна, а юмор приличествующий – добрый, но порой саркастический. Глаза же грустные, как у настоящего поэта... Да, да, в глазах настоящего поэта (писателя) отражена вселенская грусть, они могут и улыбаться, и смеяться, но грусть в них не убывает.

Муса Ахмадов освоил все жанры художественной литературы, и не только художественной – его трактат о национальной культуре и этике – словно живое олицетворение того самого колокола, который «звонит по каждому из нас», и пепла, что «стучит в наши сердца».

Мир рассказов, повестей, романов и пьес Мусы Ахмадова – это галерея образов, символов, намеков и предостережений. Впервые в чеченской литературе, соединив действительность с иллюзорностью, он находит способ писать так, как до него никто не писал на чеченском языке. Долгое время этот

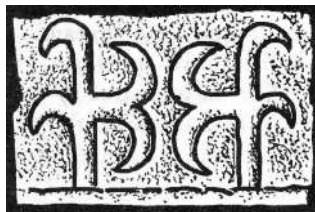
художественный дуализм – подлинный и субъективный мир – в произведениях Мусы Ахмадова смущал неискушенных читателей – наверное, многих и до сих пор смущает. Однако есть надежда, что культура познания, чтения и мышления с каждым годом будет отвоевывать позиции у невежества и узколобости. И тогда многие поймут, что ахмадовский магический реализм не грешит против истины: можно телесно обитать за решеткой, но мысленно находиться на воле.

Однажды поэт Евгений Евтушенко заметил, что можно писать плохие стихи и оставаться хорошим человеком, но писать хорошие стихи и быть плохим человеком нельзя. Поэт, писатель, драматург Муса Ахмадов и сегодня активно занимается литературой, а также редакторской, культурной, образовательной и общественной деятельностью. К нему нескончаемым потоком идут гости из сел и городов нашей и сопредельных республик. Это учителя, школьники, начинающие писатели и поэты, певцы и артисты, ученые и коллеги по цеху... Особенно бросаются в глаза его отношения с простыми людьми – это обыкновенные жители республики, труженики и крестьяне, среди которых встречаются и люди преклонных лет. Они приходят по совершенно разным вопросам: кого-то волнует чеченская литература, кто-то приносит свои дилетантские изыскания по чеченскому языку. А кто-то – делится своими фольклорными находками или приходит просто так – «поговорить за жизнь». И тут не может не подкупать совершенно не наигранная обходительность и вежливость Мусы Ахмадова, искреннее уважение, сопричастность и сопереживание каждому собеседнику. Казалось бы, иначе и быть не может – кому, как не человеку, который в своих литературных полотнах так проникновенно и мастерски погружается в мир человеческой боли, понять и прочувствовать волнения и настроения другого человека? Но ведь нередко приходится наблюдать и противоположное отношение со стороны иных «властителей дум» и «инженеров человеческих душ»...

Мусе Ахмадову – 65 лет! Возраст, с точки зрения того, что в нем содержится, того, что уже сделано – громадный, благородный, внушительный. Но с точки зрения того, что еще предстоит сделать и того, что от Мусы ожидают почитатели его таланта, можно сказать, что 65 лет – это только начало творческого пути.

Коллектив «Издательского дома» от всей души поздравляет своего дорогого учителя, верного товарища, доброго наставника с этим юбилеем!

Дала декъалвойла хьо, Муса!

Ахмадов Муса

Кегий дийцарш

Іуьйре

ЧагІбелла бода. Цеххъана бода цостуш набарна юккъехула хеза ламазна кхайкхар. Ма доккха хІума ду. Соьлжа-ГПалин юккъехъ «АллахІу Акбар!» – «Дела, Хьо воккха ву!» – озо самаваккхар. Ма дагахъ дацара... Ма хала дара ткъа шо хьалха, хІара хир ду аьлча теша. Ламаз. ДоІа. Деле хьаставалар. Вехха. ДІакхелхинарш боьхуш. Дийнаберш а... Мохк а, нехан дегнаш а. ТІаккха коре а хиьна, бода баса болуш, сирлуш, юха кІайлуш гар. Юха – малхбале мажлуш, цІийлуш... Малх гІоттуш тергалбар...

Везандела, лолахъ тхуна иштта сирла Іуьйре!

Некъаш

Жима юрт. Жима кІант. Ког боккху, бертал кхета. Юха а ког боккху. Волало. Адам новкъа долу. ДІаболало цуьнан дахаран некъ. Цо иза шен жимчу юьртах воккхий, дІавуьгу дуьне мел ду. Дуьне мел ду лела и. Лела, дерриге дуьне ган лууш. Амма хан дІа мел йолу, цунна кест-кеста гІенах го шайн жимчу юьрта боьду некъ.

Самах и ган хьере хуьлий, хьодий, цІа кхочу иза. Цунна го шен юьрта боьду некъ текхна, хишна техкийна тІайш доьхна. Адам цигахъ ца деха пхийтта шо даьлла. Некъа тІе кьух даьлла. Кьух даьлла, юкьелла юрт а. Оцу кьухалахъ дайна бераллехъ кхуо идийна кегий некъаш, тачанаш.

ХІун ойланаш йо-техъа оцу некъаша...? ХІун гІенаш го-техъа царна? ХІун дагалецамаш бу-техъа? Я царна бен а дац?

Акхадаьлла шовда

Цкъа мацах хьуо кхиьначу кхочу хьо массийтта шо даьлча. Хала евза хьуна хьайна хьоме хетта меттигаш. Кьух. Иза массанхъа а ду. Оцу дицдаларан кьухо ницкъ бой, синхъаам бийр болу меттиг лоху ахъ хиллачу юьртахъ. ХІаь, шовда! Шовда хуьлур-кха зевне духдуьйлуш, шатайпанчу мукъамца декаш, тІулгаш тІехула чууьдуш.

Шовдан йист а хуьлура зевнечу аьзнашца гІараюьйлуш.

Яраш юккъехъ халла карадо шовда. Тесна дитча цуьнан зевне аз а гІеллуш хилла-кх.

Кхуо шовкъе оьхуш, ийзош схьайоху яраш, кегію коьллаш. Шовдан харш дуькъна гІум, чалх дІайоккху. Къегий, дІахІутту шовдан хи. Берахьлера карзахалла хааяла йолало. Берахьлера тулгІенийн зевне аьзнаш хеза. Малх а кхетта шовдан чу. ХІокху масех шарахъ дуьххъара. Куьзга санна, лепа шовдан хи.

«ДІатийсина шовданаш малхе дахар. И хир ду-кх хІинца дуьйна шен дахаран маьІна», – оила хуьлу стеган.

Токхам

Аьрцнаш юккъехь Гуьллу юрт. Аьрцнашна теевлла хьаннаш. Юьртан цхьана маьШехь долу деха дукъ лакха буюххьера охьаиккхина, текхна. Токхам. Цо теттина латта генна, аха чу кхаччалц охьадагна.

Орамаш хедда, дакъаделла токхама тЕхь дисна дитташ.

Оццул тешаме хетта, чоГга хетта дукъ а текхча, адмийн кхетам текхча, адмийн кхетам керчича, хьо цец стенна дуьйлу, кийрара дог? Хьо цец стенна дуьйлу тешаме хеттачо тешнабехк бича? Хьо цец стенна дуьйлу, дог, хьан чиркх цо дАабайгича, хьан хьех цо юккъча? Дукъ а текха, лам а тЕхаьрца. Цаьрца дуьстича, мел гГийла ду Адам. Ма бехьа хьайна ницкъ доГанах лешалуш, экаме дог. Цул а малхе даьллачу шовдане хьобжуш, цуьнан хин мукъаме ладоьгуш лахахьа хьайна тем, хьаам, кийрара дилхан дог!

Назманаш

Баккий нах. Назма. БАьрхишца ийна дегнийн кЮргера дуьйлу аьзнаш. ХIара маьлхан дуьне, хIара исбаьхьа дуьне дита дезарх дешнаш. Марзонаш къахьоне ерзарх. Деле кхойкху, цуьнгара лобху гЮ. ДоГанаш.

Назманаш совцайой, чоГаре зикарш. Юха а назманаш, юха а – зикарш. Иштта гонаш доху баккийчу наха. Гонаш доху лаьттаца цхьаьна, де-буьйса хийцадаларца, малх гIаттарца, бузарца.

Хийрачу махкахь Даймехкан аматаш дагалоьцуш дуьххьара дагайоГу баккийчу нехан назманаш. Церан шовкъе зикарш. Нохчийчохь бен ган а, хаза а йиш яц уьш.

Суьйренаш

Суьйре. Малхбузу хан. Дог ца Геба суьйренах. Цунна лаьа гЕллуш йобду маьлхан серло тергалъян, дагалецамехь сацон. И ерриге а бодане йобьзуш, къайлаялалц. Хеза берахьлера ненан аз. Малхбузчу хенахь вижа мегар дац. Суьйре. Ойланаш. Дийнан жамIаш.

Дагахьбалламаш. Кхочушхилаза сатийсамаш. Бодано дIалоцур йолчу маьркIаженан хазалла. Йоца хазалла. Буьйсанан Iаьржачу хIорда чохь къайладалале серлонан олхазаро тоьхна тIаьххьара тIамарш. Цуьнан тIаьххьара орцане кхойкху мохь-цЮГга.

Суьйре маьркIажене йолуш хаало заманан болар. Цуьнан цкъа а сецар доцу болар.

Самах тергалъян екхначу суьйренин маьркIажеш.

Орамаш

Токхам. Дакъаделла дитт.

Дитт латта йиш яц орамаш ца хилча. Орамаш хадийна дитт дакъало.

ХIора стеган а бу шен орам. ХIора къоман а. Къоман орам цунах долчу тайп-

тайпанчу адамийн орамех лаьтта. Цхьана стеган орам бакъабелча а, гелло къоман орам а. Церадахар. Цо гелбира нохчийн къоман орам. Цадерзар. Массо а ца вирзира ца. Ламанца дуккха а ярташ йисира байлахь. Дакъаделира оцу яртийн орамаш.

Паьхъара тѐмаш. Къизалла. Юха а церадахар. Лаьмнашца алсамъевли еса ярташ.

Дакъалуш ду цу яртийн орамаш. Уьш меттахиттадахь вай чагIбийр бу вайн къоман кху лаьттах тесна орам. Орам чIогIа хилахь вай дуьхьаллаталур ду къызачу мехашна.

Гуо дуьхьалкхачьчна

Аькѐ. КIайн кир тоьхна ца. Рагу кIелахь кегий бераш. Гуо беш, охьаховшу уьш горгачу стоьла хьалха, делкъе ян.

Цхьа воккха стаг вогу рагу кIел. Лоргуш тайина кIайн маж. Самукъане бIаьргаш. Бераш хьалалелха.

Гадъоьхуш воьлу воккха стаг:

– Шун гуо дуьхьалкхачьчна, шуна кхин накъост а ца оьшу.

И дIавахча берех цхьамма хотту нене:

– И хIун ду: «гуо дуьхьалкхачьчна»?

– Шу дуккха а ду бохург ду-кх. Стоьла гонаха еса меттиг а йоцуш...

...Ткъе пхийтта шо даьлча оцу бархI берех цхьаь цкъа мацах шайн ца хиллачохь лаьтта. Царца дагийна ца. Яраша хьульина уьйтIе, рагу хилла меттиг.

Xинца вовшахкхетча, йижарий, вежарий гуо дуьхьал кхочур бацара. Ясаелла меттигаш.

Гуонаш кхолладалар, гуонаш дохар. Иза а хилла-кх дахаран амат.

Доттагий

Масех шарахь тIе а хьийзина, йоIе хан йиллийта ваха ваьллачу кIанте цIеххьана хабар кхачьчна, хьан чIирхо юьрта кхачьчна хьуна аьлла. И кхачь баьккхина айкх дIавахна валале, цхьа геланча кхачьчна. Луларчу юьртахь гулбелла бу хьан доттагий, цара шаьш долчу дукха сиха дIакхача боху хьобга аьлла.

Ша хIун дича бакъахь ду ца хууш, бIарзвелла хьаьвзина и кIант.

Ненах дагавалла иза.

Нанас хьехар дина:

– ЧIирхо ахь тахна бекхам цабарх, стигала хьала а вер вац, я лаьттах чу а гIур вац. ТIеххийза йоI, нагахь боккъал хьо оьшуш елахь, хьо мел хьизлахь а хьобга хьобжуш Iийр ю. Цундела хьо доттагIаша кхайкхинчу гIуо.

Нанас бохург дина, вахна дIакхачьчна хIара доттагий болчу.

Уьш дууш, молуш Iаш хилла хIара дIакхачьчна.

Дикка хан яьлла хIорш иштта Iаш, кхин доттагIаша шаьш хIара хIунда кхайкхина дIа ца дуьйцуш.

Тяьхъара а хIокху кIанта аьлла, ша-м чIирхо а, тIехъийза йоI а йитина ма веьнера, аш кхойкху аьлла...

Таккха цуьнан доттагIех воккхачо аьлла:

– Ахь иштта тхан ларам барна, оха а бина-кх хьан ларам. Хьан чIирхо схьавалийна дуьхьал оти чохь ву хьуна, лаахь хьайн чIир а эца, лаахь Делан дуьхьа и вита а вита, хьан тIехъийза йоI хьуна схьаялийна, кху цIентIехь йоссийна ю хьуна...

Иштта доттагIий лараро, массо хIумана тIехь аьгто бина оцу кIентан цу сарахь.

Ненах дагавала, цо бохург дича юьхьIаьржахIуттур вац хьо. И маьIна а дешало оцу дийцарехь.

Цийнан сий

Хьалха заманахь ламанца динчу цIенойн а, бIаьвнийн а наьIарш лоха еш хилла. Иштта лоха деш хилла гIопан ков. Таханлерачу нахана ца хаьа уьш иштта хIунда хилла.

Хьаша дукха чIогIа лоруш сий деш ву нохчийн.

ХIетте а чувогIуш волу хьаша – и мел генара веана, веза хьаша велахь а – охьатагIийта дина ду и ков а, и неI а иштта лоха. Оцу хIусаман йозалла, оцу хIусаман сий цунна дагадайта. Цул тIаьхьа цунна хуур ду оцу чуьрчу доьзалца ша хIун юкьаметтиг лелон еза, цу чуьра да, нана, нус, йоI, кIант, кегий нах, баккхий нах шен гергара нах буйла, оцу кех, оцу наьIарх чохьхьа ваьлчхьана дуьйна велла дIаваллалц.

Иштта маьIна хилла хьалха нохчийн хIусамийн неI, ков лоха деш хиларан.

ЦIеран сийлалла

Сулейманов Ахьмада дуьйцура:

«Цуьнка чуьра Зумса маре йоьдуш хиллера цхьа йоI. Иза а эцна Зумсара баьхкина замой гIаш дIабоблхуш, Кхаа-коьрте бохучу метте кхаьчча, нускало аьлла, шен цхьа хIума йицъелла, иза схьаэца ша юхаяха езаш ю. Вуьйш цецбевлла, реза боцуш, юхаберза ца лууш. ЙоIа, вайн захало доьхна ду-кх аш со юха ца яхийтахь аьлча, юхабирзина замой. Чу а яхана, кхийра кхаби чохь, шайн кхерчара алу схьаэцна цо. Цунах шен керлачу хIусамехь цIе хьалалатийна йоIа. И цIе дIа ца йойтуш, бIе шарахь ягийна цо, и зуда бIе берхIийтта шарахь яьхна».

Хьалха заманахь цIе йойтуш ца хилла. Буйсанна пхьор диинчул тIаьхьа, цIийнананас тIе юкь а хьокхий, кхерчара алу кьайлайоккхура... Iуьйкьана хьала а гIоттий, юха хьалалатайора и цIе.

Бешерашкахь ца йойтуш схьаьгначу цIеран зIе гуттаренна а хедира I944 шеран 23 февралехь. Иштта кхин меттахIотто йиш йоцуш хIаллакхилира вайнаха кхобучу даьхнийн а, дуьйш-дерзош лелочу ялтийн а хIу...

Цунах дуй-техьа вайн халкьан дахар хьалха хиллачу дайн ларда тIе дIа ца хIуттуш, кхечу кепе дерзар? И хууш дац.

Маршо

Цхъана ламанца йолчу юьртахъ вехаш стаг хилла. Цуьнан гуттар тIе нуьйр а тиллина, гоьзанах дIа а тесна, латтош говр хилла. Говр шиь хилла цуьнан, цхъаь яжа лаьллича, важа дIа а хIоттош, латтош. Ша а хилла иза гуттар а, новкъа вала кечвелча санна Iаш, гIода юккъера шаьлтий-доьхкий дIа а ца доккхуш.

– Ва-а, хьенех, и говр а стенна латтайо ахъ, хьюо ма ву хьо гуттар а юкь йихкина? – аьлла шега хьаьттича, цо жоп деллера:

– «Ва орца дала!» – аьлла, цхъаь кхайкхяхъ хьем ца беш цига дIакхача латтайо ас и говр, суо а иштта, юкь а йихкина, кийча ву со орцахвала.

Цу дийцаран ойла йича дика кхета Сулейманов Ахьмада аьллачу хIокху дешнех: «Нохчо сица маьрша хилла. Амма и маршо стеган дегI гаттехъ латтош хилла гIиллакхашца, декхаршца».

Делахъ-хIета, бакъйолу маршо стаг шена луьург лело маьрша хилар яц, гIиллакхийн, декхарийн дозанашкахъ са паргIат хилар ду.

Комаьршалла

Юьртахъ цхъа воккха стаг цомгаш хиллера. Цо кхайкхина тIевалийра шен лулахо, ткъа шо кхаьчна жимстаг.

– Со дIакхалхале цхъа хIума дийца лаба суна хьоьга, – элира воккхачу стага. – Вай цIера даьхначу хенахъ, тIера да а велла, ненан кочахъ дисира тхо дий бер: ши кIант а, ши йоI а. Уггаре а воккханиг со вара, итт шо кхаьчна. Мацалла хи санна леш бара нах. Цхъана сарахъ мацаллина дан хIума доцуш, дала охьадийшинера тхо а. Буйсанна хан яьллачу хенахъ, яй-й неI а тоьхна, цхъа лекхачу дегIахъ зьортала стаг велира чохъа. Шена тIерачу чоин тIома кIелахъ лачкъийна латточуьра схъа а эцна, цхъа жима тIоьрмиг кховдийра цо тхан нене.

– Кху чохъ мукх бу хуна, шайна пхьор диэ, – элира цо. – Оццул чохъ а битна-кх ас, оцу берашна. Кхана Дала схьаделларг хир ду-кх вайн рицкъа.

Тхан нанас оцу сохьта цу мекхах худар а дира. И худар а диьна оцу буса далаза кIелхъара девлира тхо. Массо а кьанваллалц ваха а вехи.

И бара хуна кьинхетам а, и яра хуна комаьршалла а. И дийр долуш нах кIезиг бара хуна хIетахъ. Эзарнах цхъаь я шиь волура. И мила вара хабий хуна, тхо мацаллех кIелхъарадаьхнарг? Хьан деда вар-кха. Со кхалхарца дIадала ма ца деза цунах долу къамел. Даим даха деза, лаьтта тIехъ адам мел деха. Цундела дуьйцу ас хьоьга хIара, кхечаьрга а дийцина, – шен къамел дерзийра воккхачу стага.

Кхо гиллакх

Бе шовзткъа шаре ваьлла цхъа воккха стаг хилла ламанца вехаш. Оццул хан йоллушехъ, шен гIуллакх а деш, тIахъаьлла а хилла иза.

И волчу хьошалгIа веанчу цуьначул ах хан йолчу, цхъана стага хьаьттина: «Оццул зама йоккхуш муха ваьхна хьо?»

– Со кхаа гIиллакхца ваьхна, – жоп делла воккхачу стага, – хьекъалций, комаьршаллий, майраллий.

– И гИллакхаш муха Јемира хьуна? – юха а хаьттина вукхо.

– Јовдал наха ца дийриг дора ша – иза хьекьал дара. БІаьрмецигалла шех дІакъастийра ша – тІаьхьайиснарг комаьршалла яра. Цкъа а нийсо бен ца юьйцура ша, ткъа нийсонца вехачуьнгахь майралла ца хила йиш а яц.

– ХІара дуьне маца кхолладелира хьуна? – юха а хаттар делла хьешо.

– Пхийтта шо кхаьчча кхолладелира шена дуьне, ткъе пхий кхаьчча тоделира. Кхузткъа кхаьчча – дуйхира шена дуьне, – жоп деллера воккхачу стага.

Хенаца яхь

Хьалха заманахь цхьана юьртахь вехаш цхьа ши кІант хиллера, вовшашца чІогІа йохье ваьлла, дика гІуллакхаш деш. Царах цхьаь цхьана Іуьйранна стерчий а доьжна, хьуьнха вахна хилла, шайн юьртарчу цхьана Іина тІехула долуш тІай тилла оьшу гІирс бан.

ДІавоьдуш, хьуьна юккьерчу цхьана ирзу тІера шовда тадеш, шайн эвлара воккха стаг гина цунна.

– Хьаштдоцуш веа-кх хьо тахана кхуза. Айса ден гІуллакхаш цхьанна а гайта лууш вацара со... – аьллера воккхачу стага.

– ХІунда? – цецваьлла жимстаг. – Нахана хиьча, хьоьца йохье а бевлла дика гІуллакхаш деш берш алсам бовла а ма тарло.

– Нахаца йолу яхь, хьо санна жима волуш дика ю. Сан и дІаьйлла дукха хан ю. Сан яхь а, сан кьийсам а хенаца бу, сан денош лечкьош дІаьоьдучу заманца. Сайн денош кхачадале, дикчу гІуллакхех сайн тускар дуза лаьа суна, и цхьанна а ган лууш а вац со, – дерзинера воккхачу стага.

Наж, поп, колл

Ножан синтар а, попан синтар а юх-юххехь даьллера. Вовшашца йохье даьлла, лекха долуш, лекха долуш, лекхаделира и шиь.

Ткъа бІаьллинган колл ца гІертара лакхалле.

Цунна хаьара лакха мел ели а, хала хир дуй лаьгтахь яха. «Лакхаллехь мох а хуьлу. Цо бохь чукагбан а тарло. Стелахаьштиг а кхета мега лекхачунна, вукхунначул хьалха. Ткъа аьхка малхо кьизаллица моьрцур ду церан кортош. Цул а атта дац, церан лекхачу диттийн ІиндагІехь паргІат дахар?!», – иштта хьехарш дора кулло кегийчу синтаршна.

И хезначу ножо элира:

– ХІораннан шен-шен бу некь. Хьан некь – диттийн когашкахь кхиар. Тхан некь – стигала, малхе гІертар.

Попо тІетуьйхира:

– Уггар хьалха тхан гаьннаш тІе хуйьшу зевне олхазарш. Цара эшарш а локкху.

Сулим Магамадов

Каждый прожитый миг отзовется когда-то...

Родился в селе Майртуп в 1968 году. Среднюю школу окончил в Калмыкии. Вернувшись на родину, с отличием окончил профессионально-техническое училище в городе Аргун. В 1993-м, так же с отличием, – Ставропольский политехнический институт. В 2004-ом – Махачкалинский институт финансов и права. Работал в бизнесе, на различных должностях – в том числе в Министерстве труда, занятости и социального развития Чеченской Республики. Любовь к литературе, и в частности к поэзии, возникла в школьные годы. Тогда же он написал свое первое стихотворение, посвященное матери. Лирика Магамадова, по словам известной чеченской поэтессы Розы Талхиговой – это «чувства и размышления поэта о сегодняшнем дне», это «лично пережитое», а также – «поиск смысла жизни, единственного и неповторимого счастья».

С. Магамадов работает также в прозе, занимается теологией и философией. Член Союза писателей России. Является автором нескольких поэтических сборников: «В ожидании наитий» (2004), «В лабиринте души» (2006), «Ушедший день, я не тоскую по тебе» (2018).

О, синь без края...

Средь нежных трав своих кавказских прерий,
 Лежу я, в небо устремляя взор...
 О, синь без края, отвори мне двери!
 Пусти меня в заоблачный простор...

Бескрайнее, далекое пространство!
 Что за тобой? Яви мне Разум свой...
 Быть может, в чудном мире постоянства,
 Ты наблюдаешь за моей мечтой...

Быть может, шар земной приблизив к глазу,
 Ты различишь в траве мой силуэт...
 И умиленный красотой Кавказа,
 Промолвишь тихо: «Здравствуй, мой поэт...»

Потом мы, взявшись за руки, как дети,
 С тобою улетим на Млечный Путь...
 К тем дальним звездам, что Землей воспеты!
 Мне б только... Вдохновения чуть глотнуть.

***

Сегодня мелкий дождь с утра резвился,
Стуча по крышам дробью, без конца...
Я видел, ежик кубарем катился
По закромам небесного дворца...

Дырявя тучи, ежик кувыркался,
На радость солнцу, вышедшему вслед...
Потом куда-то второпях умчался,
Оставив в небе лучезарный след.

***

В ледяные, жемчужные шубы,
Нарядила деревья зима.
Белым снегом покрытые срубы,
Чуть дымятся вдали, у холма...

Лес, вчера еще шумный и пышный,
Где звенела весенняя трель,
Задремал. А вокруг, еле слышно,
Колыбельную тянет метель...

Свежий воздух щекочет мне ноздри.
Взгляд уносит в небесную синь.
Потрясу небосвод я... И звезды
Упадут на верхушки осин...

***

Загружается память картинками дней.
Каждый прожитый миг
Отзовется когда-то...
Кучер жизни моей,
Не гони лошадей,
Дай осмыслить бегущие дни
До заката.

Там, в небесной дали
Приоткроется дверь,
И вселенная тихо
Объятая раскроет.
Шаг. И ты никогда не вернешься,
Поверь,
Чтобы что-то исправить,
Загладить, устроить.

Сколько раз ты твердил –
Разум выше всего?

Но, страстями оседланный,
Рвался куда-то
И грешил.
Может быть, и не зная того,
Как хитры и заманчивы
Перлы разврата...

Наша плоть от рождения
Жаждет утех,
Угождая желаниям,
Чувства черствеют.
Поднимаясь
По нравственной лестнице вверх,
Помни, страсти твои
Лишь в узде отрезают.

Только сердцем покайся,
За пошлость идей.
Знай, что прожитый миг
Отзовется когда-то...
Кучер жизни моей,
Не гони лошадей,
Дай осмыслить бегущие дни до заката.

***

Начертан путь. По волнам жизни время
Несет ковчег в неведомую даль.
И мы плывем порой совсем не с теми,
Кто близок сердцу и душе. Как жаль.
Секунды, дни перерастают в годы.
Клубок из судеб катится во мгле...
И мы, подобно листьям в непогоду,
Летим, не зная, что нас ждет и где...

Летим по жизни, оставляя сзади
И пот, и кровь, и мысли, и дела...
Летим вперед сквозь вихри листопада,
Чтоб оглянуться на краю жерла...

***

Притихло небо, ожидая грома.
Сгустились тучи грозовые тьмой.
Я отошел недалеко от дома,
И потому уже спешу домой.

***

Нас, маленьких, в жизнь провожали,
Родители наши, любя.
Растили, ночами не спали,
Совсем не жалея себя.

Но время прошло, пролетело.
Морщины на лицах уже.
И вялость в походке несмелой.
И детство в нетвердой душе.

И только добра нам желая,
Родители ждут нас и ждут...
А мы не всегда понимаем,
Как быстро секунды бегут...

Калмыкия

Здравствуйте мои тюльпаны!
Как живется вам в степи?

Серебристые полыни
И ирисы, как вы здесь?
Сколько вас, мои святыни,
Собралось в краю чудес...

Я лежу в траве цветущей,
Слышу радостную трель.
Зултурган меня зовущий –
Золотая колыбель...

***

Глаза в глаза и сердце к сердцу.
Наш переводчик – тишина.
Мы оба открывали дверцу –
В край, где безмолвствует весна...

Но подо льдом немых сомнений,
Искусно бубен кто-то тряс.
Там чувства страстно и без лени
Пускались в свой весенний пляс.

***

И снова снился мне чудесный сон.
Как чувства парус ветром надувая,
Стремительно неслись на небосклон...
И за собой мой разум увлекая,

Душевной лирой освещая путь,
С небесных окон землю наблюдая,
Перебирали лет прошедших суть...
Чтоб загореться вновь...

И вновь уснуть.

Чтоб молодость однажды вспоминая,
Я мог себя, хотя б на миг, вернуть –
Туда, где страсти прожигали грудь...

***

Нам говорят: вы гости в этом мире.
Пройдут года, и вас вернут домой...
Вас прописали временно в квартире,
Которую зовут еще Землей...

Нам говорят... Но разве мы их слышим?
Как нам понять за суетой своей,
Что, закрутив гончарный круг,
Всевышний
Слепил из глины черепа людей...

Что ходят Глины по земле – по глине,
Не ведая, что под ногами их...
Что глина эта в глиняной могиле
Раздавит их в объятиях своих...

Что день проходит быстро.
Год быстрее...
Шагнув вперед, уже нельзя назад...
За нами пустота, взглядишь смелее,
В той пустоте лишь призраки парят...

Шагнул вперед, отталкивая землю,
И прошлое с ней улетело прочь...
Я оглянулся, вздрогнул: серой тенью
Умчался жизни миг в глухую ночь...

Мы гости в этом мире, это правда.
И прожитые годы не вернуть.
И потому сто тысяч раз нам надо
На жизнь свою
со стороны взглянуть!

Понять, что рождены мы для чего-то...
Хвала Аллаху, есть у нас Коран!
Добро и Зло – то в Рай и в Ад ворота.
Спеши прозреть! На то и разум дан...

Хамсат Агаева**Рассказы****Наследство**

Хади бережно приняла от повитухи сморщенный пищащий комочек, обернутый куском ткани. Хвала Всевышнему, услышавшему ее молитвы! Третий внук! На лице еще не старой женщины застыло торжествующее, почти хищное выражение. Больше никто не скажет, что ее сын никчемный калека, и никто не оспорит его права на наследство. Трое крепких здоровых внуков тому порука.

***

В шестнадцать лет Хади превратилась в невысокую, стройную красавицу. Бойкая, сноровистая в работе и острая на язык, она была заводилой среди девушек своего села. С детства не уступала ровесникам-мальчишкам ни в скачках, ни в драке, ни в проказах, оттого стала любимицей старших родственников-мужчин. Женщины называли ее не иначе, как илбиз-йоI (шайтанка), а братья побаивались и уважали свою воинственную старшую сестру, которую слушались даже больше, чем родителей.

Не одного жениха отвадила Хади своими насмешками и задиристыми шутками. Однако Алхаст оказался не из пугливых. Почти каждый вечер приезжал он из дальнего села, то поджидая ее у ручья, то появляясь на посиделках. Не смущали его ядовитые подколы девушки, на которые он умел находить не менее остроумные, но приятные для девичьего слуха ответы. Не отвадили его разговоры Хадиных злобствующих соседок, уверявших, что это не девушка, а бес в юбке, и нет в ней ничего женственного.

Не расстроил его даже отказ любимой стать его женой – слишком уж противоречил ее взгляд сказанным словам, и слишком хорошо знал Алхаст, насколько она горда. Однажды осенним вечером он просто подхватил возвращающуюся от родника девушку, завернул в бурку и, крепко прижимая драгоценную добычу к груди, на взмыленном коне примчался к дому дяди.

***

Алхаст оказался очень трудолюбивым и рачительным хозяином. Помимо отцовского дома, который по обычаю оставался ему как младшему сыну, он имел еще внушительное стадо скота, отару овец и небольшой табун лошадей. Свекор Хади не мог нарадоваться, что невестка оказалась умной и работающей, под стать его любимому сыну.

Не без помощи родственников и друзей Алхаста они расчистили большой участок земли от леса и кустарника под покос, возвели несколько хозяйственных построек для увеличивающегося поголовья. Хади трудилась почти наравне с мужем, уступая ему лишь самую тяжелую работу, где невозможно было обойтись без помощи других мужчин. Даже в ожидании ребенка она не захотела ограничить себя только домашним хозяйством. Полола кукурузу, обихаживала скотину, вместе с мужем метала сено в стога,

в ненастье выезжала верхом, чтобы помочь согнать скот и овец в загон...

Промозглой поздней осенью родился их сын. Старая знахарка, приняв мальчика, долго и пристально рассматривала его, чуть заметно с неодобрением покачивая головой. Ничего не сказала, однако в течение нескольких следующих недель часто заглядывала к ним. Распеленав младенца, растирала его вытопленным курдючным салом. Дала молодой матери сбор трав, посоветовав добавлять отвар в воду для купания. Наконец, когда терпение встревоженного деда кончилось, выдала горестную правду – ребенок родился калекой.

– Рука у него будет усыхать, – показала левую ручку мальчика, которая действительно была чуть заметно меньше правой. – И ножки слабые, не знаю, сможет ли ходить. В любом случае, надо постоянно купать его в травяных отварах и растирать вытопленным салом, лучше всего барсучьим или медвежьим. Даст Аллах, состояние малыша будет не очень тяжелым.

– Что ж, значит, такова воля Всевышнего, раз Он послал нам это испытание, – смиренно отозвался старик. – Будем делать то, что в наших силах, и надеяться на Его милость.

Дед взял на себя все заботы о здоровье внука. Он научился правильно растирать маленькое слабое тельце, добывал и вытапливал барсучий или медвежий жир, заваривал необходимые травы, самолично купал мальчика и нянчился с ним. Они стали практически неразлучны, и в полтора года малыш все-таки сделал первые неуверенные шаги.

Алхаст утешал жену, говоря, что не ее это вина, что на все воля Всевышнего и, если Он даст, родятся у них еще здоровые дети. Хади понемногу успокоилась, временами снова слышался ее веселый смех.

Казалось бы, жизнь стала налаживаться, но тут случилось горе – умер свекор. Не успели оплакать его, как на маленькую семью свалилось еще одно страшное несчастье – возвращаясь ночью домой, сорвался в пропасть и насмерть разбился Алхаст.

Хади осталась одна с двухлетним сыном на руках.

***

Зима проходила в хлопотах и заботах. По просьбе Хади одинокая старушка-знахарка перебралась жить к ней. Теперь было кому присмотреть за сыном, пока молодая женщина занималась немалым хозяйством. Уход за скотиной, а потом и за новорожденными ягнятами и телятами отнимал уйму времени и сил, но она справлялась. Беспокоили мысли о весне – чтобы осилить недельную пахоту на их участке, нужны были мужские руки.

И громом среди ясного неба прозвучало решение деверей, к которым она обратилась за помощью и советом.

– Сами и вспашем, и посеем, и урожай снимем. Твой калека нормальным человеком все равно не вырастет, так что наследство отца ему ни к чему. Без куска хлеба мы его, конечно, не оставим, своя кровь как-никак, хоть и ущербная. А ты пока молода, успеешь свить гнездо под другой крышей. Так что лучше возвращайся домой прямо сейчас, – отрезал старший брат мужа. Средний молча его поддержал.

Хади не помнила, как вышла на улицу и сколько простояла на холоде, силясь

сделать хотя бы один вдох. А потом почувствовала, как вместе со свежим морозным воздухом ее грудь заполняет ярость.

Вот, значит, как? Решили вышвырнуть ее из дома, ее ребенка вырастить сельским дурачком без семьи и собственного угла, а себе хапнуть все наследство мальчика? Она три года вкладывала душу в это хозяйство. И душу Алхаста чувствовала во всем, к чему он когда-то прикасался... А теперь оставить все и с опустошенным сердцем вернуться в родительский дом? Ну уж нет!

***

Войдя в дом Воккха Дады, как уважительно называли старшего в роду мужа, Хади поздоровалась с хозяйкой. Справилась о здоровье и житье-бытье, спросила, дома ли хозяин. Получив утвердительный ответ, сказала, что хотела бы поговорить с ним, если у него найдется для нее время.

– Проходи-проходи, Хади, – раздался из комнаты густой мужской бас. – Приходи свободной, дочка, рад тебя видеть.

Собралась было по этикету расспросить и его о здоровье, но старик махнул рукой:

– По лицу вижу, что с проблемой пришла, не до пустых разговоров тебе. Рассказывай, что случилось.

Воздерживаясь от излишних эмоций и вертящихся на языке эпитетов, молодая женщина выложила ему свой разговор с деверем. Воккха Дада помолчал, оглаживая длинную седую бороду, а потом тяжело вздохнул:

– Мне не в чем его упрекнуть, кроме неучтивости. По сути, брат твоего мужа прав. Он не отказывается содержать больного племянника. А ты молода, красива и чужая в этом селе. Только пойми правильно, я не сомневаюсь в твоей честности. Но сама знаешь, какие ядовитые языки у сплетниц. Если хотя бы одна из неприязни или зависти начнет распускать нехорошие слухи, нам придется держать ответ перед твоими родственниками. А это никому не нужно.

Немного помолчав, старик вдруг спросил:

– А как поживает твоя прабабка? Ты, наверное, давно ее не навещала? Нехорошо, надо бы съездить. И от меня маршалла передавай. Я еще юнцом от стариков слышал, что она не по-женски умна. Даже обращался к ней как-то за советом. У нее для каждого находилось мудрое решение и доброе слово.

Поблагодарив старейшину за разговор и вежливо отказавшись от приглашения к столу, молодая женщина попрощалась с хозяевами.

***

С рассветом, управившись со скотиной, Хади оседлала жеребца, закрепила собранные с вечера таьлсы* и, оставив сына на попечении знахарки, отправилась в путь. К вечеру нужно было вернуться – кроме нее некому присмотреть за хозяйством.

Еще до полудня спешила перед домом прабабки. Маленькая шустрая старушка быстро накрыла стол для гостя, с благодарностью приняла подарки

---

* Таьлсы (чеч.) – переметная сума.

и разлила по чашкам душистый травяной чай с молоком. Выслушав правнучку, ненадолго задумалась.

– Дядя твой по матери, Ага, с четырьмя сыновьями живет в одной башне. Клочок земли у них небольшой, да и земля не плодородная – сплошные камни. А ведь сыновей еще женить надо и где-то дома для них строить. Думаю, они не откажутся переехать к тебе. Похозяйничают на вашей земле, пока твои внуки подрастут, заодно и свое хозяйство поднимут. А там, как знать, может, удастся им хороший участок прикупить. Ребята у него толковые, трудолюбивые. Будут тебе и работники, и родственники рядом, в обиду не дадут.

Распрошавшись со старушкой, Хади решила, не тратя времени, завернуть к дяде. Вся семья как раз собралась за обеденным столом. После бурных, горячих приветствий и сытного обеда нежданная гостя коротко обрисовала ситуацию и свое предложение. Пообещав, что в накладе они не останутся, извинилась, что не может задержаться подольше. Попросила как можно скорее принять решение, тепло распрощалась с родственниками и поспешила домой.

Через две недели Ага с семьей переехал к племяннице, как раз успевали подготовиться к весенней пахоте. И только когда двоюродные братья взяли на себя основную часть работы, она поняла, насколько тяжелый груз несла на своих плечах все это время.

***

Постоянный уход и забота сделали свое дело – сына Хади нельзя было назвать уродцем. Хотя тяжелый труд был ему не по силам, но спину подросток держал прямо, спокойно преодолевал небольшие расстояния пешком, да и речь была связной. Портит впечатление только слабо развитая левая рука, но и ею он научился неплохо управлять.

Невесту для сына Хади присматривала давно и тщательно. Выбор ее пал на старшую дочь вдовы, бедствующей с кучей детей. Шести коров оказалось вполне достаточно для сговора между двумя женщинами. То, что мальчику всего пятнадцать лет, мать не смущало...

Не раз женщина мысленно попрекала себя за то, что, будучи на сносях, делала тяжелую работу. Была уверена, что именно из-за этого сын родился больным. Невестку же теперь берегла, как зеницу ока.

– Твое дело – здоровых сыновей рожать. А работать есть кому, достаточно с тебя домашних хлопот, – твердила новоявленная свекровь, окидывая заботливым взглядом расплывающуюся талию снохи. Два года ждала она этого счастья, и рисковать сейчас не собиралась...

Двое старших мальчиков родились с перерывом чуть больше года. А сегодня в их семье появился еще один мужчина, добавив бабушке приятных хлопот. Повитуха, все та же старая знахарка, подтвердила, что ребенок здоров. Возблагодарив Всевышнего за очередной подарок, Хади осторожно взяла на руки третьего внука.

***

Пришла весна. Наделы были вспаханы и засеяны, скот отогнали на летние пастбища. В работах наступило недолгое затишье перед прополками.

Как-то днем Хади умыла и празднично одела внуков, принарядилась сама. Среднего подвязала огромной шалью на спину, младшего взяла на руки, а старшему велела держаться за подол платья. В таком сопровождении и двинулась к домам деверей, живших по соседству друг с другом.

– Во-о-о, братья мужа! – крикнула она, остановившись перед воротами. Первыми на улицу выглянули любопытные соседки, что женщину вполне устраивало. Через некоторое время вышли оба деверя, каждый на свое крыльцо.

– Посмотрите сюда, братья мужа, – громко сказала Хади, выставив перед собой старших внуков и отбросив угол платка с лица младшего. – Попробуйте теперь сказать, что у вашего брата нет наследников или что они никчемные! Вы хотели обобрать сироту и выгнать одинокую вдову, но Аллах милостив. Видите ли вы этих детей, будущих мужчин вашего рода? Можете ли вы сказать, что им ни к чему наследство их деда? Можете ли вы сказать, что на оставленных вашим братом землях нет хозяев?

Мужчины, поначалу шокированно застывшие на месте, вдруг разом засуетились, поняв, сколько вокруг свидетелей.

– Хади, приходи свободной! Заходи в дом, дорогая, – заискивающе пригласил старший, недовольно зыркнув глазами на непокорную сноху.

– Мне нечего делать в доме, в котором не уважают память и наследников моего мужа, – гордо ответила отомщенная женщина. – В дом ваш войдут внуки вашего брата, когда подрастут. С ними и будете водить родство. Вы хотели лишиться своего племянника материнской заботы и сделать его посмешищем для всего села, называя никчемным калекой. Но, как видите, для продолжения рода он все-таки сгодился. Так что посмешищем теперь будете вы, это я вам обещаю.

И ровно через месяц она снова явилась к дверям родственников мужа с внуками и насмешливыми речами. Это стало ее ежемесячным ритуалом. Оба деверя, услышав, что Хади с внуками идет к их дому, сбегали задними дворами. Однако это не мешало упорной женщине устраивать перед воротами очередное представление. Она была уверена, что соседи донесут до них все до последнего слова, а особо остроумные еще и от себя добавят.

Так продолжалось несколько лет, пока мальчишки не подросли достаточно, чтобы самим сбегать в село для игр с другими детьми. И никто, даже братья деда, не смел поддразнивать мальчиков их отцом-калекой – люди по достоинству оценили злопамятность и мстительность Хади.

***

Внуки выросли, обзавелись семьями и взяли в руки управление огромным хозяйством, которое сберегла и приумножила для них воинственная бабка. Старый Ага с сыновьями поселился рядом, за сорок голов скота выкупив большой участок нетронутой земли.

С тех пор минуло более ста пятидесяти лет. Жизнь за это время не раз удивлявшая крутыми поворотами, раскидала по свету жителей села. Но многочисленные потомки двух фамилий и сегодня помнят свое родство.

Оскорбление

Ибрагим, еще не войдя в дом, услышал голос матери. «Опять ругаются», – недовольно качнул головой. Точнее, ругалась мать. Отец, при всей своей физической мощи и грозном виде, был человеком добродушным и миролюбивым: говорил мало, склок не любил и жене не перечил.

***

Мать Ибрагима, рослая красивая женщина, даже став бабушкой, не утратила ни своей привлекательности, ни крутого нрава, ни острого языка. Родом из далекого зажиточного села, она так и осталась здесь «пришлой».

Мало того, что принесла с собой до неприличия богатое приданое, вдобавок оказалась хорошей хозяйкой, искусной рукодельницей, неутомимой работницей, уважительной снохой и примерной матерью.

Старики, когда речь заходила о том, какой должна быть истинная чеченка, ставили ее в пример молодежи. А в чисто женской компании эта несносная гордячка умудрялась одной меткой фразой поставить на место какую-нибудь зарвавшуюся молодку. Все это вместе взятое отнюдь не приводило в восторг местных кумушек.

Последние, прознав о ревнивом характере соседки, всячески пытались отравить ей жизнь, в том числе и сплетнями о том, кто из девушек или вдовушек очередной раз строил глазки ее мужу или делился мечтой войти в дом второй женой.

Отец, высокий, статный красавец-мужчина, всегда оказывался в центре женского внимания, хотя никогда его не искал: он видел лишь свою жену. Однако именно ее неконтролируемая ревность была причиной практически всех семейных конфликтов.

Иногда на майдане мужчины пытались поддеть отца шутками на эту тему, но тот неизменно отмахивался: «У сноровистой жены и язык норовистый». Только благодаря его безграничному терпению в семье сохранялся прочный мир...

Ибрагим, стараясь не обнаружить себя, уже шагнул было к выходу, когда фраза, брошенная матерью в запале, пригвоздила его к месту: «Не мужчина ты, если не женишься на ней!»

Он застыл, вслушиваясь в воцарившуюся напряженную тишину. Йа Аллах! Она что, не понимает, что бросила в лицо мужу самое страшное из оскорблений?! Он же теперь просто вынужден будет привести в дом ту девушку! Воистину, женский ум короче лягушачьего хвоста!

Из дома больше не раздалось ни звука. Коротко переведя дух, юноша тихо выскользнул на улицу и направился на задний двор...

***

Ибрагиму не спалось. Уже приближалось время утреннего намаза, а в его голове все ворочались тяжелые мысли. Прошла почти неделя с памятной ссоры родителей, однако отец так ничего и не сделал. Кажется, он простил жене то, что не должен был прощать ни как мужчина, ни как старший в роду.

Ибрагим поехал от мысли, что было бы, если б в тот день на его месте оказался кто-нибудь из соседей. Имя отца трепали бы все, кому не лень. И в

первую очередь те, кто ногтя на его мизинце не стоит. Зависть – страшное чувство. Она толкает человека на самые низкие поступки. А уж если найдется повод выполоскать имя ненавистного человека, втоптав в грязь авторитет, которым пользуется их фамилия на протяжении многих поколений...

Не должен был отец прощать такое. Каждый чеченец знает, что уважение к мужчине начинается с уважения, которое ему оказывает жена. Уважает жена – будет уважать семья. Уважает семья – будут уважать соседи. Уважают соседи – будет уважать село. Уважает село – будут уважать за его пределами.

И в том, что мать позволила себе оскорбить отца, сын видел вину исключительно последнего. Жена не выйдет за рамки дозволенного, если муж время от времени будет эти рамки обозначать. Но выйдя за пределы один раз, женщина обязательно сделает это снова, если ее не вразумить. А утерянный авторитет вернуть практически невозможно. И этому есть масса свидетельств.

Что ж, раз отец не собирается ничего предпринимать, то действовать придется ему, Ибрагиму.

Предрассветная пора. Горная дорога. Полная луна тихо скользила по склонам, лепя из сгустков темноты причудливые силуэты. Лишь изредка слышался крик ночной птицы или раздавался вдали протяжный волчий вой.

Небольшая группа всадников подъезжала к селу. В середине кавалькады белым пятном выделялась одетая в свадебное платье девушка. Та самая, из-за которой разгорелся весь сыр-бор и для которой вся эта история стала полной неожиданностью.

Редко бывало, чтобы сын при живой матери приезжал сватать за отца вторую жену. Девушка не знала, что сказал ее отцу этот видный и спокойный молодой человек, но времени на сборы ей дали только до вечера. Кто бы мог подумать, что судьба так повернется?..

Ибрагим с двоюродными братьями и невестой подъехал к дому дяди. Их уже ждали. Женщин решили побеспокоить чуть позже, чтобы весть о женитьбе отца не разнеслась по селу раньше времени. И заодно надо прикрыть участие сына. Пусть мать сначала немного остынет.

Передав невесту дяде, Ибрагим вернулся домой. Осторожно, чтобы никого не разбудить, прошел в свою комнату. Совершив утренний намаз, растянулся на постели и неожиданно провалился в сон.

Разбудил его надрывный плач матери...

***

Рано утром женщина, как обычно, отогнала скотину на выпас, а на обратном пути ее встретила самая «заклятая» соседка. Глаза последней просто искрились злорадством, однако поздоровалась она деланно-сочувствующим тоном:

– Не ожидала я такого от твоего мужа. Надо же, женился! Молодую совсем взял. Вот и доверяй этим мужчинам!

– Когда бы он успел жениться? – последовал недоуменный ответ. – Он же до утра дома был.

– А ты к деверю сходи, у него она, все женщины там. Вчера ночью привезли, а сегодня или завтра в ваш дом введут...

Удостоверившись, что соседка не лжет, мать растрепанной птицей промчалась по улице и влетела в комнату сына:

– Ва-а-а-а-а, Ибрагим! Вставай, вставай! Твой отец женился!..

Ибрагим вскочил, мгновенно проснувшись. Несколько минут молча слушал сбивчивые причитания матери. Наконец, пристально посмотрев ей в глаза, сказал: – Значит, мой отец все-таки мужчина.

И, отведя взгляд от ее резко побледневшего лица, вышел.

Мать наотрез отказалась оставаться в селе мужа. Она уже собрала вещи и заявила, что возвращается в отцовский дом. Ее пытались отговорить. Пообещали, что вторую жену не приведут в этот дом, а поселят отдельно. Напомнили, что нельзя позорить взрослых сыновей, которые должны о ней заботиться. Давили на больное: «Неужели ты свой дом и весь свой труд, вложенный в него, оставишь сопернице?» Но та была непреклонна.

Видеть счастливые лица «любящих» соседок и слышать их ядовитые подколки, присыпанные фальшивым сочувствием, было выше ее сил. Факт, что новобрачной-бесприданнице не менее щедро подсыпали тот же яд, расписывая принесенные первой женой богатства и расхваливая ее достоинства, мало утешал.

Наконец, после долгих и утомительных переговоров отец решил приобрести надел в родном селе матери, построить дом и переселить ее туда вместе с младшим сыном.

***

Хлопоты по переезду Ибрагим взял на себя. Приехав к деду, рассказал обо всем начистоту. Тот внука поддержал, попенял на несдержанность дочери и взялся помочь с обустройством.

Через неделю, с одобрения совета старейшин села, Ибрагим стал обладателем обширного участка нерасчищенной земли на другом берегу реки. К осени на небольшом плато возвели каменный дом и переехали. На следующий год расчистили поле для посева, перегнали скотину и построили просторный коровник. На другом расчищенном участке разбили сад. Той же осенью сыграли свадьбу Ибрагима.

Возвращение в родное село словно придало матери сил, она немного оттаяла. Спина ее стала еще прямее, походка уверенней, а во взгляде поселилась печаль – от произошедших перемен она так и не оправилась. И скандалы бывавшему наездами мужу больше не закатывала. Лишь каждый раз, узнав о рождении у соперницы очередного ребенка, бросала все дела и на целый день уходила в сад или закрывалась в комнате, чтобы никто не видел ее страданий.

Но до конца своей жизни ни словом, ни взглядом не попрекнула сына.

Родня

Шел второй год после выселения чеченцев. Второй полуголодный год в Казахстане, хотя уже и не такой страшный, как предыдущий. Люди постепенно приходили в себя, устраивались на работу, обживались на новом месте. И лелеяли мечту о возвращении домой.

Сайпа исподтишка наблюдал за хозяйничающей мачехой. Шустрая, крепкая молодая женщина без труда управлялась с печью и скудной кухонной утварью, готова лепешки к ужину.

После смерти матери отец женился уже третий раз. В двух предыдущих женах его не устроило только одно – отношение к сыну. Как-то отец сказал: «Детей сызмальства воспитывает женщина, до семи лет они находятся под

ее крылом. Если мать глупая и кого-то недолюбливает, то и детей настроит против этого человека. А если она с предубеждением относится к детям мужа от другого брака, то семья никогда не будет дружной. Такую женщину на выстрел нельзя к дому подпускать».

И вот, пару месяцев назад в дом вошла Бата. Это был ее второй брак, первый муж умер незадолго до выселения. А в страшные февральские дни 1944-го Бата с двумя дочерми гостила у престарелых родителей в соседнем селе, откуда их и вывезли в холодные степи Казахстана. Где родственники девочек, живы ли они, никто не знал. С родителями Баты малышки и жили сейчас, недалеко от матери, буквально через две улицы.

С Сайпой мачеха вела себя очень корректно, выказывая пятнадцатилетнему парнишке уважение, как взрослому члену семьи, мужчине и кормильцу. За столом старалась поставить перед ним лучший кусок после отцовского. В дом, наконец, пришли мир, покой и уют.

Наступила поздняя осень. На улице задувал промозглый ветер, накрапывал нудный долгий дождь. Последние дни Бата вела себя беспокойно. А вчера вечером Сайпа случайно увидел, как мачеха ускользнула из дома в сторону сеновала, незаметно прихватив с собой из без того скудного запаса лепешку и кусок творога.

Сегодня она суетилась вроде так же, как обычно. Но нет-нет, да бросала настороженные взгляды то на мужа, то на пасынка. Утром Бата опять отлучилась, но мальчик не успел за ней проследить. Сейчас же, улучив момент, женщина снова шмыгнула за дверь.

Сын взглянул на отца, который читал Коран при слабом свете керосиновой лампы и ничего не замечал. Немного подождав, подросток вышел из дома и направился вслед за мачехой.

Спрятавшись за угол коровника, Сайпа расслышал шорох и тихий голос женщины. Затем Бата бесшумно проскользнула в сторону дома. Его она не заметила.

Мальчик вышел из-за сарая и прислушался. Тишина. Окинул взглядом стог, который он собственноручно сметал пару месяцев назад. Увидев выбивающийся клоч сена, подошел, аккуратно разворошил его и замер: перед ним мышками жались друг к дружке две чумазые озябшие девочки, укутанные в старое армейское одеяло. Огромные заплаканные глазенки смотрели испуганно.

Сайпа сразу узнал дочерей Баты. «Видно, совсем у деда с бабкой голодно, раз мать их тут прячет и тайком подкармливает», – мелькнуло в голове.

– Ну, чего сидите-смотрите?! – грозно нахмутив брови, проворчал парнишка. – А ну, марш в дом!..

Входная дверь открылась, впуская с улицы холод и топот детских ножек. Женщина у печи замерла в ужасе. Сайпа перехватил ее взгляд и, чуть усмехнувшись, повернулся к отцу:

– Вот, принимай, привел тебе дочерей. И сестер себе.

Гойское – 2000

Весна 2000 года. Последняя весна XX столетия.

Не было ни внезапного буйства зелени и запахов, ни шумных победных песней птиц и ручьев. Исподволь вступала она в свои права, робкими мазками

раскрашивая луга и оживляя деревья. Словно извинялась за то, что не может раскрасить траурные платки и оживить тех, в память о ком эти платки покрыли поседевшие раньше времени женские головы.

Черные, перерытые снарядами поля близ селения Гойское представляли собой фантазмагорическое по мрачности и безысходности зрелище. Казалось, земля, израненная множеством осколков, натужно дышит в последнем предсмертном забытии. И лишь приблизившись, можно было понять, что это двинутся люди.

Сотни, тысячи женщин – матери, сестры, близкие родственницы – собрались здесь в надежде, что найдут своих мужчин и похоронят их, как полагается. В надежде, что останется хотя бы могила, к которой они смогут приходить, чтобы излить боль своего сердца.

Сюда свозили тела погибших в селении Комсомольское.

Погибших, потому что проданные и преданные, поставленные перед выбором – смерть или ужасы фильтрационных лагерей, – они выбрали смерть. Выбрали, вспомнив тех, кто в первую войну побывал в этих лагерях. Сломленных, раздавленных, вместе с блеском глаз и веселой улыбкой потерявших веру в себя и вкус к жизни. Выбрали, потому что сочли смерть более достойным выходом.

Их не упрекали за этот выбор. Зажав ноющие сердца в тисках терпения, женщины передвигались от одной группы тел к другой, внимательно разглядывая каждую уцелевшую деталь одежды, каждую черточку сохранившегося лица, каждый палец сведенных судорогой конечностей.

Сетовали лишь на то, что не могут узнать их по особым приметам. Становясь взрослее, вчерашние мальчишки уже не показывались в недетском виде даже перед матерью. Это считалось непристойным. И женским взглядам были недоступны новые отметины, оставленные на их молодых телах неугомонной жизнью.

Потом, когда все закончится, эти женщины вернутся в относительно спокойную обстановку. И вот тогда они на себе начнут чувствовать боль от ран сыновей и замерзшие ноги – так, наверняка, мерзли в снегу босые ноги их детей.

Задыхаясь, матери будут просыпаться среди ночи от кошмаров, снова и снова проживая во снах сегодняшние дни. Увидев сухие макароны и зерна, душить рыдания, вспоминая скудный паек, извлеченный ими из карманов изможденных голодом погибших...

Но это будет потом. А сейчас, почерневшие от горя глаза провожали ребят, многие из которых так и не успели оставить след на земле, создать семью, увидеть детей. Провожали неузнанными и неузнаваемыми.

Женщины медленно кружили между трупами, создавая молчаливые хороводы тоски и скорби, с отчаянной надеждой умоляя в душе Всевышнего смилостивиться и помочь.

Те, кому повезло, не плакали. Если кто-то и плакал, то от радости, стыдясь своих слез перед теми, кому, возможно, не суждено унести в памяти номер ряда и могилы.

Могилы, к которой можно будет вернуться...

***

Вам виделась когда-нибудь война,
Блуждающая в траурном обличе,
И эта чуть живая тишина,
Не тронутая материнским кличем?

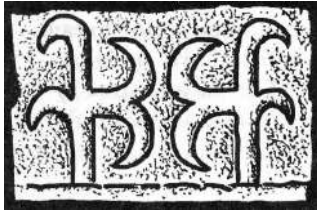
Вы видели когда-нибудь поля,
Не плугом вспаханные, а войной?
Над бороздою нет там воронья,
Черны глаза с задушенной слезой.

Вокруг искромсанных и оскверненных тел,
Как в жутком сне, плетется хоровод –
То матери, сойдясь у Гой-Йисте,
Над сыновьями совершают скорбный ход.

Вы видели?.. Стыдась, рукой зажала
Крик радости... Сдержаться не смогла,
Заплакала. Да, это он! Узнала!
Пусть мертвого, но все-таки нашла!

И завистью полны вокруг глаза,
Ведь им еще надеяться, искать.
Хвала Аллаху, что теперь нельзя
Могилу эту у нее отнять...

Вам виделась когда-нибудь война,
Блуждающая в траурном обличе?
Как редко оживает тишина
Тем полным горя, но счастливым кличем...

Хава Гагаева

На моей алхимической мельнице

***

Интересно, каково это – быть тобой,
презирать целый мир –
и пытаться его изменить?
Вуалировать слово «любовь» и, боль
оседлав, диким койотом выть?..
Прав ли тот, кто предался тоске и
ждет сострадания истины и тишины?
Или, кто, воплощая свои дела, живет
с атрофированным чувством вины?..
Кто не сеет, а только лишь
спит свою жизнь, как все,
станут метками на твоём пути – и все.
Расскажи о проблемах полярной звезде,
а дорогу тебе укажут сны.

***

твои потерянные дети
застыли на краю пруда
луной испорченного света
их манет мертвая вода
они дублируют ошибки
их некому остановить
сводом нелепых правил зыбких
не подкупить не подкупить
ты тоже полон тех сомнений
что растворяются к утру
иди ко мне мой странный гений
печаль твою с лица сотру

***

они говорят тебе смиришь
едва ли ты хоть что-то можешь
в этом мире изменить
едва ли ты сумеешь
в пределах этой жизни
уйти из этих обреченных мест
ты только часть единого печального
срастайся с неизбежностью
и стань надежным достаточно
какими были все кто до тебя
мне остается только
сливаясь с обстоятельствами
напеть себе невидимую дверь
в непозволительно другую жизнь

Рыба

В мое окно влетела рыба,
села напротив моего лица.
Она смеялась, точно знала
все то, на что я обречена.
Она махала плавниками,
изменяла все вокруг.
Она охотилась за сознанием –
но в этот миг я проснулась вдруг.

В мое окно втекало солнце,
испепеляя остатки сна.
Оно смеялось, точно знало
все то, на что я обречена.
Оно втекало в мое жилище,
все приближало горящий круг.
Оно охотилось за сознанием –
но в этот миг я проснулась вдруг.

В меня сочилась бледным светом
необъяснимая тишина –
знание о том, что в этом мире,
до безысходности, одна.
Предчувствие другого мира
сжало сознание со всех сторон,
затем рассеялось в эфире...
Едва ли это был просто сон.

***

Конфликт интересов – вязкая мгла
 зыбучих секретов личного зла.
 Ты черное солнце жестоких долин,
 глухое оконце, крепость из льдин.
 Я вижу, как звезд просыпается свет
 и тянет все выше – туда, где нас нет.
 Но мне неизбежно опять умирать –
 мерцать, разрушаясь, и бездной сиять.

***

Я – наблюдатель тревожного кино,
 где главному герою в моем лице
 в конце не хватит воли.
 И все печальное сорвет
 последние надежды с того,
 кто врет своей душе.
 Как можно больше боли,
 товарищ режиссер!
 Быть может, видя воплощенье роли,
 опережающей момент,
 еще успею выскочить из поезда,
 несущегося к пропасти...
 И мы с тобой не встретимся.

***

с тобой естественно и странно
 плюются в небо города
 давай зашьем на сердце раны
 пешком отправимся туда
 куда дорог не проложили
 но сердце лучший грс
 внутри себя отыщем силы
 вернуться в дом забытый лес
 отбрось избыточность сомнений
 ненужных связей провода
 позволь же ветру или мне ли
 с тобой отправиться туда
 куда дорог не проложили
 но сердце лучший грс
 внутри себя отыщем силы
 вернуться в дом забытый лес

***

Не знаю, что такое грусть –
 перерабатываю ее –
 эликсир сострадания,
 чистой грусти экстракт.

Не знаю, что такое страх –
 я перехватываю его,
 чтобы в неизвестное
 упасть.

В УЮТНОЙ ТЬМЕ

я сижу на дне
 безнадежных дней
 и в растоптанный пейзаж души моей
 падает луч солнца

так лежать в уютной тьме хотелось мне
 слушая рост растений в тишине
 но что-то странное вползает вглубь меня
 и вынуждает выходить на свет

распускаю злость
 и из сердца кость
 вынимаю чтобы выточить фигурку
 глупости

так лежать в уютной тьме хотелось мне
 слушая рост растений в тишине
 но что-то странное вползает вглубь меня
 и вынуждает выходить на свет

падаем

Завяжет мне рот – и вот,
 в волосах найдет приют.
 Забежит в меня искать –
 ту, кем я могла бы стать.

Падаем, падаем, падаем –
 сонные, в липкую мягкость тишины.
 В ней нет нас – а все, что в нас плавится,
 есть нечто чуждое
 и с привкусом вины.
 Возвратись с собой и вой,
 если обнаружишь боль.
 Ты не пел, хотя умел –
 просто позабыл, что смел.

Падаем, падаем, падаем –
 Сонные, в липкую мягкость тишины.
 В ней нет нас – а все, что в нас плавится
 есть нечто чуждое и
 с привкусом вины.

***

Что я могу
в момент тот самый, когда двери
с треском захлопываются за мной?..
Лишь наблюдать заворуженно
красоту того, как почва
плавно уходит из-под ног.

***

Идешь по жизни,
совершая разные благие дела
просто так,
отдавая что-то прекрасное
просто потому,
что у тебя завалилось.

А потом все меняется,
переворачивается с ног на голову.
И вот, ты уже бежишь
совершать какую-то дичь,
разрушая попутно то, что никому,
казалось бы, не мешало –
причиняя разным людям боль.

Вроде как, ты можешь помереть в
любую секунду,
Но, непонятно откуда взявшиеся,
руки добра
вытягивают тебя из всего этого.
Такое чувство, будто это –
твои же собственные руки,
протянутые из твоих прошлых,
на тот момент,
казалось, бессознательных, благих дел
(а ты, оказывается, подстраховался).

Хотя иногда мне кажется, что,
с не меньшей вероятностью,
это могут быть
твои же руки, но из будущего
(однако будущее вспоминается нами
куда сложнее).

***

сегодня приснился мне
глубокий сон осени
и в нем блуждающий
глубокой осени сын

***

Железо крыши мешает дождю
заплывать меня,
и я, по природе своей,
принимаю это как должное.
Если я потеряюсь,
ты будешь искать меня?
Все слилось воедино: простое и сложное.

***

на холме своего одиночества
я построил мельницу
чтобы как-то использовать
всю эту неубывающую печаль
и вот перемолотых зерен
достатка и благодати
хлынул поток

на моей алхимической мельнице
река печали и разочарования
рождает реку благодати и изобилия
я смотрю на это
захватывающее действие
и иной раз мне кажется
что сквозь все
воспринимаемое зрением
просвечивается загадочная улыбка...
сколь любящая столь лукавая

СЛОВА ТВОИ

падали в меня
по пути прорастая
врастая
и активируя
некие благословенные
незримые механизмы
спавшие до сего момента
исполненные неиссякаемой
силы
слова твои
сберегали крупички
чистоты сознания
прокладывали пути
к тайным источникам
абсолютного знания
оказывались ключами
увы не для всех

универсальными
но всегда действующими
для меня
я до сих пор не могу понять
природу этого волшебства
субъективно оно
или объективно
это дар для меня лично
или для всех
но вероятнее всего
так думается мне
это дар для всех
через меня

***

затеряться в глуши постижения
скрытого смысла собственной жизни
неявной сущности вещей и событий
изловить и съесть рыбу воспоминания
плещущуюся в лесном ручье
и вспомнить все
но этого недостаточно
все еще недостаточно
для полной и сильной жизни
которую я намерена жить
я хочу видеть
я хочу видеть сквозь сон
всегда

***

Темная сторона сказки
Та, что повествуется между строк.
Некое невидимое полотно,
темная сгущающаяся материя,
сконцентрированная в некоторых
местах повествования таким образом,
что придает необъяснимую силу
и глубину героям и событиям.
Это та сторона, которая
совершенно бессознательно
ощущается нами в детстве
и все же оставляет отпечаток –
отпечаток, который
в полной мере удастся осознать
лишь изрядно повзрослев.
И то, если повезет...

***

Бесконечная череда
умираний и возрождений –
где каждая станция
в своей интенсивности
кажется последней.
Однако в отвлеченной
способности возвыситься
над этим
кроется секрет,
в разгадке которого –
зрелость души.

СЛОВА И ЛЮДИ

Кто охраняет свою скорость,
прикрывшись суетой-травой,
тот в курсе красоты
улиточных неспешных песен.
Слова и люди исчезают,
возвращаясь вновь.
Слова и люди.

И, заплетая в свою косу
невидимые струи ветра,
распустит к вам обиды
старый свитер –
«слова и люди тянут вас ко дну...
Слова и люди»...

***

Охотник никогда
не беспокоится,
он приближает
намерением
и сосредоточенностью
желаемых
событий ход.
Он убивает не рукой,
а сердцем,
заряженным
вибрирующей мыслью.

Дебют

Нурид Турлуев

Родился 9 сентября 1969 года в селе Мартан-Чу Урус-Мартановского района ЧИАССР. Там же в 1987 году окончил школу. В 1993 году – факультет электроники Рязанского радиотехнического института. С 1995 года работает в сфере энергетики Чеченской Республики. Стихи пишет давно, публиковался в республиканских изданиях, автор двух поэтических сборников: «Слезы в мире подлунном» (2012) и «Счастье радостного дня» (2013). Лирика Н. Турлуева носит описательный характер, представляя собой «свободный и доверительный рассказ о пережитом, о своих воспоминаниях детства, юности» (Сацита Исраилова, директор Грозненской центральной библиотеки).

Пишу на осеннем листочке...

Зима

Заснули обмерзлые речки,
Зима им сковала приют.
А в избах топятся печки,
В них манит тепло и уют...

Лишь осени блеск и окраску
Сменил буйный посвист – пурга.
Вошли мы в ту пору, как в сказку –
Под снегом лежат берега.

Морозным инистым кружевом
Покрыты леса и поля,
Мотивом трескучим, простуженным
Поет свои песни зима.

Природа как будто застыла,
и крепок тот царственный сон.
Мороз то отступит игриво,
То лют и безжалостен он.

Напрасно воют метели –
Под льдинами в спячке река.
В ответ только стонут те ели,
Что в ельнике жили века.

В лесу

Под прохладной тенью
Отдыхаешь ты,
Под ветвистой сенью
Аромат листвы...

Ты знаешь переливы
Голосистых птиц,
Запах спелой сливы,
Дальний свет зарниц...

И домой довольный
Вновь приходишь ты.
Ночью лес зеленый
Порождает сны...

***

Я пою в ночи глухой
Сердца боль и ветра вой –
Как гуляю среди равнин,
Полных красочных картин.

Как звезда порою путь
Озаряет светом чуть,
В небе ясная луна –
Порождает мысль она.

Лес зеленый, тихий бор,
Птицы праздный разговор
И разливы полных рек...
В этот наш бездушный век.

Век потерянных надежд,
Век умов и век невежд...
Все бросаю в жертву ей –
Бедной юности моей!..

Я – свободный гражданин
И живу себе один.
Подо мной плывет земля,
Частью в том повинен я:

Жаждал также перемен,
Мыслил, что не жизнь, а плен...
Жизнь рисует: мы ничто.
Время нам покажет что?

***

Душа была готова
Лелеять все мечты,
Но пушкам дали слово –
И было две войны...

И ты не жил уж боле,
Ты сотни раз убит,
Когда врывалось горе
И в жизнь твою, и в быт.

И кровь текла рекою,
И в тысячах могил
Со смертною тоскою
Чечню ты хоронил...

Теперь в тугой неволе,
В плену лихих годин,
Мне жить на минном поле
В каморке средь руин...

Но в тягостном забвенье
И в беспросветной тьме
Лишь жизни возрожденье
Пусть будет сниться мне...

***

Зачем пою в ночи безгласной,
Тоску в душе своей тая?
Зачем в любви,
на все согласной,
Давным-давно скучаю я?
Как странник тот,
в пути не спавший,
Затеет отдых у реки –
Теперь и я, от дел уставший,
Начну писать свои стихи.

Но отдых страннику желанней,
А мне писания в тиши –
Как гость незванный,
путник ранний,
В покой забредший из глуши.

Немой вершитель он настроя,
Тоски печальное дитя –
Давно не знаю с ним покоя,
Давно лишь с ним смиряюсь я!..

И этой ночью обветшало
Смотрю на ясную луну,
И думой с ней сливаюсь тайной,
Держа созвучную струну.

Она мне шлет свои мотивы
И порождает нежность чувств...
И, где-то там, ласкает нивы
И одинокий в поле куст!..

По мотивам известной песни

Ты песнь унывную мою
Понять едва ли сможешь.
О сердце, грусть твою пою,
Чего еще тревожишь?

Я в этом мире потерял
Любовь и радость жизни,
И нежно сердце доверял
Одной заветной мысли.

Я думал: «Коль страдаю я,
И в сердце – ветер снежный,
То я есть отблеск бытия
И голос его нежный».

Но скорый гром меня сразил
И сердце сжала мука –
Зачем я жил, чем дорожил –
Забыл. Брала лишь скука.

И сколько б рифмы я не «плел»,
В них что понять ты сможешь?
Один сквозь мрак к тебе я брел,
Чего ж еще ты хочешь?

Байронизм

Мне уже за тридцать лет –
Время зрелых размышлений, –
А в душе покоя нет.
Устаю от злых сомнений,
От несбыточных надежд,
От моральных разрушений,
От политиков-невежд...
И теперь, угрюм и мрачен,
Я дни безрадостно влачу.
Мой светлый миг всегда оплачен
Тоской и грустью. Не хочу
Мечтам бесплодным предаваться,
На все бросать влюбленный взгляд,
И в человеках ошибаться,
И постигать – все в людях яд.
Но все же, я в одном уверен:
Нам нужно детям помогать –
Наш век испорчен и измерен –
Хотя бы им шанс нужно дать.

Засуха на бахчах

Вот уж месяц палит солнце,
Не пролилось и капли дождя!
Высохло вмиг это озерцо,
И зноем дышит земля.

Я с надеждами простился,
Мне о восходах не мечтать!
Хоть без усталости трудился –
А долгов уж не отдать!

Осень встречу я уныло,
И под крышей мне не быть –
Поругаюсь я с любимой,
Чтоб смогла меня забыть!

Наплывут седые тучи,
Увлекут в сырую даль.
Затяну с весельем круче
И уйду я весь в печаль.

И в тени холодной смерти
Мне рабом ее не быть,
Но хотелось бы, поверьте,
В этом мире мне пожить!

***

Не жажду я прослыть поэтом!
Ночи безвестные порой
Хотя терзаюсь безответно
Своей печальною строкой.

Быть может истинны те мненья
Друзей, знакомых прежних лет:
«Стихи – то лишь ума затмень!» –
И не писать дают совет!

Но неизбывных чувств реактор,
Как не противлюсь, а горит –
И порождает этим фактор,
Что вдохновенно петь велит!

***

Снова я тоскую...
Уж в который раз,
Взяв перо, рисую
Свой родной Кавказ.

Камни, камни, камни...
Быстрая река.
Здесь отцы делами
Славили века.

Манят к себе горы –
Выси до небес,
И хребты-узоры,
И дремучий лес...

Человек здесь дружбе
Верен – проверяй!
Если будет нужно,
Жизнь отдаст за край.

Снова я тоскую...
Уж в который раз,
Взяв перо, рисую
Свой родной Кавказ.

***

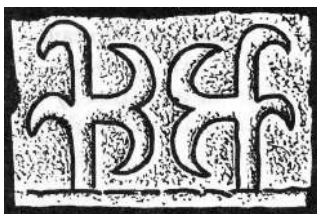
Я один сегодня. Поздно.
Сверху капает вода...
Этот дом обходит в Грозном
Стороною суета.

Ветхий потолок и окна,
Койки две, два стула, стол...
Прохудилось все, промокло:
Портится дощатый пол.

Вот сижу, перо держу я,
Лист бумаги на столе...
Неспокойно, верь, дышу я
Этой ночью при луне.

Память старая исчезла,
С ней забылось все уже...
Жить без верного мне жезла
И с усталостью в душе.

Ночью этой лишь усну я,
Может, мне приснится сон –
К небесам как улечу я
И там буду поглощен.

Абдулла Ицлаев**Маленькие рассказы****Кузнец**

Эшелон остановился, из-за открывающейся двери донеслось: «Жана-Семей». Он в первый раз слышал это название. Станция была завалена снегом. Ворвавшийся в вагон холодный ветер норовил проникнуть под худые одежды. Он невольно приподнял плечи, защищая шею, вытянул руки вдоль туловища. Посмотрел на детей, жену: держатся ли?..

Он не знал, пойдет эшелон дальше или их выгрузят в снег, что будет через час или день. Если бы знал, то, наверное, сошел бы с ума или умер от разрыва сердца...

Им приказали покинуть вагоны. Масса изможденных долгой дорогой людей вывалила на снег, и их начали распикивать по саням, машинам. «Повезут еще куда-то, – подумал он. – Куда еще? Дальше же некуда...»

Дальше оказался колхоз имени Кирова. Там его спросили, кем он работал на Кавказе. «Кузнецом», – ответил он. Это ремесло, считал он, позволит ему прокормить семью и здесь, на чужбине. А то, что до освоения кузнечного дела учительствовал, до этого учился в медресе и школе – разве могло это что-то изменить, исправить в его жизни, тридцатилетнего чеченца, спецпоселенца, вдали от Родины?

Разве здесь, где он повержен во всех правах, кому-то есть дело до того, как он жил до 23 февраля 1944 года? Как в неполные три года остался без отца, Довтмирзы, сына Бати, известного богослова. Как мать перевезла их, трех сыновей, к родичам, и два брата его умерли там, в доме дяди.

Кому рассказать, что, женившись, переехал с семьей в отцовский дом в Шин-Ин-Юк, хутор между Мартан-Чу и Танги-Чу, который в 40-м «ликвидировали», и он снова начал жизнь «с нуля» в соседнем «укрупненном» поселении? Или о том, как летом 41-го арестовали 15 человек за зикр у себя дома, и лишь одного его освободили, и то потому, что он – единственный в колхозе кузнец, и без него все в том колхозе застопорилось...

Через 14 с лишним лет он вернется на Кавказ, в Чечено-Ингушетию.

Там, в Казахстане, в Жана-Семейском районе останутся лежать в земле пятеро членов его семьи. Здесь, дома, они будут являться ему во сне, а иногда он и наяву будет мысленно разговаривать с ними.

Будут изредка встречаться те, с кем свел колхоз Кирова. Самые голодные, совсем отчаявшиеся из них там, в колхозе, приходили к нему, и он делил кузнечный «паек» свой на них и семью. Когда нечего дать, вел человека к председателю: «Нет лучшего молотобойца, определите его ко мне, в кузню». – «У тебя, Сूपьян

Довтмирзаев, все чеченцы – лучшие в мире молотобойцы», – отвечал председатель, но просьбу выполнял. Знал, что человека Супьян спасает, семью...

Не рассказать ли сейчас, как встретила Чечено-Ингушетия? Если не обо всем, то хотя бы о том, как приехал инвалидом, с пенсией, а здесь ее перестали выплачивать без переосвидетельствования...

Он, Супьян, сын Довтмирзы, умер в 55 лет.

О, как несправедлив и жесток этот мир!

Дедушка

Поздний вечер. Еду домой. Знаю: забыл что-то купить, а что – не вспомню никак. Выглядываю магазин. Думаю, найду, похожу по рядам, вспомню... А вот и он, магазин, а в нем – люди.

Припарковываюсь. Привычно смотрю в зеркало: брови – козырьком, два седых волоса. Нос? В полном порядке. Вижу его даже без очков. Зубы – белые. Вставные от двух родных не отличить...

Вхожу. Трое у кассы калякают. Я – им: «Ассаламу алейкум! Хорошей торговли!»

А мырра, что на кассе сидит, мне: «Ой, добрый вечер, дедушка! Добро пожаловать!» Что-то во мне передернулось, заклинило. Ну и отвечаю ей мысленно: «На себя погляди, пудреница времен фараонов!»

Поворачиваюсь к ней спиной, делаю шаг вглубь зала, а та пудреница оттуда, из-за спины, кричит кому-то: «Помоги старику!» Ну и выскакивает очередное страшилище: «Что нужно, дедушка? Давайте покажу». – «Исчезни, – говорю и ей мысленно. – К тебе лет 500 никто не сватался. Себе не помогла, чем ты мне можешь помочь?!»

Чувствую, я уже совсем на взводе. Хватаю одно, другое, а корзины или пакета нет, рук не хватает. Оглядываюсь, а та древняя дева тут как тут: «Давайте, дедушка, до кассы донесу!»

У меня какие-то слова, которые никогда в лексиконе моем не были, в горле комом заклокотали, а выговорить не получается...

А ведьма староегипетская на кассе тем временем распахала все по пакетам, по калькулятору пальцами постучала: «Я вам, дедушка, со скидками все подсчитала, рублей 200 сэкономила».

Я – чуть не в крик: «Какой я тебе дедушка? Меня в проекте не было, когда ты прапрапра... внуков нянчила!»

А тот пикантроп, что у кассы торчал, пакеты подхватил, дверь передо мною распахнул, пакеты на сиденье машины поставил так, будто машина не моя, а его: «Доброго пути, дедушка!»

Я аж поперхнулся...

Втиснулся в салон, в зеркало на себя взглянул: брови – обвисшие, словно крылья мокрой курицы, два родных зуба черные от злости. Вставным-то что за меня, неродного, переживать...

Поворачиваю ключ зажигания, а в голове – мысль: «Все ли, что жена заказывала, купил, то ли купил?!» Как с кем из этих пудрениц встречусь, так все мозги набекрень...

Мечь

...Всадники остановились там, где от дороги отходила едва заметная в густом кустарнике тропа. Она вела к броду и к невидимым за деревьями на берегах реки домам, принадлежавшим этим четверым конникам. И люди, и кони устали. Тропой они быстрее добрались бы до своих подворий, но сурового вида усатый чеченец, старший по возрасту, сказал:

– Въедем в село по дороге. Пусть нас увидят...

В начале улицы, под старой грушей, сидели шесть человек. Когда всадники проехали, один бросил вслед так, чтобы они слышали:

– Кровник их все еще жив, а они с оружием разъезжают.

– Вспомни, сколько лет ты не видел их вооруженными, – откликнулся другой. – Уверен, завтра придет известие, что их кровник убит!

Всадники въехали во двор, спешили. Старший подозревал путника, юношу:

– Надо побывать в том селении. Человека, которого мы убили, завтра хоронить будут. Тебя там не знают. Если спросят, кто, откуда, скажи, что коня ищешь, опиши мою лошадь, упавшую год назад в пропасть. Узнай имя убитого. Выезжай на рассвете.

Двум другим своим товарищам велел:

– Держите оружие под рукой. Старайтесь не заснуть!

***

Трое ушли, ведя коней на поводу. Старший направился к дому. Войдя, поднял взгляд на старика, сидевшего на паднаре:

– Мы убили. Не знаю, того ли...

– Что значит, того ли?

– Мы не узнали его, отец. Столько лет прошло! Он заросший был. Волосы, борода до пояса...

– Рассказывай все.

– Человек, от которого мы получили сведения о кровнике, не соврал. Мы нашли описанную им поляну, она обрабатывалась, и там в самом деле стояли снопы. Мы отвели коней глубже в лес и стали ждать. Вскоре увидели арбу, а на ней – трех человек: женщину, мальчика-подростка и мужчину с винтовкой. Мы не узнали его, поэтому решили: если он перед тем, как взяться за работу, отложит оружие, то он – маърша стаг (свободный человек, тот, на ком нет крови), и мы, подойдя, узнаем, кто он. Но мужчина повел себя иначе. Он перезарядил винтовку и повесил на шею, перед собой. Мы застрелили его. Женщина и мальчик отказались назвать его имя. Тогда мы назвали свои имена. Завтра будут хоронить убитого. Наш человек узнает его имя...

– Когда он вернется, зайди ко мне.

Он не хотел ни есть, ни пить, ни спать. Не зажег лампы на ночь. Сидел, упершись спиной в стену, прикрыв глаза. Иногда казалось, что день, когда был убит его дядя, ему всего лишь снится.

Он, дядя, вбивал колья под плетень. Подошел сосед: «Не по межевой линии забор ставишь». – «О чем ты говоришь?! Вот же остатки старой изгороди...» Дядя работы не прерывал, сосед за его спиной вырвал только что вбитый в землю кол, ударил по голове...

Убийца скрылся. За информацию о нем объявили награду – винтовку и наган. Через годы пришел человек: «Если условия не изменились, то я сообщу, где скрывается враг ваш. Но вы должны еще поклясться на Коране, что никто из вашего рода никогда не назовет моего имени».

Он принес клятву, передал винтовку, наган...

Если не того убили, то кровь будет на нем, его братьях, они все станут преследуемыми...

Перед полуденным намазом дверь в комнату открылась. Вошедший был гонцом:

– Ваша, убитый – тот, кого мы искали. В селе, где он жил, все говорят, что это мы кровника своего убили.

– Иди, скажи всем, что могут отдыхать. И сам поспи. Я к отцу пойду.

Репутация

В первый раз в лес за черемшой я отправился лет в 12. Кроме сверстников, в группе был взрослый. Он на месте объяснил, что и как делать: изреженные растения не трогать, брать пучки, срезать так, чтобы в земле оставалась нижняя часть луковицы – «борода».

Полдня ползал на коленях, от одного пучка к другому, таща за собой мешок, толкая вперед миску, хватая одной рукой растения за «макушку», другой – орудуя ножом... К вечеру – ни согнуться, ни разогнуться. Колени, руки – словно мерзлым свинцом налитые.

Развели костер. Нашли стволы давно поваленных ветром деревьев, разложили квадратом вокруг огня. «Спали» на них, поворачивая к огню то один, то другой бок, мерзнувший... По такому сценарию проходили все другие зимние походы в горы. Спутниками моими всегда были сыновья двух сестер матери из Мартан-Чу, мои ровесники, кто-то из их друзей. «Компания» эта придерживалась своих «законов». Так, она каждый год купалась в Мартанке 27 марта, в любую погоду.

Однажды Хизар Умхаджиев, двоюродный брат, сказал, что знает в лесу поляну с домом чабана, который живет в нем только летом.

Поднимались в горы по руслу Мартанки, переходя с берега на берег, где-то по перекинутым через реку бревнам-мостам, где-то – вброд, босиком. Пару часов – круто вверх, по тропе...

Домик – сруб – стоял на склоне горы, на краю поляны. Рядом – загон для овец. В доме – топчан из плетня, печь-буржуйка, пара полок на стене, баночка соли, керосиновая лампа, ведро с крышкой.

Парни мы были, конечно, гордые, но и к порядку приученные, к чистоте. Пока двое собирали и рубили дрова, двое других выгребли и вымели всю грязь, пыль. Бросили на плетень верхнюю одежду, разожгли печь. Взялись за лампу, а в ней керосина нет...

Может быть, в ту ночь все звери в горах выли, скалили зубы, но мы этого не слышали: сначала гоготали что есть мочи, потом – спали без задних ног.

С утра облазили местность в радиусе километра-полтора – нет черемши. Вернее, есть, но мало, «штучное» количество. Нет смысла кланяться. Да и дело недоброе – выводить что-то без остатка. Перебраться, найти «урожайное» место – не проблема, но там не будет домика чабана...

Мы провели в нем три ночи. Еще, может, пожили бы, но вышли продукты.

В Мартан-Чу, когда мы поели и я собрался домой, тетя указала мне на мешок у двери. Я понял: она отсыпала мне больше полумешка из своих запасов, чтобы меня с пустой котомкой не отпускать. Чтобы «репутацию добытчика» поддержать. И я топал с мешком за плечами еще шесть километров. Как же иначе! «Репутация», как и черемша, это у нас все!

После ГУЛАГа

В Казахстане он очутился так же, как все чеченцы и ингуши – в вагоне для перевозки скота.

В 1944-м. В год своего 30-летия. В армии не служил, на фронт не попал из-за покалеченной еще в юности руки.

Старший сын в семье, он и мысли не мог допустить, что позволит кому-то из родных умереть на чужбине от голода или холода. Трудился в колхозе, а когда семью переселили в Семипалатинск – на предприятиях города. В первые годы, когда чеченцы-спецпоселенцы массово гибли от голода, крал скот и хлеб. Позже, в городе, в самые тяжелые периоды, выносил с предприятия сырье: кожу, подметки... Затем попался и получил 10 лет лагерей.

После смерти Сталина дело пересмотрели. Он к этому времени успел отсидеть два с половиной года. Когда вернулся к родным, в Семипалатинск, его не сразу узнали: пышные огненно-рыжие усы, шевелюра... На второй день сбрил их.

Через три года возвратился на Родину. В качестве рабочего долго обеспечивал работу гидроузлов на промышленном канале «Аргун», работал сторожем на одном из грозненских кирпичных заводов. Признавал лишь одно мерило всего и вся – хлеб и мясо на столе. Когда ему напоминали об усах, говорил, что в ГУЛАГе уважали другие «ценности».

Он, Магомед Ицлаев, мой дядя, умер ранней весной 1996 года в доме сестры в соседнем селе. Его родное село, Гойское, в эти дни методично разрушали авиация, артиллерия...

Шарманка

Отец пришел домой с коробкой. В ней – радиола: проигрыватель плюс приемник в одном корпусе из дерева.

Мне – лет 7-8, брат на два года меньше. Мы росли, возясь с другой «игрушкой» – патефоном. Родители возвратились с ним из Казахстана, а мы с братом в нем ковырялись каждый день. Не раз доставалось от матери, однако мы добрались-таки до пружинного механизма, сломали все заводские иглы и нашли им замену – кончики швейных игл. В выдвижной коробке-пенале для игл хранили мелочь – монеты, что давали родичи. Когда куда-то задевали заводную ручку, пальцем крутили диск с пластинкой...

И нате вам, радиола, аппарат «два в одном». На столе под окном. Антенна-пружина растянута под потолком, вдоль стен...

Через день или два приехал двоюродный брат, на восемь лет старше меня. Он в интернате учился, дома бывал в выходные. Пока он «испытывал» аппарат, мы узнали о существовании разных волн и программ, и что все они – «чепухня» по сравнению с радиолюбителями. Послушали и их, и

брат заключил: «Привезу шарманку в следующую субботу!»

Мы, малыши, слово «шарманка» слышали в первый раз. Брат объяснил: «Радиопередатчик». Что это, мы также не знали. Еле дождалась субботы...

Шарманка заняла полстола. В отличие от радиолы, она оказалась без боковых стенок и крышки. Просто «доска» с проводами, в которую воткнуты разные лампы, одна из которых – много крупнее других, что-то еще...

Сразу же вбили в землю под окнами металлический штырь – «заземление». На самую высокую шелковицу там же, под окнами, подняли антенну, а конец протолкнули в дом через просверленное в раме отверстие. Поглядеть на первый выход в эфир пришла даже мама.

Брат долго возился с настройками, наконец услышал кого-то из знакомых, поздоровался, и мы услышали ответ: «Марша воГийла!»

Говорили мало, больше крутили пластинки друг для друга...

Пять дней шарманка стояла под кроватью, на шестой день, вечером, извлекалась и водружалась на стол рядом с радиолой. В воскресенье меня выгоняли на улицу – следить, не едет ли милиция...

Картина вспомнилась почти сорок лет спустя, в Махкетах, откуда родом Ахмед Цебиев, ученый, автор одного научного открытия. Айнды Якубов собирал материалы для книги о нем.

Оказалось, приезжая в отпуск, Ахмед искал встреч с земляками, дружившими с техникой. Увидел однажды у местного радиолюбителя громоздкую шарманку, обещал подарить радиопередатчик иной конструкции, компактный. Утром пришел с собранным за ночь «ящичком» размером чуть больше спичечной коробки. Тут же продемонстрировал потенциал. Радиопередатчика меньше размером и мощнее ни у кого в округе не было.

В другой раз Ахмед собрался в гости, но час был поздний, и его уговорили отложить визит. В расстроенных чувствах, он спросил, нет ли телевизора у родичей, которых он хотел проведать.

– Нет.

– Жаль, – сказал он. – А то бы посмотрели, что в доме у них происходит.

Выходит, тогда еще, полвека назад, «наука» знала, как использовать телевизор в чьем-то доме как видеокамеру. Как далеко шагнула «наука» с той поры!..

Радио

Вот скажите, зачем мне это помнить – плата за радиоточку в доме или квартире во времена СССР составляла полрубля в месяц?

От райцентра была протянута радиолиния: деревянные опоры, два стальных провода... Она проходила по окраине села. На улицах, в домах – ни самих проводов, ни розеток и приемников. Жителям же каждый месяц напоминали об обязанности самолично являться на почту и, выложив 50 копеек, получить марку или штамп в книжице. Были те, кто не смел не платить. Также деньгами, но уже в сельском совете, «закрывали» налог на яйца, мясо.

Годы спустя, устроившись на работу в газете, с удивлением обнаружил радиоточку в кабинете, и оно, радио, работало. Спустя еще неделю узнал, что в штате редакции есть радиокорреспондент, он еженедельно готовит 15-минутный выпуск новостей на чеченском языке, а радиоузел в здании

почты рано утром выдает их в эфир. А вообще, радио в Урус-Мартане появилось не то в 1924, не то в 1925 году, когда протянули провода из Грозного.

В войну проводное радио сдуло, словно ветром. ТВ – то есть, то нет.

Отдушиной стали транзисторные радиоприемники. В 2000-м покупал их не меньше одного-двух в месяц. К одним батарейки было не достать, другие – одну радиостанцию, «Чечню свободную», только и ловили, а от нее подташнивало. Пропаганда сплошь, лживая насквозь, грязная. Зарекся не слушать.

...Сел сегодня в такси. Тронулись только – водитель кнопочки начал нажимать.

Радио. «Музыка».

Что за черт дернул меня сесть в эту машину, вспомнить «рупоры»!

У меня шунты в груди, и мне не положено думать, кроме как о красавицах – из той, старой жизни без пересаженных сосудов...

Волк

В первый раз я услышал эту историю в детстве, полсотни лет назад. Затем, время от времени, мне ее рассказывали разные люди. Несколько дней назад в очередной раз напомнил ее Муса Умаев, односельчанин, называя имя свидетеля событий.

Я же все эти годы испытывал неловкость – от мысли о том, как эту старую историю, воспримут, если поведаю ее я, правнук главного действующего лица?..

Происходило все сто с лишним лет назад. Мой прадед, Ицца, занимался чем-то на скотном дворе. В руках у него были вилы. Сарай представлял собой сруб из бревен, заготовленных в росшем еще в те годы между Гойском и Урус-Мартаном лесу.

В какой-то момент из-за протекающей рядом реки, со стороны леса, слышались крики. Затем, перескочив реку, в хлев забежал волк. Следом показались гнавшиеся за ним люди. Ицца с вилами наперевес двинулся им навстречу, к ограде скотного двора:

– Волк под моей защитой теперь. Попытается кто-то ему навредить – проткну вилами...

Иццу и так, и эдак уговаривали «отдать» зверя, а он – ни в какую. Наконец, охотники ушли, и Ицца кликнул волка:

– Ушли твои преследователи. Выходи. Провожу тебя до леса.

Волк вышел из укрытия и послушно поплелся за Иццей за реку...

Сирота

Мухади Гацаев, авиаинженер, пенсионер:

– В феврале 1944 года, в день депортации чеченцев, отца не было дома. Его выселили отдельно от нас, семьи. Через два года в казахской степи умерла мама. Вскоре узнал о смерти отца. Я, трех лет от роду, стал круглым сиротой. Жил с бабушкой Рехант, называл ее мамой. Затем бабушку и меня вывезли из колхоза, поселили в Семипалатинске. По соседству жили мои тетушки, другие родственники. Они, как и все чеченцы, выживали, ничем помочь не

могли. Рано уяснил: выбираться из этой ситуации надо самостоятельно.

У меня были одни штанишки, одна рубашка. Бабушка стирала их, вешала сушиться, а я сидел в доме, ждал, когда они высохнут...

Бабушка не знала русского языка. Когда видела работников спецкомендатуры, теряла дар речи. Мои ровесники ходили в школу, а меня некому было записать и отвести в школу.

В 1952 году я решил сам о себе позаботиться. Сходил в школу, взял список и собрал указанные в нем справки. Их две было. Учился только на «пять». Учеником восьмого класса начал работать в поле, на кирпичном заводе. В школе активистом был. Писал, печатался. Даже в «Комсомолке» статья вышла. Спортом занимался, прыгал с парашютом...

Школу окончил с золотой медалью. Поступал в летнее училище, но не прошел медкомиссию. Иного, после полутора десятков лет жизни впроголодь, и не следовало ожидать, но понял это позже. Подал документы в Казанский авиационный институт, прошел конкурс – 12 человек на место. Из 29 ребят, набранных на первый курс, до защиты диплома дошли 11.

Моим оппонентом был профессор И. Ф. Пархоменко. Он до войны бывал в Чечено-Ингушетии. В 1944 году на железнодорожных станциях видел эшелоны с выселяемыми чеченцами, слышал их. Когда рассказывал об этом, глаза его наполнялись слезами.

После института меня оставили в Казани, на авиазаводе. Был начальником участка, где собирали ИЛ-62. В этот период впервые ощутил счастье простого человеческого существования.

Пока была жива бабушка, не считал себя одиноким. В 1974 году Рехант умерла. Меня потянуло на малую родину. Грозный же встретил как чужого. На работу не брали. На авиапредприятии даже говорить на эту тему не хотели. Словно на мне тогда, в 44-м, клеймо третьесортности поставили...

Макет

Учителя приезжали и уезжали. Одни – через год, другие – через два-три. Их называли по имени и отчеству, им говорили «вы», а не «ты», как принято у чеченцев. Они в большинстве своем были молоды. Ни мужчины, ни женщины не носили головных уборов. Ни один не знал чеченского языка. Кто-то после двух-трех лет запоминал не больше десятка чеченских слов, фраз. Одним это мешало учить, другим – учиться, но никто об этом вслух не говорил, мыслями ни с кем не делился.

Мы, дети, тоже были одинаковые. Разница – лишь в возрасте. Одни пошли в первый класс в 6-7 лет, другие – в 8-9. Переросли, пока переселялись из Казахстана, обосновались на родине.

Чтобы приезжего учителя помнили долго, он или выглядеть должен был особо, или обучать по-особому. Так, младшего брата учила девушка, красивее которой мало кто видел. Другую – хрупкую, юркую – острая на язык техничка Нура, главный человек в школе, назвала «маленьким шайтаном».

Старики – историк и филолог – учительствовали с 40-х. Первый потерял ногу на войне. Второй каждый день оставлял после уроков по 5-10 ребят и заставлял переписывать упражнения после каждой ошибки или помарки. Изнеженного вида «англичанка» лет десять сама рубила дрова, топила

печь, готовила. Преклонных лет филолог, приезжая, вместе с жителями села пережила две войны...

Учителей было за что уважать, любить. Да и жалели их, ибо по местным меркам, не устроенные все, без семьи...

Мне в школе оставалось учиться два года, когда где-то что-то сработало не так и в село приехала учительская семья Скоробогатовых. Андрей Федотович вел труд и физкультуру, Полина Акимовна – русский язык и литературу. Двое из трех их сыновей сели за парты в классах с моими младшими братьями.

Кирпичное здание школы построили года за четыре до этого, без спортзала. На каждом уроке Андрей Федотович выгонял класс на улицу, выдавал мяч, дети до звонка гоняли его на «стадионе» за оградой школы.

Труд занимал последние строчки в расписании. Учитель медленно что-то рассказывал. Мы, слушая вполуха, занимались кто чем хотел. Кому-то тягомотина надоедала, и он просился на улицу. Минут через пять он добирался до электрощитка, и свет в школе гас. Андрей Федотович устремлялся включить его, а мои одноклассники в это время «вставали на уши». Он, учитель, знал, что в селе все дети к труду приучены с сызмальства, со всяким инструментом на «ты» и просто так просиживать штаны – это не про нас...

На уроках Полины Акимовны без спросу и мышь не смела пискнуть.

В конце второй четверти Андрей Федотович предложил:

– Кто хочет, по вечерам может приходиться ко мне домой. Научу художественному выпиливанию, выжиганию по дереву...

Скоробогатовы жили в пустовавшем до их приезда доме. Одну комнату в нем Андрей Федотович превратил в мастерскую. В первый же вечер «зажег» идеей изготовить макет школы, а он по ходу будет показывать, что, как и каким инструментом делать. И мы, пять-шесть ребят, всю зиму что-то выпиливали, стругали, строгали, клеили, красили.

Под макет отвели угол в вестибюле школы. В апреле 96-го школу разбомбили, заодно – и макет. И чувство было, что не в здание, а в детство целились. В память.

Разбомбленную школу разобрали на кирпичи. Не уцелели даже клены под ее окнами. В новой школе ни одного учителя из-за пределов Чечни. Ни одного примера другой культуры, характера, отличного от чеченского...

«Сахарные» яблоки

За Гойтинкой («Гойл дехьа») – поле, пастбище в селе Гойское. Северный край его – автодорога, южный – канал «Аргун»; восточная граница – Гойтинка, западная – арык Мартанка. У дороги долго возвышалась стометровая телевышка. Лет 30 назад односельчанин разглядел ее с хребта ближайших гор, обратился к ней, родной: «Счастливая, ты – дома!»

«Домом», «детсадом», «школой» для детворы служило и поле. На нем шли настоящие «баталии». В начале 60-х популярной была лапта. Играющие нередко использовали сваленный отцами мяч из конского волоса. С «тонну» весом, он выбивал из глаз блестящие «монетки» в 20 копеек – мощнейший стимул всегда быть начеку, ловчее, быстрее.

К футбольным сражениям, бывало, подключались старики – противники «вытапывания травы» на и без того небольшом скудном пастбище. Противная сторона полагала, что овцам и коровам тоже надо умерить

«аппетит» и довольствоваться тем, что есть. «Процесс» шел несколько лет: сегодня мальчишки рыли канавку по периметру футбольного поля, ставили ворота, а завтра старики ворота сносили и борозды посреди пастбища засыпали.

У поля было и другое предназначение – на нем время от времени проводились скачки. Зрителей собиралось больше, чем все население Гойского. Они не знали, что лучшая «трибуна» не на краю поля, а посередине, в центре круга, где никто и ничто не мешало нам, мальчишкам, выплескивать эмоции...

Овец в те годы пас один человек – Цоца, старик, «свой» со всеми и цитируемый всеми. Что ни слово у него, то образ был. Когда его не стало, овцы стали пастись по очереди.

Коров пасли разные люди, за плату. На краю поля, у канала, был пятачок, на который в полдень стадо сгонялось. Оно там «спало», пока жара не спадет. Там не пройти было, не наступив на коровью лепешку, старую ли, новую ли.

В начале 60-х поле засеивалось. Через посевы кукурузы, сахарной свеклы, пшеницы тянулись тропки от Гойтинки до Мартанки, за которой – «Машин мохк». Имя урус-мартановца в названии местности, земли, принадлежавшей ему, сохранилось с царских времен. Там стояла птицеферма, а вокруг – заросли боярышника, мушмулы, терна, алычи, фундука...

Позднее посадили тутовые деревья – целую плантацию. Но на «ферму» я и мои сверстники шли не за всеми этими «прелестями», больше – за «сахарными» яблоками. В тени старой яблони всегда лежала огромная собака-волкодав, и одни из нас криками увлекали ее вглубь зарослей, другие – лезли на яблоню. То еще было приключение, но оно, возможно, и придавало тем яблокам сахарный вкус.

Дорога в Шатой

...Я ступил на подножку автобуса. Дверь закрылась. Подняться в салон не дали. Остался стоять у двери, припертым к ней так, что и не шелохнуться.

ПАЗик шел в Шатой. Я не ездил туда ни разу. Много слышал об узкой дороге по-над пропастью. О старике-односельчанине моем, который на полпути в горы застучал по кабине ГАЗ-51: «Остановите машину! Немедленно!» Когда его спросили о причине паники, он ответил: «Не хочу умереть ни под готовой вот-вот обрушиться скалой слева, ни в проклятой пропасти справа. Мне еще не надоело ходить по земле...»

В щель между створками двери задувало. Несмотря на тесноту, дышалось легко. Пока не стал разглядывать ущелье, в которое автобус втянулся. Но вдруг понял: даже стоя носом в дверь, не вижу обочины дороги. За окном – пропасть, бездна. Подросток, я считал себя «битым волком», которому все нипочем, а тут, при одном взгляде в бездну под ногами, душа немела, глохла, застревала комом в горле...

Я был уверен, что все пассажиры разглядели этот страх, который я испытывал. Если бы не сомневался, что голос по-прежнему послушен мне, я бы потребовал раскрыть дверь и прыгнул в разверзшуюся подо мной безмерность.

Вскоре я поехал в Шатой во второй раз, в третий. Припереть себя к двери не давал, протискивался в набитый до отказа салон, в окно в сторону пропасти не смотрел.

...Прошли годы, и в село пришла весть о сорвавшемся в пропасть автобусе, в котором ехали и наши односельчане-супруги. Спустя годы, в полночь я оказался на этой дороге в кабине ЗИЛа. Водитель с родимым пятном в поллица рассказал: «Я работал на том автобусе, и в тот злополучный день была моя смена. Но случилось так, что поехал мой напарник...»

Затем пути-дороги привели меня в институт, где учился Саламбек Улубаев из села Зоны. Он поведал о том, как его односельчане поднимали из пропасти погибших и раненых в том автобусе. Как нашли упавшего в пропасть подростка – гостя с Ближнего Востока, живого, но с переломами. Местная молодежь – первые спасатели и в те годы, и сейчас.

Историй, связывающих меня с этой дорогой, с каждым годом становилось все больше. Я даже узнал, как на самом опасном участке съехать с нее к Аргуну. Там, внизу, у воды – стол, скамьи. Там хорошо слушать реку, попивая чай из термоса, чтобы не ощущать холодного дыхания ущелья.

Затем – война. Развалины села Ярыш-Марды. Сгоревший танк у реки. Руины села Зоны. Разбомбленные мосты, разбитая дорога. «Стаканы» блокпостов на каждом повороте...

У родника между Зонами и Шатоем – БМП и БТРы. Журналистка из Москвы ринулась вперед: «Наши!» А ей – стволом в живот: «Нет «наших»!»

Историки пишут, что до Кавказской войны чеченские боевые башни стояли на всем протяжении Аргунского ущелья. Сейчас их – единицы, и те, в основном, «новоделы». И есть другие, древнее разрушенных войнами – башни любви к родному краю, его дорогам, рекам, горам...

Пальто

...Мама вела корову, я погонял. Мы шли на воскресный базар в Урус-Мартане. Был, по-моему, октябрь 1967 года. С утра светило солнце, и накануне было тепло, поэтому мы оделись легко: на мне – пиджачок, на маме – жакет.

Базар раз в неделю открывался в центре села, в пойме Мартанки. Дорога к нему петляла, да и мы выбирали улочки, где транспорта меньше. Да еще в обход пошли, чтобы реку не переходить... Но небо нахмурилось, начал накрапывать дождь. Он потихоньку превратился в мокрый снег. Когда мы пришли на рынок, с меня капало как с окунутого в воду гуся, и я дрожал всем своим существом.

К маме по очереди подходили два человека. Они видели, что мы продрогли до мозга костей и у нас просто не хватит сил дожидаться покупателя, который предложит приемлемую цену...

Не выдержала мама. Она сильно уступила в цене, взяла деньги и, велев мне не сходить с места, направилась к торговым рядам с одеждой. Вернулась с пальто, в котором я, десятилетний, «утонул». Мама подобрала полы, велела их придерживать, и мы пошли по грязи домой.

Я был старшим в семье, давно смирился с тем, что мне, как, впрочем, всем сельским мальчишкам, покупают одежду на вырост. Но такой «просторной» одежды, как то пальто, у меня ни разу не было. Но в нем я понемногу оттаял. Оно подарило ощущение тепла, которого так в тот день не хватало...

Боль

Эта история началась почти 90 лет назад, но последняя точка в ней вряд ли будет поставлена. Герой ее, Адам, родился еще при царе Николае в хуторе на берегу Гойтинки. У отца его, Вахида, были две жены и дети от обеих. По соседству жили трое его дядей со своими семьями. Каждый владел землей, считался зажиточным. Отец и дяди Адама были известны как сыновья Воки. Коллективизация, раскулачивание коснулись братьев и их семей непосредственным образом. Двое бесследно исчезли после ареста и помещения в Грозненскую тюрьму, третий был отправлен в ссылку.

Четвертый, Магомед, долго скрывался, пока работники НКВД не выследили и расстреляли. Адам и его двоюродный брат в тот день сопровождали дядю. Будучи раненым, Магомед наставил винтовку на племянников, пригрозил расстрелять, если они не уйдут, не оставят его...

Их, двоих подростков, выпустили из кольца окружения. Или они просто выпали из поля зрения энкаведешников. Для Адама началось десятилетие жизни на полулегальном положении. Он в эти годы то примыкал к группе абреков, то покидал ее.

Скрывался в окрестностях родного села, в Урус-Мартане. Отец его находился в ссылке, мачеха – вторая жена отца – с детьми перебралась к своим родичам. Адам изредка навещался к ним. Пришел и вечером накануне выселения чеченцев. Сказал младшим братьям, чтобы готовились в дальнюю дорогу...

Вернувшись на родину после 13 лет казахстанской ссылки, братья начали искать следы Адама. Прежде всего расспрашивали аварцев, переселенных в село после депортации чеченцев. Они, независимо друг от друга, рассказали о двух чеченцах, которых видели в Гойском в конце февраля – начале марта 1944 года.

Первый появился в селе 24 или 25 февраля, под вечер. Он шел, беспокойно озираясь по сторонам, остановился у магазина, где толпились новопоселенцы. Он о чем-то спросил на родном языке... Его избили, подняли на вилы, обезглавили...

Второй появлялся по ночам. Заходил обычно в два дома. Недели через три-четыре исчез...

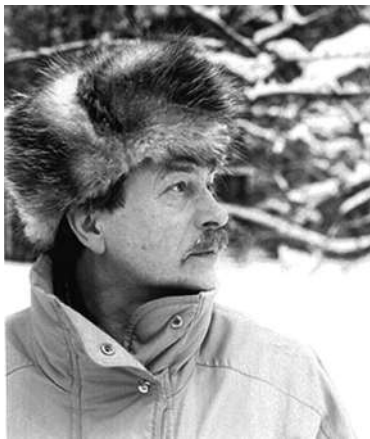
Потом четверть века не было никакой новой информации.

Затем, начав рыть у себя в огороде яму, местный житель наткнулся на скелет. Он имел две «особенности»: был проломлен череп (видимо, ударом топора по голове) и деформирована челюстная кость. Тут вспомнили: Адама еще в детстве лошадь ударила копытом в лицо, и сломанная челюсть неправильно срослась...

Сложилась некая картина. Безоговорочно принять ее мешает одно: сердце, разум боятся поверить, что мир беспредельно жесток. А тема депортации, каким бы боком ты ее ни коснулся, одна лишь боль...

Голоса друзей

Вадим Рахманов

Вадим Николаевич Рахманов родился 4 июля 1943 году в Москве. Окончил факультет журналистики МГУ. Работал в газетах «Студенческий меридиан», «Строительная газета», в журнале «Дружба народов», издательстве «Современник», а также в Правлении Союза журналистов СССР, и Министерстве печати СССР. В 1990 году учредил и возглавил издательство «Ключ», затем – «Новый Ключ».

Способности к литературному творчеству обнаружил в себе еще юных лет. Его стихи и поэтические переводы с английского, шведского, хорватского, татарского, кабардинского и других языков печатались в различных газетах, центральных и республиканских литературных изданиях, альманахах и школьных учебниках России и зарубежных стран. Является автором десяти поэтических книг, а также издателем книги «Чеченская народная поэзия», увидевшей свет в 2005 году. Лауреат Международного конкурса «Золотое перо-2008» и других литературных премий. Живет и работает в Москве.

От тебя никуда не бегу...

***

Я видел ослепшее небо...
Возможно, оно улетало,
Вспоров на столбах свое брюхо
О каски ночных фонарей.
Седая плакучая верба
Упавшие росы впитала,
Как будто листве ее сухо
От соков родимых корней.

Я слушал оглошшую полночь...
Возможно, она овдовела,
Оставив свой месяц медовый
На ложе сиреневых туч.
И как безнадежная помощь,
Вдруг вырвался голос из тела...
И тело обмякло бедою,
А голос стал чистым, как ключ.

***

Кто приметы той не знает,
Что, печалясь и скорбя,
В високосный год теряют?
Ну а я – нашел тебя!

Ты явилась в снежный терем,
В сквозняки моей души.
Перечешь мои потери,
Бога ради, не спеши!

Как во мне вы уцелели
В прошлых днях и в этот раз,
Берестяный плач свирели
И льняная нежность глаз?..

Это знать рожден не каждый
И любить, и ждать опять...
Я боюсь тебя однажды
Вдруг навечно потерять.

Другая

Т. Р.

Вот опять ты вспылила, ревнуя:
– Уходи! От ворот поворот!
Может, я и любил бы другую,
Но другая меня не поймет.

Проглочу твою реплику злую
И приму независимый вид.
Может, я и хотел бы другую,
Но другая меня не простит.

Не желал бы таких и врагу я
Слов холодных и колких, как лед.
Может, я и нашел бы другую,
Но другая меня не спасет.

От тебя никуда не бегу я
И по-прежнему каюсь, любя:
Может, я и искал бы другую,
Но в другой не найти мне тебя.

Тень

Свеча вонзила в темноту
Кривой кинжал огня,
И, раздвигая пустоту,
Свет пробудил меня.

И, проступив из темноты,
Хмельны от талых вод,
В кувшине завели цветы
Венчальный хоровод.

Но только двигаться и петь
Им словно было лень...
Я стал внимательно смотреть
На странную их тень.

Явившись в облике твоём,
Она жила сама:
Свой обрела сперва объем
И форму обрела.

Но вспыхнул свет со всех сторон.
Где тень? Где астры те?
Мне только чудилось, что стон
Я слышу в темноте.

Мне только снилось, ты прости,
Что это профиль твой...
Цвести тебе, а мне нести
Тот крест, что только мой.

Первый снег

Какая радость – первый снег!
Как первый миг любви не первой.
Кружит торжественный, нетленный –
Лебяжий пух и детский смех.

Но он растает, как всегда,
И будет миг любви прощальный,
И буду снова я печальный
Вперед на многие года.

Потом ты снег найдешь в моих
Кудрях, заметно поредевших.
И бросишь мне снежком из детства –
Любви твоей нежданный миг.

Снежинок пух. Твой детский смех.
И радость тихая, простая...
Хочу, чтоб, никогда не тая,
Летел над миром первый снег.

Белый танец

Я был любезно приглашен
На белый танец белой ночи.
В нем было все... И, между прочим,
Он был судьбою предreshен.

Дожди минули и снега.
В той дальней дали нашей бывшей
Расстались мы, как берега,
Мосты однажды расцепивши.

И вот кружусь с тобою вновь:
И ночь светла, и танец белый...
Я все такой же неумелый.
Не упрекай! Не прекословь!

Опять близка мне стала ты,
Когда мы в танце этом плыли
И разведенные мосты
Над пропастью годов сводили.

Он дом себе песчаный строит
И разрушает кирпичом.

Он взрослым задает вопросы
И сам на них же отвечает;
Их не поймет чужой и пришлый,
Лишь дети понимают их.

И я таким же был когда-то:
Ломал игрушки, строил домик
И старшим задавал вопросы,
И сам на них же отвечал...

Полжизни я, наверно, прожил,
А как в беде помочь – не знаю,
Когда ранимое сердечко
Ожесточается на мир.

Двери

В день прохожу десятка три дверей:
Стеклянных и обитых мягкой кожей,
Из дерева, из прочного железа,
Петельные и двери-автоматы.

Роддома дверь, детсада, школы двери,
Дверь вуза, двери
    собственной квартиры,
Квартир друзей и учреждений разных
И двери крематория – мои.

В одних – меня толпа теснит и давит,
В другие – прохожу один, свободно,
А есть еще таинственные двери,
Что от меня закрыты на замок...

Как будто бы успеть хочу я всюду,
Где можно и нельзя.
И вот я снова
Через пороги маленьких открытий
Ступаю.
И везде – недолгий гость.

Когда же дверь последняя за мной
Захлопнется,
Мои стихи, быть может,
Тебе, читатель, приоткроют двери,
В которые войти мне не дано.

Бессонница

Почему-то мне не спится?
Может, длился сон мой долго.
Ясный день, закат с зарею
Легкомысленно проспал?

Оттого ль, что не струится
Свет в окне родного дома,
И не снится, как над мглою
Птицей вольной я летал?

Почему-то мне не спится?
Может, совесть спать мешает,
Растревоженная в полночь,
Убаюканная днем?

Оттого ли, что боится
В поле спать луна большая
И кому-то светит в помощь
Одноглазым фонарем?

После дождя

Вот и дождь перестал.
Прекратили калякать вороны.
Залоснились мостки,
Сыто взбухнув
    от вод дождевых.

Я из дома удрал
Вновь к ручью
    под ольховые кроны,
И белеют листки
На ладонях чуть
    влажных моих.

Через зелень ольхи
Вижу, как,
    отсыревший и ватный,
Купол неба пронзает
Вдали яркий свет голубой.
Снова жаждет стихов
И рождает их мир благодатный.
Сочиняет природа,
А мы – лишь читаем с тобой.

Хаваж Цинцаев

Авария

Рассказ

– Так... О цене мы договорились... Но есть еще детали, которые надо обговорить, – произнес Нурди задумчиво.

– Какие еще детали? – удивился Дауд.

– На случай непредвиденных обстоятельств.

– То есть?

– Видишь ли, приятель, дорога длинная. Местами на дороге может быть гололед. Мало ли что может случиться...

– Согласен...

– Это формальность. В случае аварии по вашей вине и повреждения машин вы выкупаете у нас поврежденную машину по цене такой же модели нового автомобиля на нашем автомобильном рынке. Все эти детали мы предусмотрели вот в этом договоре произвольной формы. Понимаешь, о чем я? – Нурди протянул Дауду лист бумаги с отпечатанным на пишущей машинке убористым текстом.

– М-да... Вот, теперь я понимаю, – сказал Дауд, пробежав глазами договор, и решительно встал. – Придется тебе найти себе других перегонщиков! Пошли! – обратился он к своему брату Вадуду, который тоже присутствовал при встрече, и направился к выходу, даже не попрощавшись с хозяином кабинета.

– Ну что же! На нет и суда нет, – прозвучало им вслед без какого-либо сожаления и намека на недовольство.

После развала СССР и возникновения рыночной экономики, когда цены вдруг резко обвалились, в стране, как грибы после дождя, стали повсеместно появляться всякого рода коммерческие фирмы с загадочными аббревиатурами и диковинными названиями. Все они, в основном, предпочитали заниматься куплей-продажей. Несмотря даже на наличие в названии фирмы прилагательного от слова «производство», которое вводили, скорее всего, для привлекательности и солидности. На самом деле производственной деятельностью мало кто интересовался. Все хотели приобрести товар по минимальной цене и по максимальной – продать. А это самый простой и легкий способ получения прибыли. Раньше такая деятельность считалась спекуляцией и преследовалась законом. Но теперь настали другие времена, времена дикого капитализма и падения нравов.

Нурди был совладельцем небольшой частной производственно-коммерческой фирмы, официально – ООО: общество с ограниченной ответственностью. Фирма «Нурди и К[•]» арендовала под офис в одном из государственных объединений довольно просторное и светлое помещение с мебелью и телефоном. Они наняли на первых порах единственную работницу, которая выполняла одновременно обязанности бухгалтера, делопроизводителя и секретаря-машинистки. Занимались в основном приобретением и реализацией

строительных материалов. Дела шли ни шатко ни валко, но на жизнь хватало. Однако аппетит приходит, как говорится, во время еды. Компаньоны решили попробовать свои силы и в автомобильном бизнесе. И вот уже два-три месяца, как они всерьез взялись за это дело. Совладелец фирмы Арби частенько совершал деловые поездки в Тольятти. Там он участвовал в широко разрекламированных торгах автомобилями волжского автозавода. Закупал поначалу автомобили не партиями, а поштучно. По два-три автомобиля перегоняли своим ходом домой. Водителей для перегона нанимали по объявлению в еженедельной газете.

Вот и Дауд с Вадудом пришли в офис к Нурди, увидев в газете их объявление. Выйдя из офиса после несостоявшейся сделки, братья не стали сразу покидать здание. В длинном коридоре они расположились у широкого подоконника единственного окна в торце здания недалеко от лестницы между этажами.

– По-моему, ты поторопился с отказом, – выразил сомнение Вадуд в решении старшего брата не соглашаться с предложенными условиями.

– Ты не слышал разве, какие условия он хотел нам навязать?! А если в дороге случится что-то по независящим от нас причинам? Ты сможешь ему доказать, что это произошло не по нашей вине? – возмутился Дауд снова.

– Смотря что...

– Ну, допустим, камень вылетит из-под колеса машины, идущей впереди или двигающейся по встречной полосе. Последствия ведь могут быть непредсказуемыми, в зависимости от того, какого размера будет камень или куда он угодит. Можно ведь и в кювет свалиться! Кто будет виноват в этой ситуации? Водитель той машины, из-под колеса которого вылетел камень, или ты?

– Там асфальт везде! Откуда ему, камню, взяться? По гравийной дороге не поедем. В крайнем случае, на малой скорости можно будет проехать такой участок.

– Да ладно тебе. А если сзади кто-нибудь въедет в тебя, а если спереди, сбоку? Мало ли что может произойти по дороге длиной в полторы тысячи километров?

– Даст Бог, ничего не произойдет. А чему быть, того не миновать! Зато заработаем хорошо. Понравится – еще раз поедем. Давай, я зайду к ним и скажу, что мы передумали и согласны подписать договор?

– Нет, неудобно же...

В это время широко распахнулась дверь офиса, располагавшегося рядом с лестничной площадкой, и на пороге показался Нурди. Он на ходу делал какие-то указания работнице фирмы. Увидев у окна братьев, он запнулся на секунду, а затем последовал возглас удивления:

– Вот те на! Вы не ушли разве?

– Да вот, братик уговаривает меня согласиться подписать договор, – ответил Дауд, заметно волнуясь. Ему было неловко от того, что он проявил такую непоследовательность.

– Ну и как? Получилось у него уговорить тебя?

– Почти, – ответ Дауда прозвучал как согласие на условия договора.

Нурди изучающе посмотрел на него. Выдержал значительную паузу, как бы задумавшись. А потом жестом руки пригласил братьев в кабинет, пропуская их впереди себя. И на ходу произнес, обращаясь к своей работнице:

– Возьми у них паспорта и быстренько заполни договора. Мне надо ехать, и я тороплюсь.

На второй день братья улетели в Самару. Аэропорт Курумоч встретил их, несмотря на март месяц, мощным снегопадом, сопровождавшимся шквалистым ветром и огромными сугробами. Такого снега братья не видели давно. Было очень холодно. В условиях низкой видимости сновали туда-сюда снегоуборочные машины, расчищая взлетно-посадочную полосу. Но снег продолжал идти. Оставалось только удивляться, как в такую погоду самолеты могут практически вслепую взлетать и садиться. Подъехавший автобус забрал их вместе с другими прилетевшими пассажирами в здание аэропорта. Недолго пробыв там, они на такси направились в Тольятти.

Водитель такси попался отчаянный. Несмотря на снежную кашу и гололед на дороге, он гнал свою «Волгу-24» так, словно стояла летняя сухая погода. Дауд, который в напряжении сидел рядом с таксистом, долго старался ничем не выдать себя. Он так сильно ухватился за ручку над окном, что, казалось, она сейчас оторвется. А правая нога Дауда инстинктивно давила на несуществующую педаль тормоза, как бы стараясь сбросить скорость. Это привычка многих водителей, которые, садясь в чужую машину на место рядом с водителем, как бы автоматически делают это на подсознательном уровне. Водитель краем глаза заметил, что Дауд порядком нервничает и постарался успокоить его, подбодрить, напевая известную песенку:

– Эх, катались мы с тобою, мчались вдаль стрелой, искры сыпались с бульжной мостовой...

– Чуть помедленнее кони, чуть помедленнее, – ответил Дауд тоже словами из не менее известной песни.

– Все под контролем, братан! Не переживай!

– Нет, ну серьезно... Нельзя ли потише?!

– Не первый день замужем...

– Мы никуда не спешим, – попытался урезонить водителя Дауд.

– Помни, что время – деньги, time is money, – блеснул водитель своим знанием английского языка

– Нет, но посмотри, какая дорога! – стоял на своем Дауд.

– Тебе непривычно... Вы у себя там, на Кавказе, редко видите, наверное, снег. А мы привыкшие к таким снежным дорогам, – и не собирался сдаваться лихой водитель.

Вадуд слушал полусутоливую беседу брата с водителем и ничем не выдавал своего присутствия. Его, сидевшего сзади, вдруг резко качнуло в сторону и ударило о дверь. Машина потеряла управление. Ее занесло, выбросило на обочину дороги, и она, как нож в масло, врезалась прямо в гигантский сугроб, который тянулся вдоль обеих сторон дороги. На мгновение в салоне автомобиля воцарилась тишина, которую прервали молитвенные слова Дауда и несдержанные ругательства испуганного водителя. Передние двери и одна задняя правая дверь оказались зажатыми снегом. Пришлось выбираться через одну, оставшуюся незаблокированной снегом, заднюю левую дверь. Убедившись в том, что все отделались легким испугом, Дауд не преминул возможностью саркастически усмехнуться:

– Ну что?! Доигрался?! Не первый день он замужем, видишь ли...

– Ничего-о-о... И на старуху бывает проруха... всяко бывает, – виновато ответил водитель и достал из багажного отделения трос, чтобы зацепить и вытянуть машину из снежного плена.

Оставшийся до Тольятти путь таксист ехал уже тихо и осторожно. То ли из-за испуга, то ли из-за того, что после случившегося ему было неудобно перед пассажирами продолжать гонять. Чтобы скоротать дорогу, говорили о самом разном, в том числе и о предстоящем перегоне автомобилей. Так и доехали без новых приключений к дому, в котором снимал квартиру компаньон Нурди.

Переночевав и отдохнув с дороги, на следующий день рано утром, до рассвета еще, братья забрали со стоянки две новенькие вазовские «девьяносто девятые», цвета «мокрый асфальт». Провожавший их Арби объяснил, как выехать из города, дал наставления, как вести себя на дороге в обманчивую весеннюю погоду. Еще раз напомнил про обкатку автомобилей. Настоятельно просил не давать большую нагрузку на двигатели и ехать по ровным участкам со скоростью не более 80-90 километров в час. Пожелал им счастливого пути, доброй, без железа и гвоздя, дороги и прекрасной погоды. Дауд с Вадудом тепло попрощались с Арби и тронулись в путь. Предстояло проехать свыше полутора тысяч километров. И это должно занять почти сутки, если не останавливаться где-нибудь на ночлег.

Дауд поехал впереди. Утро было морозное и туманное. Клубы тумана окутывали в предрассветной мгле все кругом. При свете уличных фонарей все представлялось в каком-то странном, фантастическом виде. Туман, гололед и изморозь, тем более в незнакомом городе, вынуждали ехать с предельной осторожностью. Если в начале выезда со стоянки город выглядел почти пустым и безжизненным, то по мере приближения к его окраине на дороге стали появляться и редкие машины. Не заставил себя долго ждать и рассвет. При дневном свете ехать было гораздо безопаснее и приятнее. За городом они поехали уже быстрее, хотя встречный поток машин усиливался. Участков дороги с гололедом встречалось уже значительно реже. Чем дальше они удалялись от Тольятти к юго-западу, тем меньше оставалось признаков зимы.

До Саратова перегонщики доехали уже ближе к обеду, лишь один раз сделав остановку на дозаправку. Не заезжая в центр, на объездной дороге они перекусили в придорожном кафе, размялись хорошо и решили продолжить путь.

– Нельзя ли побыстрее ехать? – обратился Вадуд к Дауду, прежде чем сесть в машины.

– Почему нельзя? Можно! Но тебе не жалко будет машин? – последовал укоризненный вопрос.

– А что с ними станет, если мы увеличим скорость на 20-30 километров в час?

– Что же ты утром Арби об этом не сказал?

– Не посчитал нужным.

– Нет, Вадуд! Так не пойдет! Во-первых, мы обещали человеку...

– Ничего мы не обещали, – перебил Дауда младший брат.

– Мы промолчали, когда он давал нам наставления. А молчание – знак согласия! Во-вторых, если даже Арби и не просил бы не превышать скорость, все равно я не поехал бы с большей, чем положено, скоростью. Как можно сознательно губить новые автомобили? Побойся Бога! Он-то все видит! – все больше расходился Дауд.

Вадуд уже пожалел, что завел этот разговор. Понутив голову, он направился к своей машине.

– Поминай Аллаха! Салаваты читай! – помягче сказал Дауд. Затем улыбнулся и добавил: – Песенки можешь напевать во весь голос, не боясь, что тебя услышат.

– Ладно. Ты не беспокойся за меня. Я найду способ укоротить себе дорогу.

– Следующую остановку, если на то воля Аллаха, сделаем в Волгограде. Правда, по дороге надо будет заправиться еще раз где-нибудь, – сказал Дауд и, сев в свою машину, не спеша вырулил на трассу.

Вслед за ним, сохраняя дистанцию, тронулся и Вадуд. Погода им благоприятствовала. Было пасмурно, но без осадков. Пару раз останавливались. Один раз, чтобы немного размяться, а другой – на заправку. Вечером, в самый час пик, перегонщики без особых приключений достигли Волгограда, который считается одним из самых протяженных городов России. Дорожный знак с изображением вилки и ножа напомнил им о необходимости подкрепиться. Дауд, а вслед за ним и Вадуд, в удобном месте съехали с дороги и подкатили к невзрачному зданию с вывеской «Кафе». Небольшое уютное кафе было практически безлюдным. Братья сделали заказ и стали ждать.

– Ну что? На ночлег останавливаться будем? – спросил Дауд.

– Нет! – решительно ответил Вадуд.

– Я тоже так думаю. Если будет совсем невмоготу, час-другой можно поспать в машине. И снова в путь.

– Конечно.

– Сейчас поужинаем и попробуем на сытый желудок немного прикорнуть. К этому времени, может, и час пик спадет.

– Через Астрахань поедем или через Элисту?

– Лучше через Элисту. Там машин будет меньше. Для нас сейчас главное – проехать Волгоград. А он протянулся примерно на 60 километров вдоль правого берега реки Волги.

– 60 километров?! – вытаращил глаза Вадуд.

– А чему ты удивляешься? Вон, Сочи в два раза длиннее Волгограда.

– Минимум два часа уйдет у нас, чтобы проехать его.

Принесли заказ, и братья с удовольствием и неторопливо начали свой ужин. Так же не спеша запили вкусный ужин ароматным чаем. Попросили работницу кафе еще и в термос налить горячего и крепкого чая. Рассчитавшись, вышли на улицу.

– Ну что? После сытного обеда по закону Архимеда... полагается поспать! Попробуем? – спросил Дауд.

– Попробуем, – ответил Вадуд. – Хотя заснуть вряд ли получится. Можно просто полежать, опустив спинку.

– Сразу же прогрей салон и обязательно заглуши двигатель. Закрой глаза и считай до тысячи.

– Ты тоже, – улыбнулся Вадуд и сел в свою машину.

Долгая дорога с самого раннего утра сделала свое дело. Не сразу, но ребятам удалось заснуть. Первым проснулся Дауд. Посмотрел на часы. Прошло два часа, как они вышли из кафе. Предстояло проехать город во всю его немалую длину. Он вышел из машины, побрызгал лицо водой из пластиковой бутылки, предусмотрительно запасенной еще в Тольятти. Затем постучал в окно машины и разбудил Вадуда, свернувшегося, как калачик, на переднем сиденье. Тот повернулся на спину, сладко потянулся и вышел из машины:

– Надо же! Не думал, что так крепко засну.

– Я тоже хорошо поспал. Теперь можно и трогаться. Даст Бог, до самого дома доедем, – произнес Дауд, поливая водой в сложенные ковшиком ладони умывающегося Вадуда.

– Надеюсь, к этому времени и машин на дороге стало меньше.

Не задерживаясь долго, братья выехали с места стоянки на дорогу. Заехали на заправку, наполнили баки бензином и взяли курс на юг. Движение в Волгограде было уже не столь интенсивное, но много времени приходилось терять на светофорах. Так или иначе, через два часа они вырвались из города. Предстояло преодолеть еще около девятистот километров. То есть, ехать придется всю ночь, и к утру, если на то будет воля Аллаха, прибудут домой.

Триста километров до Элисты братья ехали без остановок. Машин на дороге было мало. Заправились опять, попили горячего еще чая из термоса. И снова в дорогу. Еще через триста километров они оказались уже на территории соседнего Дагестана. Отсюда до дома оставалось всего каких-то 250 километров, совсем недалеко по сравнению с дорогой, которую они уже преодолели.

Ребята порядком устали. Спины отчаянно гудели, ноги налились тяжелым свинцом, вызывая ощущения тяжести. Главная неприятность исходила от бьющего по глазам света фар встречных машин, которых здесь, в Дагестане, было много. К тому же моросило. Мало того, что снижалась видимость, но еще и дорога становилась скользкой, а управлять автомобилем становилось сложнее. Но желание как можно быстрее добраться до дома гнало братьев вперед, не позволяя остановиться. Вот уже и предраассветная дымка ползла им навстречу. Наконец-то они пересекли границу с Дагестаном и оказались на своей территории. Продолжал лить мелкий дождь. Еще какие-то два часа – и они, ура, будут дома! Правда, на этом участке дорога проходит через многочисленные населенные пункты. Разогнаться не получается. Между тем, пока они ехали, окончательно рассвело.

Вдруг, на подъезде к одной из станиц, ехавший впереди Дауд издалека заметил грузовик и легковушку, стоявшие посередине дороги. Силуэты людей суетились возле них. Почувяв что-то неладное, Дауд сбросил скорость и включил аварийку. Подъехав ближе, он остановился и выскочил из машины. Тут же подбежал и Вадуд. Самосвал КамАЗ и легковушка столкнулись почти лоб в лоб. Удар был настолько силен, что передняя часть «жигуленка» оказалась сильно смята. На мокром асфальте синие пятна разлившейся охлаждающей жидкости, вытекшей из радиатора, и крошка от разбитого некачественного лобового стекла. Этой крошкой усеян также довольно сильно измятый капот легковушки, передняя панель и салон. Водителя «жигуленка» зажало между сиденьем и рулем. Он был весь в крови и без сознания. Голова его свалилась набок и висела в неестественной позе. Взъерошенный, с кровоподтеками человек, похоже, пассажир легковушки, и двое с КамАЗа безуспешно пытались вызволить обмякшее тело водителя «жигуленка». У них это не получалось. Подбежавшие Дауд с Вадудом тут же бросились помогать им. Тут еще какие-то люди появились с подъезжающих машин. Общими усилиями они извлекли из разбитой машины тяжело травмированного водителя, истекавшего кровью. Со всех сторон слышались панические крики:

- Срочно в больницу его!
- Быстрее, быстрее!
- В машину его!

Ближе всех стояли машины братьев, одними из первых подъехавшие к месту аварии. Не раздумывая, Дауд открыл переднюю пассажирскую дверь своей «девяносто девятой», откинул до упора спинку сиденья. Неподвижное и скрюченное тело водителя легковушки, запачканного кровью, со второй-третьей попытки уложили на сиденье с откинутой спинкой. Легкораненый пассажир «жигуленка» нырнул на заднее сиденье сопровождать, как оказалось, своего брата. К Вадуду подсел пассажир КамАЗа. Виляя между беспорядочно остановленными прямо посреди дороги машинами, Дауд и Вадуд вырвались на свободу и, включив аварийки, устремились по направлению в районную больницу.

На этот раз они летели, выжимая из своих автомобилей максимальную скорость и обгоняя одну машину за другой, насколько это позволяла сделать дорожная обстановка. Пострадавшего, который дышал, но все еще не приходил в сознание, надо было доставить в больницу живым. Своевременно оказанная медицинская помощь, вероятно, могла спасти ему жизнь. Тут уже не до ограничений скоростного режима. Сопровождавший брата часто проверял его пульс на запястье, усердно молился, полушепотом бормотал на арабском языке какие-то суры и аяты из Корана.

Через какое-то время две машины с транзитными номерами, приклеенными к внутренней стороне лобовых стекол, подъехали к приемному отделению районной больницы. Подогнав каталку, ребята переложили на нее безжизненное тело не пришедшего в сознание пострадавшего. В сопровождении и под присмотром дежурного врача и медсестры они спешно покатали каталку вглубь коридора больницы. Дауд с Вадудом остались у приемной. Уезжать сразу было неудобно. Они решили дождаться брата пострадавшего и пассажира с КамАЗа. Те не заставили себя долго ждать. По их словам, водителя легковушки поместили сразу же в реанимацию и начали бороться за его жизнь. У него черепно-мозговая травма и другие многочисленные ушибы и переломы. Состояние крайне тяжелое. Необходимо провести целый ряд исследований больного.

Брат пострадавшего обратился к Дауду и Вадуду:

– Ваша миссия закончилась. Вы оказали нам неоценимую помощь. Да будет доволен вами Аллах на этом и на том свете! Мы, конечно же, в неоплатном долгу перед вами. Я в курсе, что вы едете с Тольяти. Знаю, что вы уже сутки в пути, устали. Поэтому не смею более задерживать вас.

– Ничего необычного мы не сделали. Это долг мусульманина – помогать человеку в беде. Мы искренне желаем, чтобы случившаяся авария обошлась без нежелательных для обеих сторон последствий. А пострадавшему желаем скорейшего выздоровления.

– Ребята, вы оставьте мне свой адрес. Даст Бог, обязательно навещу вас в городе. Кстати, меня зовут Идрис.

Братья обменялись с Идрисом адресами и тепло попрощались.

Выехав с территории больницы, они продолжили свой путь в сторону Грозного, так неожиданно прерванный дорожно-транспортным происшествием, в котором сильно пострадал брат Идриса. Настроение было

безнадежно испорчено. Не радовала даже предстоящая встреча с домочадцами. Всю оставшуюся дорогу каждый из них предавался грустным размышлениям о жизни, о бренности существования. Никто не знает (и слава Богу), что ожидает его впереди, хотя все в этой жизни предопределено. Не знали ведь Идрис с братом, когда выезжали утром, в какой переплет они попадут. А ведь подобное могло произойти и с ними. С такими невеселыми думами братья добрались до дома.

Выйдя из машины, Дауд произнес:

– Да-а-а... Влипли мы с тобой, Вадуд. Оказывается, не зря Нурди настаивал на том, чтобы мы подписали договор на перегон автомобиля.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Вадуд с тревогой.

– А ты не понял, что ли? Пойди, загляни в мою машину.

Пол в салоне автомобиля и даже внутренняя обивка дверей были в грязи. На откинутой спинке переднего сиденья, на котором Дауд вез пострадавшего в аварии, виднелось большое пятно засохшей крови. Рядом с ним еще два-три небольших таких же кровавых пятна. На самом сиденье тоже огромное мокрое пятно. В салоне автомобиля стоял характерный неприятный запах.

– Что будем делать? – от увиденного у Вадуда округлились глаза.

Он, еще когда травмированного укладывали в близстоящую к ДТП машину Дауда, в душе, чего греха таить, был против этого. Потому что понимал, чем это может обернуться. Но он не ожидал, что салон автомобиля может испачкаться до такой степени. Вадуд не посмел тогда сказать что-либо Дауду. Сама ситуация на дороге в тот момент не предрасполагала к иным действиям. Да его и не поняли бы, произнеси он свои мысли вслух. И расценили бы постыдным и непростительным поступок Вадуда. Ведь вопрос стоял о жизни и смерти человека.

– Отстирать засохшие пятна крови невозможно, – задумчиво произнес Дауд. Понятно было, что к этому выводу он пришел не сейчас. – Кровь пропитала волокна ткани и въелась в ее структуру. Проще купить новое сиденье. Но вот вопрос, где его купить? Да и соответствующую расцветку подобрать надо.

– Для этого время нужно.

– По-любому, надо попробовать отстирать холодной водой пятна крови на спинке. Сиденье тоже надо отстирать, но уже горячей водой с порошком.

На второй день на машинах, подвергшихся накануне тщательной помывке сверху и внутри, братья поехали в офис к Нурди. Отстирать бесследно пятна крови, естественно, не удалось. Да и отстиранное и высушенное феном сиденье, если внимательно присмотреться, отличалось цветом от соседнего, водительского сиденья. Оставив машины на стоянке перед зданием, в котором располагался офис Нурди, братья поднялись к нему в кабинет. Дауд не стал ничего утаивать от Нурди и рассказал все, как было. Даже про сиденье рассказал, как есть. Хотя Вадуд возражал, надеясь, что Нурди не обратит внимания на сиденье.

Всю исповедь Дауда Нурди выслушал с явным недоверием, потупив взор и нервно теребя в руках карандаш. В эту минуту он был похож на человека, которого только что обокрали в общественном транспорте. После довольно долгой паузы он выдавил из себя:

– Так... И что теперь? Что вы предлагаете?

– Мы условия договора выполнили не в полном объеме. Если одну машину можно хоть сегодня продать по рыночной цене, то за вторую такую же цену не дадут. Слово за тобой. Мы согласимся с любым твоим решением, чего там говорить.

– Хорошо. Но давайте для начала пройдем вниз, осмотрим машины.

Нурди надел очки и неторопливым, размеренным шагом обошел вокруг обеих машин, внимательно рассматривая поверхность кузова, но не обнаружил ничего интересного. Качнул с силой передок и зад каждой из машин из стороны в сторону. Заглянул в окно передней двери одной машины, потом второй. Спросил:

– Которая?

– Эта, – показал рукой Дауд и протянул ключи.

Нурди открыл переднюю правую дверь, втиснулся наполовину в салон, оставив ноги снаружи. В салоне стоял характерный для новых машин своеобразный запах, к которому примешивались ароматы парфюмерного дезодоранта. На спинке сиденья отчетливо вырисовывалось размытое пятно. Дальше осматривать эту машину Нурди не стал. Молча он подошел к другой машине, с трудом влез на водительское место. Отодвинул его назад, посидел, откинувшись на мягкую спинку и о чем-то думая. Бросил беглый взгляд на показания спидометра. Затем вставил ключ, протянутый Вадудом, в замок зажигания, повернул, выжал сцепление. Машина завелась сразу, как будто только и ждала этого. Двигатель работал ровно, почти бесшумно.

– Давайте, договоримся так... Я посмотрел все, что можно посмотреть глазами, – сказал братьям через некоторое время Нурди, выбираясь из машины. – Не могу сейчас сказать вам ничего определенного. Мне надо позвонить своему компаньону Арби, посоветоваться с ним. Подойдите-ка лучше после обеда.

– Хорошо, – согласились братья и ушли, оставив ключи от машин их хозяину.

После обеда их разговор продолжился в рабочем кабинете Нурди:

– Дауд, ты сказал, что вы согласитесь на наши условия. Мы поговорили с Арби. Условия наши просты и справедливы.

– И какие же они?

– За перегон одной машины вы получаете вознаграждение, как мы и договаривались.

– Думаю, нам не положено это вознаграждение...

– Подожди, не спеши с выводами. Вторую машину мы оставляем вам.

– Как это так – оставляете?! – с недоумением переглянулись между собой братья.

– Ну, вы можете и продать ее. Делайте, что хотите и как хотите... Нам же заплатите столько, сколько мы получим за другую машину. Что, в принципе, не противоречит условиям нашего договора о перегоне автомобилей. И заплатить следует в течение недели, как мы продадим первую машину. Что скажете?

На минуту в кабинете повисла тишина, неудобное молчание. Очевидно, Дауд обдумывал только что услышанное, а Вадуд не решался высказаться раньше старшего брата.

– Нам ничего не остается, кроме как согласиться с вашими требованиями, – наконец промолвил Дауд. – Договор дороже денег.

– А я могу высказать свое мнение? – робко спросил Вадуд, который все это время молчал и явно был раздосадован таким раскладом.

– Нет, не можешь! – уставившись на своего младшего брата, сверкнул глазами Дауд. – Я все сказал.

– Пусть говорит! Он же полноправный участник сделки, – заступился за Вадуда хозяин кабинета.

Возникла пауза, которую Нурди прервал, обращаясь к Вадуду:

– Ну, говори же! Ты же хотел что-то сказать.

– Нурди, то, что случилось, произошло, видит Бог, не по нашей вине. Мы не искали никаких приключений. Просто так сошлись обстоятельства. Да, нам повезло, в кавычках, что мы первыми наткнулись на эту аварию. Но как мы сказали бы этим совершенно незнакомым людям, которые, как и мы, по зову сердца бросились помогать пострадавшим: «Эй, вы! Не ложите его в первые две машины! Они новые и предназначены для перепродажи. Мы не их хозяева, мы перегонщики! Давайте, повезем его на другой машине!» Ты можешь представить себе подобное?! Мы с Даудом – нет! Не зря говорят, мы предполагаем, Аллах располагает. Мы с братом хотели заработать на перегоне машин, вы – на их перепродаже. Но не получилось. Все по воле Всевышнего. А посему я предлагаю разойтись без взаимных требований и претензий друг к другу. Мы отказываемся от вознаграждения, а вы от претензий к нам. И да восполнит Аллах нам всем упущенную выгоду. И да запишет Аллах наш поступок, как благое деяние, в списки богоугодных дел каждого из нас. Надеюсь, благодаря Аллаху и врачам, а также нашей своевременной помощи, пострадавший выжил, – закончил свой убедительный монолог Вадуд.

Ему трудно было возразить. Но, недолго думая, Нурди сказал:

– Хорошо, Вадуд, если ты настаиваешь на своем, давайте сделаем так. Обратимся к кому-нибудь из знающих алимов. Пусть нас рассудят по шариату.

– Нет! – вмешался Дауд. – Ни к кому обращаться мы не станем. Мы машину забираем, Нурди, как ты и предлагал. Как продадите вторую машину, сообщите мне. В течение недели я отдам тебе, если на то воля Аллаха, такую же сумму, что вы выручили за проданную.

– Как хотите. Послезавтра суббота, день, когда на Петропавловском шоссе собирается авторынок. Во избежание возможных кривотолков, подойдите туда. Будете присутствовать при продаже нами машины. Заодно и цены узнаете.

– Не вижу необходимости присутствовать при продаже вами машины. Я полностью доверяю тебе. На рынок один из нас, конечно, заглянет. В понедельник я позвоню тебе в офис. Если продадите – скажешь, по какой цене отдали.

– Ну, все тогда! Увидимся – «услышимся»!

Домой на машине, ставшей вдруг их собственной, братья большую дорогу ехали молча. Дауд понимал, что Вадуд был по-своему прав. Окажись в подобной ситуации на месте Нурди, он, не раздумывая, так бы и сделал, как предлагал Вадуд. Но попрекать Нурди в алчности, безнравственности, в отсутствии богобоязненности было бы неправильно, считал он. Ведь товарный вид машина, по сути, потеряла по их «вине». Но это был тот случай, когда не жалел о содеянном. Вот если бы они с Вадудом удрали тогда с места аварии или не позволили погрузить пострадавшего в свои машины – вот тогда тяжело было бы до конца своих дней жить с этим. А теперь что?! Ровным счетом – ничего! Мелочи, из которых и соткана жизнь. Все утрясется, уладится, если на то воля Аллаха. Так что не

стоит им огорчаться и, тем более, унывать. Все, что ни делается с нами, это испытание нас Всевышним. Надо выразить Ему свою покорность и произносить: «Слава Аллаху!»

Сидевший на месте пассажира Дауд пристально посмотрел на хмурого Вадуда, вцепившегося в руль, улыбнулся про себя. Тот чуть повернул голову и бросил на него удивленный взгляд. И тогда Дауд деликатно, не как старший брат, а как ровесник-друг, озвучил Вадуду свои недавние мысли. Вадуд, конечно, согласился со всеми доводами брата. Но при этом предпочел остаться очень плохого мнения о Нурди.

Между тем, они уже подъехали к своему дому, но не спешили покинуть машину.

– Что скажем домочадцам? – спросил Вадуд. – У них вопросы ведь будут.

– А что скрывать от них? Все как есть и расскажем. Ничего страшного не произошло.

– Мать будет сильно переживать...

– Ничего... Найдем способ успокоить и ее.

В понедельник, ближе к обеду, Дауд, как и обещал, позвонил Нурди из телефонной будки. Обменявшись приветствиями, они сразу перешли к делу.

– Планка задана, – как бы шутя, сказал Нурди.

– Продали? – спросил Дауд.

– Да. А почему никто из вас не подошел?

– Зачем? Я же говорил, что нет необходимости в нашем присутствии при продаже автомобиля. Вадуд ездил на рынок. Примерную рыночную цену мы знаем. Так сколько вам дали-то за автомобиль?

Нурди назвал сумму. Она соответствовала рыночным ценам на такие автомобили.

– Все понятно. До встречи через неделю, в следующий понедельник.

– Удачи вам! Пока...

Дауд повесил трубку, вышел из будки и медленно побрел в сторону трамвайной остановки, предаваясь невеселым размышлениям. Конечно, заманчиво было бы оставить «девяносто девяную» себе. Но у него не было таких денег, у Вадуда – тем более. Времена были трудные. Советский Союз рухнул. На авансцену вышел человек с ружьем. Новая власть только способствовала окончательному развалу экономики. Дауд с Вадудом не работали и перебивались случайными заработками. Хорошо, родители получали пенсию. Но в последнее время с выплатой пенсии тоже стали возникать перебои. Так что этот вариант отпадал автоматически. Надо было в ближайшую субботу или воскресенье продать машину по максимально высокой цене. Найти и доложить энную сумму к вырученным от продажи автомобиля деньгам и рассчитаться с Нурди. Хорошо, если они продадут машину в эти два дня. Вряд ли покупателей устроит связанная с машиной правда, которую в обязательном порядке собирался им рассказать Дауд. Вадуд предлагал надеть на сиденья хорошие чехлы и не рассказывать покупателям ничего. Но Дауд был категорически против такого обмана и запретил ему даже поднимать эту тему.

А если не удастся продать автомобиль?! Тогда Дауд вынужден будет обратиться за помощью к родителям, которые, как и все пожилые люди, держали заначку на черный день. А этого ему, ох, как не хотелось!

Когда Дауд к обеденному намазу добрался до дома, мать встретила его во дворе дома возгласом:

– Ну, надо же! Ты не мог прийти домой на полчаса раньше? Вы с Вадудом оба пропали с утра. Главное, не сказали, когда вернетесь.

– А что случилось? – вопросом на вопрос ответил Дауд.

– Приезжал Идрис с Шелковского.

– Как?!

– Как, как? На машине...

– Брат его выжил?!

– Успокойся, выжил. В первую очередь, благодаря Аллаху, а во вторую – благодаря твоей с Вадудом бескорыстной помощи. Так он сказал. Все благодарил нас с отцом, что мы воспитали вас такими хорошими людьми. А мы довольные такие. Хотя сказали ему, что ничего особенного вы не сделали. Что на вашем месте любой бы сделал то же самое. Но было очень приятно.

– Как хорошо, что брат его выжил! Я так переживал за него. Что же вы не задержали его до моего прихода?

– Так он более часа пробыл у нас, неудобно было держать его более. Прежде чем уехать, он выложил из машины освежеванную тушу барана, несмотря на мои возражения и причитания. Сказал, что завтра или послезавтра приедет снова. Просил тебя до обеда не уходить из дома.

– Красивый жест, однако! Пусть Аллах воздаст ему за баранину.

– Но ваш поступок тоже не менее красив! И добро, и зло возвращаются к человеку непременно.

– Так и есть.

– Он был очень возмущен поступком Нурди. Хотел даже поехать к нему, да не знал, куда ехать.

– Не понял! А откуда он знает?! Ты что, рассказала ему обо всем? Зачем?! – возмутился Дауд.

– Так я же сначала не знала, что Идрис брат того самого пострадавшего в аварии. А он спросил о машине, которая стоит у нас под навесом. Ну, я возьми и все расскажи ему. Я не понарошку, сынок, правда.

На второй день и десяти часов утра не было, когда Идрис подъехал к дому родителей Дауда. Он был не один. Его сопровождал молодой человек. Сразу, после обмена приветствиями, встретившие гостей во дворе Дауд с Вадудом справились у Идриса о состоянии его брата.

– От него едем. Состояние стабильно тяжелое, но уже не критическое. Не устаем прославлять и благодарить Аллаха. Но не забываем также и о вашем достойном и благородном поступке. А вот и его сын, мой племянник.

Идрис показал на стоящего рядом молодого парня:

– Хотел лично вас увидеть и поблагодарить.

– Пусть Аллах убережет вашего брата и отца от тысячи бед! И дай Аллах ему скорейшего выздоровления! Что касается нас, мы не сделали ничего такого, чего не сделал бы любой уважающий себя чеченец.

– Все равно. Да будет вами доволен Аллах! И огромное вам человеческое спасибо! Вы, по сути, вернули моего отца с того света. Врачи так и сказали: опоздай вы тогда на полчаса, и было бы поздно, – вступил в разговор молодой человек.

– Так, а чего это мы стоим во дворе?! Давайте, пройдем в дом, – предложил Дауд и протянул руку, показывая гостям куда пройти.

– Нет-нет, подождите, ребята. Нас ждут еще и кое-какие другие дела. Да, и что там, в доме, в это время делать? Послушайте-ка нас лучше.

Идрис полез во внутренний карман своей легкой куртки и достал довольно увесистую пачку денег, перевязанную несколькими резинками, и обратился к братьям:

– Дауд, Вадуд, прошу вас не перебивать меня. Мы все обдумали и решили. И не пытайтесь, пожалуйста, изменить наше решение – мы не отступим. В этой пачке денег сумма, покрывающая рыночную цену вот этого автомобиля, – он показал на стоящий под навесом автомобиль, который спас жизнь его брату, и продолжил: – Здесь же деньги, которые полагались вам за перегон обоих автомобилей. Бисмилла! Дауд, дай-ка руку! Ассалам алейкум! Я купил у тебя вот этот автомобиль! – и назвал сумму денег, которую отдает за машину.

– Ва алейкум салам... – произнес Дауд еле слышно и запнулся.

– Продолжай, продолжай... – сказал Идрис тоном, не терпящим возражения. При этом он не отпуская руку Дауда и продолжал трясти ее.

По чеченскому обычному правилу купли-продажи, Дауд, в случае своего согласия, должен был произнести: «Я продал тебе автомобиль». И только тогда сделка, скрепленная рукопожатием, считалась бы состоявшейся. Но объявленная сумма была Идрисом несколько завышена. Это и смущало Дауда.

– Ну! Говори же, – не ослабевал натиск Идриса.

– Я продал тебе автомобиль... – сдался Дауд и растерянно посмотрел на Вадуда, который стоял не менее удивленный всем происходящим.

Стороны обменялись традиционными в таких случаях пожеланиями друг другу. Идрис пожелал, чтобы эти деньги принесли изобилие и достаток в дом Дауда, который, в свою очередь, пожелал новому хозяину автомобиля счастливой езды на нем, без аварий и происшествий.

– Идрис, видит Бог, будь на то моя воля, я не стал бы доставлять вам все эти хлопоты и значительные расходы. Тем более, вам сейчас не до этого...

– Перестань, Дауд! Тебя ничего не должно беспокоить. Вот его отец, – Идрис показал на племянника, – давно собирался купить ему машину. А теперь, когда сам прикован к больничной койке, а машина его разбита, откладывать более с покупкой машины для его сына нельзя никак. Мы посоветовались с братом и решили купить ее у вас. Тем более, брат даже успел обкатать ее!

– Хорошо. Возьми обратно хотя бы деньги за перегон. Вы-то причем? Их мы заберем у фирмы.

– Забери! Мы – не против... Считай их тогда нашей премией, присужденной вам за проявленную вами человечность и порядочность, за вашу готовность к самопожертвованию. Все! Разговор окончен.

После обеда окрыленный Дауд, предварительно позвонив Нурди, явился к нему в офис. Пришел в сопровождении пребывающего в хорошем настроении Вадуда, который с порога воскликнул:

– Как там у Шекспира?! Все хорошо, что хорошо кончается!

– Что у вас там? – оторвался от бумаг Нурди. О том, что они так быстро пришли с деньгами, он и не думал.

– Вот... – Дауд положил на стол перед руководителем фирмы сверток в целлофановом пакете. – Не пришлось даже и недели ждать. Пересчитай, деньги любят счет.

Поручив это нехитрое дело своей работнице, Нурди спросил:

– Себе оставили машину, да?

– Что ты?! У нас еще нет денег на такую машину. Мы продали ее... Точнее, у нас купили ее.

И Дауд рассказал Нурди о вчерашнем и сегодняшнем визите Идриса. Вадуд участия в разговоре не принимал, молча наблюдая за реакцией Нурди. Его выражение лица менялось, как калейдоскоп. Он то краснел, то у него на широком лбу образовывалась складка, то он шепотом произносил: «Ты смотри!» Чувствовалось, что ему неловко, что в сложившейся форс-мажорной ситуации они с Арби заняли недостойную позицию. Нурди не поднимал глаз, уставившись в одну точку на столе. Рассказ Дауда он подытожил словами:

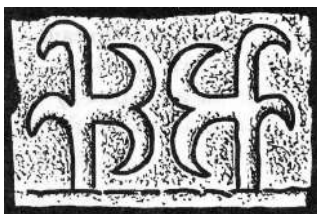
– Да... Мир не без добрых людей. И да будет ими доволен Аллах!

– Амин, амин! – поддержали его братья.

Еще какое-то время присутствующие в кабинете поговорили о том, о сем. Работница выплатила братьям деньги, полагающиеся за перегон автомобилей. Когда ребята засобирались уходить, Нурди спросил у них:

– Ну что? На днях надо еще несколько машин перегнать с Тольятти. Поедете?

– Надо подумать. Разве что без договора, – улыбнулись они в ответ.

Сулиман Мусаев**Народный мститель**

Очерк

История Чечни, причем даже относительно недавняя, изобилует «белыми пятнами». Виной тому, понятно, идеология, чьи апологеты делали все возможное, чтобы предать забвению имена неугодных ей героев, а если это невозможно, то всячески очернить их. Даже в биографиях официально признанных системой героев нередко были страницы, которые всячески умалчивались. Зачастую доходило до курьезов. Так, в школьных учебниках чеченской литературы советской эпохи в биографии основоположника чеченской литературы Саида Бадиева год смерти писателя указывался 1943. И только в период перестройки стало ясно, что он был расстрелян в 1937 году. Как известно, большинство чеченских писателей, творивших в 20-30-ые годы прошлого века, попало под жернова сталинских репрессий. А на само упоминание про эти репрессии властями было наложено табу. В учебниках истории этой теме в лучшем случае уделялось пара предложений: были, мол, у Сталина некоторые ошибки, перегибы, но в основном... ну и так далее. И год смерти (вернее, убийства) некоторых писателей переносился для того, чтобы не бросалось в глаза, что он у многих из них одинаковый – 1937 или 1938.

Точно также власть старалась умалить вклад чеченцев, как депортированного народа, в дело победы над фашизмом в Великой Отечественной войне. Даже в школьном учебнике истории в главе, в которой приводилась информация, сколько у того или иного народа было Героев Советского Союза, чеченцев обходили вниманием. Но, к счастью, в последние годы ситуация изменилась. В Грозном, наконец, появились памятники М. Висаитову, Х. Нурадилову, именами героев ВОВ называются улицы, скверы... Это достойные представители нашего народа, которыми мы по праву гордимся.

Но сталинский режим готовил для чеченцев особую благодарность за его героическую борьбу против фашизма. Много трудов историков посвящено теме произвола органов НКВД против местного населения. Это, соответственно, вызывало сопротивление у горцев, даже лояльных Советской власти. Горные аулы не раз подвергались бомбардировкам советской авиацией и артиллерийским обстрелам. Сотни и тысячи людей подвергались репрессиям без всякого повода. Большинство арестованных пропадало без вести. Иногда власти почти открыто вынуждали жителей уходить в абреки. Атмосферу того времени очень хорошо показал в своем рассказе «Не спасся» Народный писатель республики Муса Бексултанов. Не вытерпев несправедливости, в горы порой уходили даже партийные и советские работники. Самые известные из них Хасан Исраилов и Майрбек Шерипов, брат героя гражданской войны Асланбека Шерипова. Они даже пытались создать организованное повстанческое движение в горах республики. Этой теме также посвящены многочисленные публикации.

Одним из самых известных в свое время, но ныне позабытых вождей сопротивления репрессивному аппарату, являлся Иби Алхастов из горного общества Хилдехарой.

Я слышал про Иби Алхастова еще в детстве, от своего отца Мовли. Он 1942 года рождения, в 1944 году, как и весь народ, был выслан в Казахстан как «враг народа» вместе с матерью Басират и младшим братом Нурди и, конечно же, не был знаком с Иби, но был про него много наслышан. Хваля кого-нибудь за меткую стрельбу на охоте, отец говорил: «У него острый глаз, как у Иби!» И еще рассказывал, что Иби, устраивая засаду на карательный отряд НКВД, предупреждал своих товарищей: «Смотрите, не попортите им шубы, стреляйте в голову!» У абреков, отрезанных от всего мира и превращенных в изгоев, был недостаток в теплой одежде, а сотрудники НКВД, как известно, зимой были одеты в добротные полушубки.

Иби стал абреком не по своей воле. Как-то из колхоза приграничного грузинского села увели быков. Кто-то донес властям, что это дело рук Иби. Несколько раз ему присылали повестку с требованием явиться в райотдел, но Иби, будучи свидетелем, что оттуда никто не возвращается, проигнорировал эти требования. Наконец к Иби явились милиционеры вместе с председателем сельсовета и потребовали следовать вместе с ними в район. Иби всячески доказывал свою невиновность, просил встречу со свидетелем, но представители властей были непреклонны. Они стали угрожать, что если Иби не пойдет вместе с ними, они тут же прикончат его. Мать, испугавшись, посоветовала ему: «Иди, сынок, послушайся их. Докажешь свою невиновность, и тебя отпустят». Иби для вида, чтобы его не пристрелили на глазах у матери, согласился и отправился вместе с милиционерами. Пройдя километра три, он неожиданно бросился со скалистой тропинки вниз и, скатившись по песчаной осыпи, спрятался за каменистый выступ. Милиционеры открыли стрельбу, а Иби, переждав некоторое время, скрылся.

Позже он узнал, что тех злосчастных быков увел двоюродный брат председателя сельсовета, с которым был в ссоре из-за девушки. Оговорив Иби, тот хотел убрать его со своего пути. Через некоторое время Иби ночью пробрался к нему, вызвал, изменив голос, и застрелил.

В интернете информация об Иби Алхастове очень скудная, ограничивается, в основном, сводками о деятельности группы И. Алхастова:

«В 1941 году:

1. Вооруженное выступление в Хельди-Харойском (так в тексте – С. М.) сельсовете, сопровождавшееся нападением на опергруппу НКВД, убийством начальника РО НКВД Уртаева, разгромом сельпо, роспуском колхозов и ограблением принадлежавшего ему имущества.

Выступлением непосредственно руководил Алхастов Иби.

2. Нападение на опергруппу НКВД у хутора Тюли под руководством Алхастова, сопровождавшееся убийством нескольких милиционеров.

В 1942 году:

1. Нападение на оперативный отряд в Хельдихарое под руководством Алхастова Иби, сопровождавшееся убийством 22 милиционеров.

2. Нападение банды Алхастова Иби на оперативную группу у хутора Докахчу, сопровождавшееся убийством 14 красноармейцев».

Ну, и так далее, список довольно длинный. И озаглавлен сей текст весьма недвусмысленно: «Чечня бандитская», автор некий Александр Север.

Хасо Хангошвили и Давид Панкели в своей книге «Абреки» (Тбилиси, 2012)

приводят следующие данные о нашем герое:

«Иби Алхастов родился в 1905 году. С 1936 года проживал нелегально в Хилдихаро. С 1938 года был в отряде Бай Идриса (Идриса Магомадова – С. М.), после гибели которого возглавил этот отряд, которым руководил до самой смерти.

Георгий Санадирадзе приводит довольно интересную генеалогию Иби Алхастова. Хотя книга Г. Санадирадзе «Охота на волков» написана в духе советской конъюнктуры (в противном случае она и не вышла бы в свет в советский период), в ней собрано много документального материала. Приведем цитату из этой книги относительно предков Иби: «Генеалогия: дед, господин Тунжахан – известный абрек. Участник мятежа Алибека-Хаджи и Ума-Хаджи против царской России. Был арестован. Сбежал. В этом ему помог бывший наиб Шамиля Хацаг Цацаров, враг самодержавной России, ставший другом Тунжахана. Управлению полиции Терской области все-таки удалось арестовать и выслать Тунжахана. Восемнадцать лет он провел в царской тюрьме.

Отец, Алхаст Тунжахон, двадцать лет скрывался от царского самодержавия. Он не давал покоя царским сановникам, нападал и жестоко расправлялся с мучителями народа. Вместе с абреком Зелимханом участвовал в нападении на казенный банк в Кизляре... Скрывался в Телави и Тушетии. Во время одной из облав погиб в неравном бою, успев уничтожить десятки жандармов и полицейских. День его гибели совпал с днем гибели северо-осетинского абрека Зелимхана, одного из самых любимых сыновей Кавказа...»

Здесь обязательно следует сказать о коварном фарсе советской идеологии: объявление абрека Зелимхана представителем осетинского народа. Настолько сильна ненависть российских властей всех времен к вайнахам, что они всячески старались скрыть героизм, который в крови у этого народа. Зелимхан был родом из селения Харачой... Зелимхана Харачойского связывает с Северной Осетией лишь то, что после убийства полицейские отвезли его труп в г. Владикавказ и бросили на площадь перед тюрьмой на виду всего народа...

Согласно архивным материалам 1940-1948 гг., Иби Алхастов совершил до 60 вооруженных нападений на органы власти... Материалы про них в большом количестве хранятся в архивах Тбилиси и Москвы...

У новорожденного Иби кисть правой руки была сжата в кулак. Женщины изумились, и, после того, как помыли младенца, они позвали к нему находившихся во дворе отца ребенка Алхаста, дядю Иода и двоюродного брата Иби и показали кулачок. Все были удивлены. Алхаст и Иод с трудом раскрыли кулак ребенка и увидели комочек сгустившейся крови. Иод покачал головой и сказал: «Когда этот ребенок вырастет, он встанет на кровавый путь».

Ребенок рос очень непоседливым. Когда ему исполнилось одиннадцать лет, он украл у отца трех коров, угнал их в горы, продал и купил ружье. Очень он любил это ружье, без него не ложился спать. Игре и развлечениям со сверстниками он предпочитал стрельбу по мишеням. Нарисовав на плоском камне череп или яйцо, стрелял в них с разного расстояния. Стрелял сидя, лежа, стоя, боком, в прыжке, отвернувшись и т. д. Иби был ниже среднего роста, коренастый, крепкий и с молниеносной реакцией. Часто в одиночку ходил охотиться на туров. В лежащего тура никогда не стрелял. Бывало, свистнет, спугнет стадо и только после этого стреляет в них на бегу. Он никогда не промахивался, был отменным стрелком. Он никогда не целился в самку, гнался за ней, но не мог догнать, так как самка намного легче самца, поэтому она

бегает быстрее и делает более длинные прыжки. Иби говорил: «Если бы мне удалось поймать самку тура, то равного мне не было бы на этом свете». На это друзья отвечали ему: «А разве сейчас есть равные тебе? Кто может поймать бегущего тура, как это делаешь ты? Подобно молнии, ты мчишься по скалам и исчезаешь». А он на это: «Я не довольствуюсь тем, что в моих силах. Именно то меня погубит, что недоступно».

С детства у него была такая привычка: он садился в одиночку, ставил ружье прикладом к земле, обхватывал край дула обеими руками и, склонившись, сидел, предаваясь мечтам.

Во время массового выселения, когда с гор спускали народ, красноармейцы заперли в итум-калинской мечети 60 человек и сожгли всех. Когда Иби узнал о случившемся, он поклялся отомстить. В те дни он укрыл в засаде на узкой тропе скалистой горы Нашхи четырех надежных товарищей. Сам ушел вперед на сто метров и тоже спрятался. Когда отряд из восьмидесяти солдат прошел мимо скрывавшихся абреков, они открыли с тыла огонь, со своего укрытия Иби тоже начал стрелять. Сраженные солдаты падали с тропинки прямо в ущелье. Иби оставил в живых одного солдата и сказал ему: «Спустишься на равнину и доложишь своим начальникам о случившемся. Скажешь и то, что я не закончил мстить. У нас впереди еще много встреч...»

После случившегося на Иби была объявлена настоящая охота. В то время он скрывался на горе Тебуло, граничащей с Квахиди. Один военный отряд узнал о его местонахождении. От зоркого глаза Иби приближающийся отряд не скрылся. По тропинке крутой с обеих сторон скалы он спустился в узкое ущелье Месех-Чу. На неглубоком снегу специально для солдат оставил следы. Как и прежде, Иби посадил товарищей в засаду, а сам продвинулся вперед, оставив позади маленькую котловину, и в узком местечке соорудил небольшое ограждение из камней, сделал в нем необходимую бойницу. Товарищей же предупредил, чтобы они, когда солдаты минуют их, начали стрелять в воздух, никого не убивая...

Когда бойцы прошли мимо засады, сзади раздались выстрелы. По ущелью прокатился оглушительный гул. Встрепенувшиеся солдаты бросились вперед, чтобы спрятаться где-нибудь, но безуспешно. Иби из своего укрытия начал нанизывать их, как бусинки. Стрелял он очень быстро. Смешавшиеся солдаты пытались укрыться друг за другом, так как поблизости не было даже камня, за которым можно было спрятаться в этой маленькой котловине. Пули солдат, пущенные наугад, попадали лишь в скалы... Через некоторое время никто из солдат уже не стоял на ногах, и выстрелы прекратились. Первым вышел из своего укрытия Иби, за ним последовали и остальные.

Когда абреки осмотрели трупы, у каждого была прострелена голова. Всего насчитали семьдесят три убитых солдат. «Как 73? Куда девался один солдат? Я не ошибаюсь, я выстрелил ровно семьдесят четыре раза!..» – горячился Иби. Потом, при тщательном осмотре, оказалось, что у одного солдата было две пули в голове...

Возможно, именно этот бой имел ввиду народный сказитель Хвтисо Аладаури, который в своих песнях возвеличивал Иби Алхастова:

Указали мне место, где кистинцы убивали солдат,
Скала была пестра от выстрелов.
Здесь убивал Иби майоров, побросав убитых в воду,
На берег вынес Аргун триста русскихtrupов.

Ты, покойный Иби, один совершил столько дел,
За правое дело сражался!
Но и вас не пощадил враг,
Много раз поднимал он тост за ваш упокой...

Рассказывая о том, как он стал абреком, Иби говорил: «Хотя бы рога тех быков увидеть, из-за которых я оказался на этом пути!..»

После депортации чеченцев и ингушей в 1944 году Иби Алхастов активизировал свою борьбу против Советов. К отрядам абреков, действовавшим в горах, прибило много людей, которые по тем или иным причинам оказались в ночь на 23 февраля не дома и отстали от своих родных, в том числе женщины и дети. Власти вызвали из Казахстана уважаемых в народе алимов, чтобы донести до абреков, что народ не уничтожен, как многие думали, а находится в ссылке, и уговорить их сдаться. Осенью 1944 года алимам удалось уговорить часть скрывавшихся людей явиться к властям. В их числе был и мой дед, Мовсар, сын Межи. Их отправили в Алма-Ату, где некоторых из них, в их числе и моего деда, арестовали, отправили в лагерь, и дальше след моего деда теряется.

Власти открыли против оставшихся в горах настоящую охоту. Проводились спецоперации, взрывались башни, где они могли укрыться, на разных тропах подбрасывались отравленные продукты питания. Была задействована даже авиация. Про эту горькую страницу в жизни народа рассказал Народный писатель ЧР Муса Ахмадов в пьесе «Волки». Абрекам становилось все труднее оказывать сопротивление карателям, их силы иссякали, они несли потери. Еще до выселения чеченцев, в ноябре 1942 года, погиб один из лидеров сопротивления Майрбек Шерипов, в декабре 1944 года был убит Хасан Исраилов. Иби с товарищами приходилось уходить все дальше в горы, ночевали они по большей части в пещерах. Около села Биркиани, в местечке под названием Зибакхе, милиционеры устроили засаду и убили шурина Иби, Джабраила. Жена Иби отправилась в ссылку со всеми чеченцами – по пути, в поезде, умер их единственный трехлетний сын. В 1949 году группу Иби Алхастова обнаружили в наждаре (наждар – небольшой охотничий домик) и незаметно окружили. Первым из домика выскочил Иби, намереваясь, проскользнув сквозь оцепление, подняться вверх по склону, но упал, сраженный выстрелом в спину – его застрелил энкавэдешник, засевший у скалы над наждаром. Один за другим выбегали абреки, стреляя на ходу, но в этом последнем сражении погибли все, кто находился в пещере – Иби, Куштан, Адам и Ибрагим (племянник Иби). Энкавэдешники отрубили им всем головы и отвезли их в Тбилиси, в республиканский отдел внутренних дел. Так погиб Иби Алхастов, память о котором осталась жить в народе.

Ингушский краевед С. А. Хамчиев в своей книге «Возвращение к истокам. История Ингушетии в лицах и фактах» (Саратов, 2000) пишет: «В январе 1949 года одна из групп во главе с Иби Алхастовым в Верхней Хевсуретии, проведя смелый рейд, уничтожает так называемых «активистов» и гэбистов. Для захвата отряда Алхастова из 5 человек была создана специальная группа во главе с начальником одного из райотделов Тбилиси Хоргуани, горцем из Сванетии. Отряд Алхастова был во время ночевки в шалаше окружен и в жарком бою погиб».

– В позапрошлом году я был в хевсурском селе Гамарджвеба, что в Самгорском районе, на похоронах, – рассказывает житель с. Джоколо Ахметского района Грузии Султан Борчашвили (1977 года рождения). – Узнав, что я чеченец, меня поздравил к себе старик-хевсур. Разговорились. Это был Хвтисо Звиадаури (1938 – 2020) из села Ардоти Душетского района. «Я помню день, когда убили Иби Алхастова, – сказал старик. – Я был тогда подростком. Мешок, в котором находились головы Иби и его товарищей, привезли в наше село Ардоти, и он некоторое время лежал перед местным отделением милиции, обогрив землю вокруг себя кровью убитых». Поговорить подольше не получилось – все-таки это были похороны, люди приходили сюда разделить горе с хозяевами. Я уехал оттуда с намерением съездить как-нибудь в Ардоти, к Хвтисо, но не довелось – он скоро скончался. В этом году, если позволит эпидемиологическая ситуация, я хочу поставить чурт – мемориальный камень – на месте гибели Иби и его товарищей, пригласив на это мероприятие журналистов и представителей общественных организации.

Самая активная часть борьбы Алхастова против власти Советов пришлась на годы, когда чеченцы находились в Казахстане и Средней Азии. Он и его товарищи мстили за поруганную честь народа. Чеченцы о его подвигах и гибели узнали много позже, уже после возвращения из ссылки, да и то далеко не все – его имя, как злейшего «врага народа», было под запретом.

Чеченцы Грузии – кистинцы, – как известно, не были высланы. За это надо благодарить и грузинский народ, и республиканские власти. Чеченцы и грузины испокон веков живут рядом. И за многовековую историю соседства в их взаимоотношениях было всякое, и хорошее, и плохое. И праздники вместе отмечали, и дружили между собой, но и в набеге друг на друга ходили. Однако в любых обстоятельствах они уважали друг друга как отважных воинов и надежных товарищей. И, вне всякого сомнения, если бы со стороны грузинских властей был бы хоть слабый намек центру, что кистинцы неблагонадежные соседи, Москва не замедлила бы выселить и этот чеченский этнос. Поэтому неудивительно, что кистинцы лучше сохранили в памяти деяния Иби Алхастова. О нем слагали песни, бережно хранили рассказы о его подвигах.

Летом 2019 года житель с. Алхазурово Мохмад-Эмин Катаев (1970 г.р.) ездил в Грузию, и вот какую песню он записал от жителя с. Джоколо Ахметского района Ичи Мутошвили (1966 г.р.), а он, в свою очередь, записал ее со слов Ано (Анны) Имедишвили (1940 – 2013):

Дерриг дуьне шие ду аьлла,
Мокха салтий шие бу аьлла,
Веьна кхиечи хИриийн Зета
Хилдихьаройн хIу дIадига.

Дерриг дуьне хьа диелиехьа,
Мокха салтий хьа биелиехьа,
Башламанаш шай ду аьлла,
Ламанц ваьлар Иби, Идрис.

Дерриг дуьне ца оьшу хьон,
 Мокха салтий ца оьшу хьон,
 Хъавола хьо, хИирийн Зета,
 Вайшим оьцур дара гIазот.

Деъна кхечир сиглар малик:
 «Дуьйла боху Дала дуьхьал»,
 КIеззиг собур дие ахь даляхь,
 БогIур бу хьун яхь йол кIентий.

ХИинц латта хьай, Хилдехьаруо,
 Латта хьайна, Хилдихьаруо,
 Тумтакхаш бигн гIала санна,
 Йасьел лаьтта Хилдихьаруо.

ХИинц латта хьай, рузбан маьждиг,
 Латта хьайна, рузбан маьждиг,
 Кхокхуй ганза гIала санна,
 Дасдел лаьтта рузбан маьждиг.

В тексте упоминается некий «хИирийн Зета» (осетинский Зета): по-видимому, один из карательных отрядов возглавлял осетин по имени Зета.

Два последних куплета этой песни были опубликованы в книге «Нохчийн фольклор» (Грозный, 1990), составителем которой является известный фольклорист, ныне профессор, доктор филологических наук Шарани Джамбенов. Правда, несколько в ином варианте, хочу привести его здесь:

ХIундз леттей хьо, Хилдихьаруо,
 Латта хьайна, Хилдихьаруо
 Кхокхуй кьехкен гIала санна
 Йасйелер хьо, Хилдехьаруо.

Хьундз леттей хьо, рузбан междиг,
 Латта хьайна, рузбан междиг,
 Тутмахк виган гIала санна,
 Къарделлей хьо, рузбан междиг.

В комментарии к этому тексту Шарани Джамбеков указывает: «Записал Ростом Пареулидзе 15 апреля 1987 года в с. Олала (видимо, опечатка. Правильно: Омало – С.М.) Ахметского района Грузии от Хадижат Пхакалашвили (1928 г.р.)»

Иби Алхастову посвящали свое творчество не только чеченцы-кистинцы, но и грузины. Вот какие строки написал поэт Ираклий Каличава с посвящением: «Иби Алхастову и чеченским абрекам, не смирившимся с советской властью»:

Не смирился с несправедливостью,
 Ходил ты озлобленный,
 Не давала тебе покоя кровь брата.

Поднялся ты на снежную вершину Андаки
 Вместе с изголодавшими товарищами.
 Чего ты ждал? Измены, сын гор.
 Разве мог ты предположить измену.
 Ты не пожелал сдаться,
 Горькая усмешка пробежала по твоему лицу.
 И крикнул ты пришельцам грозно:
 «Кистинец никогда не бросает оружия».
 Вышедшего наружу, пуля встретила тебя.
 И ты приветствовал ее, нахмурившись.
 И все равно верят в стороне кистинской,
 Что ты разделил судьбу Хаджи Мурата.

Данный текст приводится по цитированной выше книге Х. Хангошвили и Д. Панкели.

А вот отрывок из другого стихотворения грузинского народного сказителя Хвтисо Аладаури. Текст взят из статьи профессора, доктора исторических наук Георгия Анчабадзе «Исторические предпосылки формирования северокавказского фактора для современной Грузии (до 2008 года)», опубликованной в сборнике «Фактор Северного Кавказа в контексте грузино-абхазского конфликта» (Тбилиси, 2012):

Видел я схватку русских с кистинами,
 Громким эхом отзывались скалы,
 Из Майсты доносился пулеметный треск,
 Не обесславил Иби колыбель, что качала ему мать...

Хочется привести отрывок из стихотворения еще одного грузинского поэта, посвященного Иби Алхастову и его товарищам. Подстрочный перевод его на чеченский язык осуществлен жителем с. Джоколо Ичи Мутошвили, про которого мы писали выше. К сожалению, имя автора он не знал:

Хъаййцар хьо ас, пондар,
 Керла мерза тIе а хIоттин,
 Йийца воллу со хьун байт
 Вай заманах тера йолу.
 Хъалаьхкир Алхастан Ибин бIю,
 Лаьмнийн чIожашкахула хьалбогIу уьш
 МостагIчуо ницкъ бина.
 Буорбол-луомах тIехйолуш яр
 ЦIоькIальоьмийн лар.
 Шедала схьатуьйхир радиоц:
 «Лаьмнашк хьовса!» – аьлла.
 Из хиир майорашна,
 ТIеман герз вовшахтуьйхир.
 Сих хиир, динан жIаьлеш хиларшна,
 Сих тIехIоьттир церан лоран.
 Вовшах кхийтир пхийн кIентий,

ДогІан тІодмиш ца кхочуш –
 Ощул дукх бар уьш.
 Цхьана херичу гуобина,
 Цхьаболчарн тоьпиш тІетуьйхир,
 Цхьаболчарн тІулгиш туьйхир тІе.
 ХолчахІуьттир нохчийн кІентий,
 Куоьртех тІулгиш, даьндаргаш етталуш.
 Ибин майралла тоьир аравала,
 Дуьхьал ницкъ баьккхир цуо.
 Харгванин топ йаьлир,
 Даьндаргуо букьдаьІахк кагйир,
 Букьах кхет даьндарг некхах араелир,
 ЦІийн кІеж дІатуьйхир.
 Луо тІехула хьалакарчир
 ЦІейоккхуш вол Ибин дегІ.
 «Хьун хирир, динан жІаьла хиларг, –
 Элир бах, – даьндарган мухал ницкъ бу?
 Адамаш дайьар, эскарш хІаллакдар
 Муха ду хиин хьуна?
 Айхьа хи чу декьий керчин
 МІайста дагайоГий хьуна?
 Хьай жа Дакуохахь лаьттиш долуш
 Айхь байьин гІазкхий дагабоГий хьуна?»
 ХІинца Куштан ву араволуш.
 «КІахиетер хьаведда, кхуз хІунд веан хьо, Куштан?
 Кьихетам бийр бац хьох пхийш,
 Дукхчер чІир ю хьох йоллуш.
 ДагдуоГий хьун, ахь ДжІарехь Орга
 Тха цІийх цІийдин дайитин?»

В своей книге «Жизнь во мгле и борьбе» упоминает И. Алхастова и известный лингвист, кавказовед Юнус Дешериев (1938 – 2005): «Наконец, мы стали спускаться в долину Алазнистави. Перед нами лежала знаменитая долина с неописуемой красотой природы. На снежных и зеленых вершинах гор играли лучи заходящего солнца. В долине и на ее склонах паслись отары овец. Слева от нас возвышалась большая гора.

– Это гора Борболо, откуда берет начало наша река Алазань, – объяснил мне подошедший чабан.

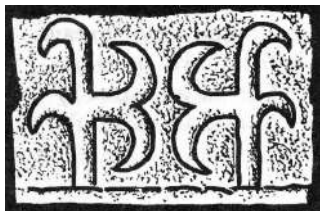
Кажется, гора почти рядом с нами. Но идти туда довольно далеко. Говорят, в районе Борболо часто появляется чеченский абрек Иби. Он пожилой человек, но никак не могут его поймать.

– Кроме него, есть ли там еще люди, скрывающиеся от властей? – любопытствовал я.

– Одни говорят, что с ним целая группа чеченцев, другие утверждают, что Иби один, как волк, бродит в лесу, в горах. Никому не доверяет. Точно никто не знает. Однажды наши товарищи чабаны поздно ночью сидели и беседовали у костра в Алазнистави. Вдруг подошел пожилой бородатый человек небольшого роста. В руках держал ружье. Он поздоровался. Когда приходит

пожилой человек, молодым принято вставать в знак уважения. Чабаны попытались встать. «Прошу не вставать. Обстоятельства заставляют меня быть осторожным», – сказал им пожилой человек. Он присел, – продолжал чабан, – и спрашивал, что нового в Кахетии, Тбилиси. Чабаны хотели угостить его поздним ужином, но он не захотел. Чабаны предложили ему взять с собой мясо, хлеб, сыр, вино. Он поблагодарил их и взял сверток с мясом, хлебом, сыром, но вино не стал брать, сказав, что он не пьющий. Уходя, он попросил их не вставать, извиняясь за то, что приходится быть очень осторожным. Больше никто его не видел».

Иби Алхастов, Идрис Магомадов (Бай Идрис), Хасан Исраилов, Майрбек Шерипов, Хасуха Магомадов, Ахметхан Байсаров, Лайсат Байсарова – это народные мстители, которые встали на путь борьбы против машины террора, созданной палачом Сталиным и сворой нелюдей из его окружения. Путь этот был очень труден, тернист и трагичен. Но каратели не смогли сломить дух свободолюбия народных героев. Память о них навсегда останется в сердцах потомков.

*Критика и литературоведение***Гилани Индарбаев****Личность поэта и лик его поэзии***Он мучился и созидал добро.**И воевал со злом. Он был поэтом...*

И. Озерова

Есть натуры изначально драматического склада, всю жизнь они мучительно ищут себя, на каждом повороте судьбы словно бы отвергают себя вчерашнего, постоянно они томимы внутренними противоречиями, муками нравственного выбора.

К таким беспокойным натурам принадлежал и Вахид Итаев, которому в мае 2021 года исполнилось бы 81 год. Поэта не стало в 2016 году.

Итаев Вахид родился 25 мая 1940 года в селении Алхазурово Урус-Мартановского района. На долю будущего поэта выпал суровый и сложный жизненный путь. Еще не появившись на свет, Вахид уже стал полусиротой: отец его погиб в Финскую войну за несколько месяцев до его рождения, а его молодая мать, невольно подчинившись воле своих родителей и родственников, вынуждена была расстаться с сыном и создать новую семью. Мальчик воспитывался бабушкой по отцу.

Детские и юношеские годы Итаева прошли в Казахстане, куда в 1944 году был депортирован чеченский народ. С малых лет мальчику по воле судьбы пришлось наблюдать разные стороны жизни, в полной мере познать цену человеческой доброты и злобы. Трудное детство способствовало раннему физическому и духовному возмужанию Вахида, научило его по-особому думать, размышлять. На все, что происходило вокруг, он имел свой взгляд и свое понимание – отсюда, видимо, и идет философия его поэзии.

Трудиться Итаев начал очень рано, с десяти лет, и по этой причине среднее образование получил поздно, будучи уже взрослым человеком. Сиротское детство, раннее прикосновение к суровой послевоенной действительности, горячее пристрастие к книгам – таковы истоки, из которых впоследствии разовьется необыкновенно своеобразный талант Вахида Итаева.

Как поэт В. Итаев стал известен чеченскому читателю в конце 1980-х годов, когда вышел его первый стихотворный сборник «Тишина» (1989). Появление этого сборника было полной неожиданностью для любителей поэзии: до этого стихи Итаева не появлялись ни в периодике республики, ни в коллективных сборниках начинающих литераторов. Итаев пришел к чеченскому читателю сразу с готовым сборником стихов, который, надо полагать, сложился у него в годы учебы в Литературном институте имени М. Горького.

Дебют Итаева не остался незамеченным читательской общественностью республики и местной критикой. Сборник вызвал многочисленные отклики. Поэт и литературовед Ю. Верольский, отмечая поэтические особенности таланта начинающего поэта, писал: «Книгу стихов В. Итаева составили верлибры. На какую бы тему ни были стихи – они философичны, за кажущейся их простотой чувствуется вынощенность, выстраданность. Поэт видит жизнь в

сложных взаимосвязях большого и малого, целого и единичного. Каждый миг жизни самоценен, неразрывен с вечностью, как вечность с каждым мигом...»

«Поэзия В. Итаева – самое высокое искусство и вместе с тем великая тайна и обещание тайны», – так оценивал творчество Итаева известный чеченский поэт Апти Бисултанов.

«Сборник «Тишина» – чудо зазвучавшего молчания, музыка внутреннего состояния поэта», – утверждал читатель газеты «Грозненский рабочий», пожелавший остаться неизвестным.

Небывалое единодушие в восприятии и оценке поэзии молодого поэта читателями и критикой говорило о том, что в чеченскую литературу пришел самобытный и интересный поэт. Стихи поэта отмечены печатью глубоких раздумий о жизни, о человеке, о времени и о себе. Поэт видел окружающий мир в сложности, многозначности и суровости. Такое дано не каждому. В стихах В. Итаева трудно заметить признаки определенного времени – их просто нет. Они на все времена.

Итаев сумел сразу же стать самим собой, неповторимым, своеобразным и в стиле, и в языке. Он всегда помнил о том, что слово в стихах должно быть точным, должно быть равным тому, что оно означает.

Главная особенность итаевской поэзии в том, что жизнь человека поэт рассматривает в контексте Вселенной, Космоса, Времени, и эти огромные, бесконечные и глобальные величины становятся у него объяснением сущности человека и человеческой жизни. Вечнодлющаяся Вселенная – главный образ поэзии В.Итаева:

Человек –
Вселенная, сжатая в точку,
И сумма всех законов бытия.
(Человек-Вселенная)

Поэтическое мастерство В. Итаева крепло и зрело от сборника к сборнику. Во втором сборнике («Звуки тишины») во многом повторяются те же темы, образы и мотивы, что и в «Тихине», но решаются они поэтом уже глубже, более философичнее. Здесь уже узнается поэт, более тяготеющий к метафоричности. На редкость наблюдательный и восприимчивый, Итаев умеет скупыми штрихами, с помощью тончайших оттенков и полуоттенков передавать разное состояние человеческого разума:

В мирозданье большом и прекрасном
Страстно бьется мысль человека –
Вот по звездам бежит и вечность пронзает,
Вот, как обруч, в кольцо
Млечный путь за концы загибает,
Снова к теплоте сердца летит,
На мгновенье замрет и опять воскресает.
(В мирозданье большом)

Для поэта «человек не мелочь во Вселенной», так как «мыслит он Творца – Создателя Вселенной».

Современный французский мыслитель Ален, рассуждая о сущности поэзии, как-то заметил: «Мы всегда стремимся сделать философию поэзией, а поэзию – философией...» Это высказывание, как нельзя более точно, имеет отношение к поэзии В. Итаева: прочтение его стихов невозможно без двуединого подхода – эстетического и философского. Все стихи поэта отмечены печатью раздумий о жизни, о человеке, о Времени:

Еще один сгорел над миром
Белый день,
Еще на шаг
Приблизилась к сердцам людей
Загадочная вечность.
Еще одна печальная мысль
В душе моей
Пучину глупостей сожгла.
(Еще один сгорел над миром...)

В приведенных здесь строках выпукло проявляется идея нерасторжимости всех звеньев бытия, непрерывности человеческой жизни: «В нас мир живет / В своих неповторимых чертах...»

В поисках ответов на «вечные вопросы» бытия В. Итаев вновь и вновь обращается к началу жизни, к утру природы, общества, Вселенной. Он мучительно-тягостно вопрошает:

Неужто правда,
Что атом тоже бездна?
Тогда абсурд весь мир.
Если в атоме одном
Летают бесконечные миры
И ропщет жизнь,
То...
О голос неба,
Дай этой мысли полное отрицанье.
(Неужто правда...)

Прибегая часто к космическим реалиям, поэт не забывает поведать читателю и о прелести простой земной жизни:

Какая тайна-
Этот тихий летний вечер.
В ладонях, трепетных и нежных,
Вечерняя заря
Уносит солнца шар-
В другую ночь.
(Какая тайна...)

Многие стихи Итаева ассоциативного характера. Они дают поэту возможность предельно сгустить эмоциональную атмосферу лирического высказывания:

Когда на тишину
Другая наползает тишина,
Потом другая,
Еще другая,
И мир становится глухонемым,
Как будто войлоком обили небо,
Ты слышишь только сердце,
Которое бьется тут, в груди земли,
И бьется там, за краем неба...
(*Когда на тишину...*)

Поэту грустно и горько осознавать, что Время быстротечно, неподвластно человеку, неостановимо:

О время, время,
Зачем ты так неумолимо?
Не ждет твоя карета никого.
Как будто я совсем недавно
На речку бегал босиком,
А нынче с грустью повторяю:
«Как не гребь к середине жизни,
А парус вечности все ближе».
(*О время, время...*)

В стихах В. Итаева читатель не находит строк, в которых слышались бы жалобы и сетования по поводу его собственной судьбы. Он имеет полное право заявить читателю, что его «печаль всегда была светла» и «отчаянье не побеждало» его сердце. Поэт глубоко верит в предопределение человеческой судьбы, старается примирить в человеке два начала: удел человека (это то, что ему предназначено свыше) и его призвание (это то, что он избирает и творит сам).

Необходимость в смирении человека перед судьбой с глубокой трагичностью проявляется во многих стихотворениях Итаева, но особо она наглядна в стихотворении «Я неловко по небу скакал...»:

Я неловко по небу скакал.
Я хрустальную вазу судьбы
Ненароком разбил о звезду,
И один ускакал белый конь,
Из седла меня выбив небрежно.
Ты не стой над разбитой судьбой,
Не зови ускакавшего коня.
Потерявший небесные дары,
Пусть не смотрит на небо с надеждой:
В хоре ангелов нету тебя,
Для другого седлают коня.
Пенный кубок другому подносят.

Щемяще-остро звучит голос поэта в стихах, повествующих о смерти матери, с которой он был безжалостно разлучен еще в самом раннем детстве:

Какая это боль –
В сырой земле оставить мать свою
И возвратиться в дом,
Где каждая вещь еще хранит
Тепло ее неумолимых рук.
О жизнь, о жизнь,
Как ты жестока,
Ты даже матери бессмертье не даешь.
(Какая это боль...)

И еще.

О, эти первые ночи,
Когда угаснет голос матери родной,
Когда ее проводишь в мир иной.
И ты один.
Один в ночи пустой,
Один во всей Вселенной.
(О, эти первые ночи...)

В умении подняться над прозой повседневной жизни – существенная особенность поэзии В. Итаева. Поэт приемлет печали и боли, испытываемые человеком: они, понимает Итаев, рождаются только поступками человека равнодушного к тому, что совершается вокруг. Тем, кто может проявить слабость в трудные минуты, Итаев, успокаивая, подсказывает:

Печаль, мой друг, высокое чувство,
Она дана нам вместе с жизнью.
Но долго, друг мой, не печалься.
Чем в бытии быть просто камнем
И вечность пролежать без боли,
Уж лучше боль – любая боль!
Зови на помощь все святое
И душу удержи над бездной,
Верни ей облик прежних дней...
(Ответ на печальное письмо друга)

Как бы трудно ни было человеку, он должен сохранить в себе «высшую черту – благородство, которое душе не позволяет «пасть назад к порокам низким». В этих строчках – кредо жизни поэта, его поэзии.

У грусти в стихах Итаева много названий. Но она неизменно мужественна: просто есть привкус горечи в прекрасном. Такая позиция поэта не может не импонировать вдумчивому читателю, который вместе с ним как бы откликается на зов чужого горя:

Мне дерзкая мысль понравилась,
И я
На коромысле плеч своих
Шар земной и свое сердце
Однажды вместе взвесил.
Пушинкой показалось сердце мне,
А шар земной
Чудовищной тяжестью.
Но к сердцу я прибавил боль людскую,
И с адской силой
Потянуло сердце в бездну,
А шар земной
Пушинкой вверх взлетел.
(Мне дерзкая мысль понравилась...)

У каждого поэта свои суверенные поэтические связи со своим детством. Детские воспоминания помогают поэту удерживать свою личность в стихах, чувствовать в себе просветленную веру в людей. Память о детских и юношеских годах штрихами рассыпаны во многих стихах поэта. Они полны светлой грусти. С высоты прожитых лет поэт признается читателю:

Как много нынче дал бы я
За яркий бисер красных маков,
Которым вышита была
Степь детства моего...
(Тот край...)

И еще.

Шел, уставший, мимо сада –
Вдруг звонкий детский смех.
Сердце вздрогнуло в восторге.
Я вспомнил детство золотое
И долго созерцал его.
Продолжил путь я легкими шагами.
(Шел, уставший...)

О личной трагедии – беспризорстве – Итаев почти ничего не пишет в своих произведениях, но это умолчание лишь ярче оттеняет ту общность происходившего в то нелегкое время.

Очень существенное значение в лирике Итаева имеет пейзаж: он не только украшает поэтическое повествование, а живет и действует. Каждая деталь, взятая поэтом для своих стихов у природы, полна большого нравственного смысла. Стихи поэта о природе – это пейзажи души, смена душевных состояний:

Звезда упала за дальние хребты.
Песня путника запуталась в тумане.
И еле слышным колокольным звоном

Полнят ночь высокие вершины...
 Вот они, те редкие мгновенья,
 Когда ты с берега недлинной жизни
 На берег вечности
 Кидаешь трап горячего вдохновенья.
(Звезда упала за дальние хребты...)

В поэзии Итаева с большой наглядностью проявляется неприятие замкнутости, стремление утвердить свою связь с огромным, многоликим миром. Слово поэта воздействует на читателя не столько логичной стороной, сколько общим напряжением, таинственной многозначностью, недосказанностью. За кажущимся случайным ходом его мысли неожиданно открывается более глубокий смысл, серьезная основа. Слияние мира, окружающего художника и мира внутреннего, становится сутью лирики В. Итаева.

Как и любой большой, серьезный художник, В. Итаев не мог в своем творчестве не призадуматься над вопросами о поэзии и назначении поэта. Во многих своих стихах («Приход поэта в этот мир», «Поэзия по сокровенной сути своей», «Когда поэту удастся», «Я вышел в ночь», «Кто в эту темную ночь») он старается найти ответы на эти традиционные вопросы.

Удел настоящего поэта Итаев воспринимает как «всемирную трагедию», потому что в его маленькое сердце «навечно, навсегда вонзается огромная боль». Поэт глубоко понимает, что:

Поэзия
 По сокровенной своей сути
 Не игра упругих слов,
 Не красота певучих строк,
 И не мечта сердец влюбленных,
 А боль...
 Загадочная боль души,
 Творящая из гибнущих мгновений
 Бессмертную вечность.
(Поэзия по сокровенной своей сути...)

Для поэта человеческая жизнь невысказима без поэзии: в противном случае «замкнется песен круг, последний звук во тьме утонет, иссякнет свет, и жизнь замрет». Поэт может считать себя счастливым только в том случае, если ему удастся «мысль зажать в тиски единственного слова и выбить пламя из нее».

Многие стихи Итаева о бренности человеческой жизни. Жизнь у него неотделима от смерти, и каждый человек, полагает поэт, должен быть готов принять ее с достоинством. В большом Времени Вселенной человек становится бессмертным, доброй памятью о себе:

Когда из мира мы уходим
 И волны мировой души
 Смыкаются над нами голосами наших душ,
 Должны мы в памяти живых остаться
 Не дикобразами безмозглыми в деяньях,

А птицами,
Чьи песни оборвались вдруг
По зову вечности бездонной.
(Когда из мира мы уходим...)

Любовь в лирике Итаева – это грусть ушедшей молодости; те мгновенья жизни, которые оставили прекрасные воспоминания в памяти поэта.

В стихах «Когда она ушла», «Поздняя осень царствовала в мире», «Чуть бледен был восток», «Тридцать лет прошло», «Я красные гвоздики ей принес» поэт набрасывает множество женских профилей, в которых старается разгадать тайну такого чувства, как любовь.

Лирический герой Итаева не мучается ревностью к любимой, не жалуется на безответность на свои чувства. Его чувства – восхищение женщиной! Женщины у Итаева символически чисты, несут на себе блоковский загадочный налет:

Мне женщина однажды пела.
И голос рос и рос...
Объял миры, ушел за звезды.
И вдруг не стало ничего:
Ни неба, ни земли, ни звезд-
Ни сердца моего.
(Мне женщина однажды пела...)

Главная черта итаевских стихов о любви – черта национальная, которой характерны сдержанность, боязнь слишком громких и сентиментальных слов, слишком резких порывов. Его любовь тиха, скромна и улыбочиво мудра.

В. Итаев широко использует возможности избранного жанра – верлибра. Стих поэта раскован. В нем преобладают просторные интонации разговорной речи, беседы, размышлений, создается впечатление, что высказывание рождается на глазах читателя. Образ, понимает поэт, должен быть зримым, поэтичным и эмоционально заряженным. Наглядная образность – главный признак стихотворений Итаева. Особо она показательна в стихотворении «Вот чудо вижу я»:

Вот чудо вижу я:
В розовый кувшин заката
Течет широкая река
И будто раненая лебедь,
Зарею истекая,
С рекою вместе солнце тонет.

Читая этого поэта, уже не удивляешься ни тому, что «солнечный вкус крови жжет язык», ни тому, что «мир становится глухонемым» и т.д. Образную структуру стихов поэта читатель воспринимает как закономерность, как реальные картины мира.

Стихи В. Итаева афористичны. Они запоминаются сразу же после первого прочтения и долго живут в душе и памяти. В стихах поэта невозможно встретить слов лишних, не несущих смысловую нагрузку:

Если б не было звездного неба,
Не стоило б жить;
Если б не было рыжего солнца,
Не стоило б жить;
Если б вечны мы были,
То тоже не стоило б жить...
(Если б не было звездного неба...)

Как известно, многозначность – одно из главных свойств поэтического слова, но каждым поэтом оно достигается по-своему. У Итаева смысл, кроме того, что он богато ассоциативен, удивительно подвижен. Поэт умеет вводить в стих неожиданные, диссонирующие образы.

Так уж повелось, что в известную пору своей жизни поэты обращаются к прозе. Особенно те, кому было что сказать и в стихах, кто к возрасту прозы подошел озабоченным не одним собой, но тревогами времени. Ярким свидетельством сказанному является роман Итаева «Майдан предков», написанный после второй войны. Нравственно-этические проблемы – содержание этого произведения.

Вахида Итаева не стало октябрьским утром 2016 года... Образ осени проходит через многие стихотворения поэта. Увядаящая природа всегда напоминала ему о смерти, «о жизни скоротечной»...

Имя В. Итаева теперь отдельно от повседневной жизни, принадлежит литературе, художественной культуре его народа и времени. Личность и творчество поэта, как известно, осмысливаются по-настоящему только после смерти... Писать о человеке, который совсем недавно был рядом, а теперь ушедшем – чрезвычайно трудно: надо либо отойти на некоторое жизненное расстояние (тогда тускнет резкость восприятия), либо иметь особый талант для схватывания самых ярких мгновений в жизни умершего.

...Каждый писатель приходит в литературу своим неповторимым путем, выделяясь «лицом не общего выражения». В облике В. Итаева, в его творческой судьбе это проявилось с необыкновенной остротой.

В жизни талантливых людей все до мелочей важно. Видимо, именно это заставило меня приступить к написанию этой статьи. Полагаю, что для сегодняшнего молодого читателя будет интересно и важно все, что имеет то или иное отношение к Итаеву: образ жизни, круг знакомых, увлечения и интересы. Даже несколько отрывочных воспоминаний, имеющих касательство к поэту, могут впоследствии оказаться интересными для читателя. Нельзя допустить, чтобы такое свидетельство о преходящем времени и о непреходящих чувствах дружбы, смелости, порядочности человека исчезло, растворилось в памяти людей, знавших поэта. В. Итаев был человеком, чей духовный облик выражался в поэзии и в жизни предельно индивидуально.

Мое знакомство с Вахидом Итаевым, как оно сегодня вспоминается, произошло в конце 1987 года. Случилось это так. Придя в очередной раз в Чечено-Ингушское книжное издательство, по поручению которого я время от времени писал внутренние рецензии на произведения чеченских писателей, на месте прежнего редактора отдела прозы я застал нового человека. Это был Вахид Итаев, который, как несколько позже я узнал, вернулся в республику после окончания Литературного института в Москве.

Ознакомившись с текстом моей рецензии, он задал мне несколько вопросов, касающиеся моего места жительства, образования и работы. С этого дня я регулярно начал получать от него рукописи произведений, которые должны были быть одобрены для печати или отвергнуты.

Несколько раз В. Итаев приезжал ко мне в Элистанжи. У меня сохранилось фото, где мы с Вахидом сняты вместе с Р. Ахматовой и А. Михайловым, главным редактором журнала «Литературная учеба».

Вскоре после нашего первого знакомства имя Итаева стало в писательской среде предметом для всевозможных суждений и толков. Профессионал высокого класса, он с первых же шагов проявил себя редактором строгим, требовательным, бесцеремонным к графоманам, которых в то время, как и

*На фото: в первом ряду (слева направо)
А. Михайлов, Р. Ахматова, В. Итаев, Г. Индарбаев*

сегодня, немало было в писательских кругах. С его приходом в издательстве был поставлен заслон серой, однодневной литературе. Требовательный в творчестве к себе, он не прощал халтурщины в других. От «упрямого» редактора, как это выяснилось несколько позже, стали «страдать» не только мнимые писатели, но и некоторые руководители издательства, привыкшие к подачкам от последних.

Как известно, «творческая» посредственность всегда очень активна и предприимчива. Она просто так не сдается... Писатели, которым новый редактор отказывал в таланте, сначала с жалобами обращались к руководству книжного издательства, в правление Союза писателей республики. Но эти обращения не смогли «утихомирить» несговорчивого редактора, и жалобы на Итаева, потворствуемые руководством издательства, пошли в высшие инстанции: в областной комитет партии, Совет министров ЧИАССР. Кульминацией в противостоянии Итаева и руководства книжного издательства стало решение издательства издать сборник литературно-критических статей местных авторов. Среди представленных в сборник статей и рецензий оказалось несколько работ, которые критически рассматривали произведения отдельных прозаиков и поэтов. Руководство издательства (не без ходатайств авторов) предложило Итаеву исключить эти статьи и рецензии из содержания намечаемого сборника.

Итаев категорически отказался сделать это. Кстати, среди работ, подлежащих изъятию из сборника, была и моя рецензия, написанная на повесть одного из известных писателей республики.

Руководство книжного издательства предлагало Итаеву пойти на компромисс, но последний был непреклонен в своем решении. Противостояние с руководством издательства закончилось для Итаева приказом об увольнении по статье «неполная пригодность занимаемой должности».

Более двух лет Вахид Итаев оставался безработным. Не помогли ему обращение в областной комитет партии и личная встреча с первым секретарем обкома партии А. Власовым.

Как это часто практиковалось в советское время, Итаев как творческий человек был «отодвинут в тень», о нем не полагалось упоминать в печати. Он стал человеком-изгоем.

Все, что случилось с Итаевым, было довольно типичным явлением для общества Чечено-Ингушской АССР 70-х годов XX в. В жизни республики имелись многочисленные прецеденты подобного явления: кандидат исторических наук Адлан Шамилев, уволенный из научно-исследовательского института ЯЛИ, работал грузчиком в малооптовой базе Грозного, бывшие научные сотрудники этого же института, Вацуев и Вагапов, стали вахтовыми рабочими Нижневартовского нефтепромысла.

Положение В. Итаева усугублялось еще и тем, что он был в республике человеком малоизвестным. Человек новый в республике, он ни от кого не имел поддержки. Трудно даже сказать, захотел бы он ее вообще и иметь... Он был очень гордым человеком!

Только однажды, сильно смущаясь, он обратился ко мне с вопросом: имею ли я возможность устроить его на преподавательскую работу в школе? Я положительно ответил на его вопрос, хотя внутренне сомневался в возможности исполнения своего обещания: партийные органы не терпели тех, кто однажды по какой-либо причине «выбывал» из номенклатурного списка. Возвращение назад для таких людей зачастую было заказано.

В 90-е годы В. Итаев активно участвует в событиях, начавшихся в республике. В своих убедительных и страстных выступлениях на Театральной площади Грозного он призывал Дудаева и его окружение одуматься в своих политических действиях, не толкать чеченский народ к опасному краю пропасти своими экстремистскими действиями и воззваниями.

В конце концов отношения Итаева с представителями власти Дудаева начали складываться настолько угрожающе опасно, что он, подчинившись увещаниям родственников, вынужден был покинуть республику. По приглашению друзей по Литературному институту В. Итаев вместе с семьей выезжает в Узбекистан и несколько лет работает там секретарем правления Союза писателей республики.

С началом второй российско-чеченской войны Итаев переезжает в Москву. О жизни своей семьи в Москве поэт рассказывал с глубокой грустью. Приходилось два-три раза в год переезжать из одной съемной квартиры в другую: нечем было платить. Домой, в республику, В. Итаев вернулся в 2013 году. Вернулся измученным, больным. Были серьезные проблемы со зрением и сердцем.

Мне с большим трудом удалось получить согласие В. Итаева на встречу со студентами педагогического университета.

Она была назначена на 12 октября 2016 года. За два дня до этого я позвонил Вахиду, чтобы согласовать с ним кое-какие вопросы, касающиеся предстоящей встречи. На мой звонок Вахид ответил, что находится в Урус-Мартановской больнице с микроинсультом. На мое пожелание навестить его в больнице он ответил отрицательно, сказав, что через два-три дня он выписывается и возвращается домой. Пока я собирался пойти к нему, чтобы обговорить новую дату нашей встречи, пришла страшная весть: Вахид скоростижно скончался...

...Жил Вахид Итаев по-своему, не оглядываясь ни на кого. Жил бескорыстно, благодарно. Он всегда помнил, что жизнь безграничнее судьбы, ибо принадлежит вечности, что все человеческие обиды и огорчения ничтожны в сравнении с чистым благом жизни. Этой мыслью, этим ощущением была сильна и поэзия Итаева. Он всегда желал уберечь человека от жизни пустой и бессмысленной:

Не дай Бог ни одной душе
Без волненья и восторга
Пред тайной этого мира
Влачить существованье на земле.
(Не дай Бог ни одной душе...)

В. Итаев всегда был способен на индивидуальное поведение, всегда поступал в соответствии со своей совестью, внутренним голосом. Он никогда не стремился «казаться». В нем всегда ощущалась энергия, которая была способна произвести эффект зажатой пружины. Поэт с глубоким неприятием относился к людям «малых дум и вер», испытывал аллергию к высоким словам и фразам.

За стихами итаевских сборников больше виден человек, чем поэт, видна большая судьба, чем литература. Как известно, большая поэзия не удовлетворяется биографией, а требует судьбы. Жизнь Итаева, начиная со дня его рождения и днем кончины, укладывается именно в такую судьбу. Вахид был высоко интеллигентным человеком, таким он всегда останется и в памяти тех, кто его знал.

*Критика и литературоведение***Роза Межиева****«Сказать, но не вслух», или
«Шепот безначального» в лирике Хавы Нэ**

За последние десятилетия в литературе нашей республики появилось немало новых имен. Некоторые из них иногда можно увидеть в престижных шорт- и лонг-листах известных издательских ассоциаций, телеканалов и библиотек Российской Федерации.

Поэтам в этом плане, конечно, не очень повезло – времена «шестидесятников», собиравших на свои чтения полные стадионы, остались в прошлом. И сегодня примером узнаваемости у, скорее слушающей, чем читающей, публики можно назвать некоторых поэтов-песенников – при условии удачной коллаборации с музыкантами, исполнителями и композиторами... Или же все эти природные таланты и профессиональные навыки, «по счастливому стечению обстоятельств», проявляются в одном человеке. Последние гарантированной славы не обещают, но одной-двумя «терниями» на пути к «звездам» наверняка станет меньше (современный стиль общения в соцсетях, к примеру, как бы подсказывает сейчас поставить за скобками ироничный смайлик, но архаические «гаджеты» вроде пера и листа бумаги, где излагаются сии соображения, фамильярности чужды, поэтому ограничусь точкой).

Так вот, вышеотмеченные «человеки-оркестры» нередки и в нашей творческой среде – поделюсь своими впечатлениями об одном из них (вернее, одной), в силу более продолжительного знакомства и частого общения.

Имя чеченской поэтессы Хавы Гагаевой наверняка известно многим нашим постоянным читателям. А еще ее хорошо знают под псевдонимом Хава Нэ поклонники музыкального творчества – и эта известность давно преодолела условные границы, в которых «варится» субкультурная «тусовка» фанатов рок- и фолк-музыки из среды чеченской молодежи чуть «до» или немногим «за» тридцать лет...

Однако еще десять лет назад все было по-другому.

На свою историческую родину Хава вернулась не с пустым багажом: одновременно с учебой в обычной средней школе в Ванаваре она закончила художественную и музыкальную. В самом Красноярске какое-то время успела поиграть в одной из местных рок-групп и даже поступить в институт, чтобы «выучиться на инженера» (да, способности к точным наукам тоже есть)... но любовь к искусству все же перевесила. Ведь свое первое стихотворение Хава написала еще будучи ученицей третьего класса – которое, кстати, очень понравилось маме, и увлечение дочери поэзией ею только приветствовалось...

В Чеченской Республике в те годы почти никто не знал о Хаве Гагаевой – и уж совершенно точно никто и ничего – о Хаве Нэ.

Таким же «дивным новым миром» предстала перед глазами девушки, родившейся и выросшей в таежном селении Ванавара, бывшего Тунгусско-Чунского, а ныне Эвенкийского района Красноярского края, и малая историческая родина.

Причем миром настолько «новым» и «дивным», что порою ее сознание требовало срочной «корреляции» представлений, почерпнутых в атмосфере

семейных преданий «старины глубокой» (или, как еще говорят у нас, «Миколай заманах»*), с современными реалиями.

«Это был полный разрыв шаблона», – вспоминает она свои первые впечатления от наблюдений за жизнью чеченской молодежи.

Городская библиотека, «Центр современного искусства» (ЦСИ), а также ДК «Оргтехника» и даже республиканская филармония, где работали ребята, игравшие рок-музыку, и где несколькими годами позже, по окончании колледжа искусств, успела поработать и сама Хава – неполный список только «официальных» мест, где собирались старшекласники, студенты или выпускники средних и высших учебных заведений, начинающие поэты, писатели и журналисты... А также «молодые люди без определенного рода занятий», тянувшиеся к общению, желавшие поучаствовать в актуальных тематических диспутах, развлекательных викторинах – или просто послушать живую музыку, выпить кофе со сладостями (можно даже принесенными с собой), «показать себя, на людей посмотреть».

Примерно в это же время (2011 – 2012 гг.) в редакцию с подборкой стихов «на предмет

возможной публикации» пришла Хава Гагаева.

Хорошо помню свое первое впечатление от знакомства с ними, выразить которое лучше всего получится словами (правда, сказанными совсем по другому поводу) французской актрисы Катрин Денев: «Их суть – поведать... Но не обязательно все и не обязательно каждому...»

По способу стихосложения лирика Хавы не обязательна в следовании классическому канону: в ее «портфолио» есть как традиционные рифмованные стихи, так и в жанре верлибра. Верлибр как поэтическая форма зародился во Франции и получил распространение в Европе еще с конца девятнадцатого века. В России, с большим запозданием, возродился в конце двадцатого века после разрушения СССР – когда исчезли жесткие требования к форме творческого выражения. Стихи, написанные верлибром, не менее мелодичны и богаты живописными образами, нежели привычные рифмованные и метрически организованные строки.

***

Я слушаю, как в тишине автобусной
лопаются нити моей к тебе привязанности.

Сердце-лифтер, состарившись на службе,
угрюмо курит папиросы вредность.

Скользкими чашками из рук
навстречу кафелю летят обязанности,

в отрезке этого полета зажатую
я наблюдаю вечность.

А иногда в них даже отсутствуют знаки препинания, что, кстати, и визуально и по восприятию, усиливает их сходство с образом текучей воды. Или же с

---

*«Миколай зама» (чеч.) – здесь ироничное, «времена царя Николая».

тирадой – как бы проговоренной на одном дыхании, но без присущей ей ярко выраженной экспрессии.

Такая же «текучесть», кстати, присуща русским народным заговорам и восточным мантрам, если кто-то имел возможность послушать, как их произносят адепты этих традиций.

«Сердце-лифтер угрюмо курит папиросы вредность», «скользкими чашками из рук навстречу кафелю летят обязанности» – эти и другие эффектные стилистические фигуры, использованные Хавой, придают стихотворению выразительность и волнуют воображение, не препятствуя восприятию его смысла.

***

Сядь в мою лодку,
усни на волнах робких...
Где твоя память
о тех берегах?
Нарисуй двери, толкни,
чтобы выйти сквозь
стены своей
обусловленной жизни...

Только не верь в лишний бред:
большей глупости нет.
Нашей старости цвет
никогда не распухнет.

Птицами ветер
прошитый не светел.
Ты знаешь, все двери
в твоей голове.
Встав на рассвете,
припомнишь слова эти –
а мне б догадаться,
о чем ты молчишь.

Только не верь в лишний бред:
большей глупости нет.
Нашей старости цвет
никогда не распухнет...

Эти стихи, приведенные целиком, уже сами по себе довольно мелодичны, но Хава написала к ним музыку – несколько лет назад на одном из вечеров в ЦСИ довелось услышать их в живом авторском исполнении. Голос Хавы трудно спутать с чьим-либо еще: отсутствие «мощи», выраженной в энном количестве октав и децибел, искупается «эльфийским» тембром – чистым, нежным, подобным перезвону серебряных колокольчиков. И, несмотря на то, что в помещении было многолюдно и даже немного шумно (вечер плавно «перетек»

из формальной «протокольной» части в неформальную и раздробленную на группки по интересам), у пианино, за которым аккомпанировала себе Хава, собрались слушатели и вела съемку итальянская гостья.

В большинстве своем ее стихи меланхоличны – они полны пронзительной грусти, но в то же время исходят светом – может быть, надежды, а может, еще чего-то... совершенно нездешнего... И этим отчасти объясняется их магнетизм для слушателя и читателя:

на моей алхимической мельнице
 река печали и разочарования
 рождает реку благодати и изобилия
 я смотрю на это захватывающее
 действие и иной раз мне кажется
 что сквозь все
 воспринимаемое зрением
 просвечивается улыбка Бога
 сколь любящая столь лукавая

(«На холме своего одиночества»)

А иногда в самом голосе лирического автора сквозит такая холодная отстраненность, что невольно возникают ассоциации с чем-то «неземным», «запредельным»... Хорошо понимаю читателя, у которого при чтении этих строк брови невольно поползли вверх. Постараюсь объяснить более понятным языком «визуального ряда» этот лексический «эквilibр»: вы сидите на скалистом берегу холодного моря, слушая мерный шум прибоя – как вдруг, из самых морских глубин, сквозь бесконечную толщу вод начинает пробиваться странный голос неведомого существа – он похож одновременно и на зов, и на песню, и на тихий плач:

я сижу на дне
 безнадежных дней
 и в растоптанный пейзаж души моей
 падает луч солнца

так лежать в уютной тьме хотелось мне
 слушая рост растений в тишине
 но что-то странное вползает вглубь меня
 и вынуждает выходить на свет...

(«В уютной тьме»)

Нечто похожее по восприятию довелось однажды почувствовать, слушая музыку японской пианистки Кейко Мацуи и другого, японского же, композитора Таро Ивасиро – к фантастически красивому фильму «Синоби»...

И, наверное, нечто подобное могли испытывать моряки из древнегреческих мифов, впервые заслышав пение сирен: словно оголенные, слуховые нервы гробцов не выдерживали его чарующей власти, и они сходили с ума. Спаслись

только те, кто по совету мифического героя Одиссея залепил уши воском. В мире людей таким спасительным «воском» зачастую становится наша неспособность заглянуть в самую бездну «темных вод» человеческой души – что же это, как не аллюзия на духовную глухоту и слепоту (исключительно из чувства инстинктивного самосохранения)?..

В европейской культуре некоторых поэтов сравнивали (и порою продолжают сравнивать) с пророками, называя их способности к стихосложению не иначе как «божественным даром». Правда, данное сравнение, в превосходном смысле этого слова, используется, в основном, по отношению к поэтам-мужчинам. В женском роде оно постепенно приобрело несколько ироничный, комический или даже негативный оттенок. Например, назвать женщину пророчицей – это то же самое, что назвать ее прорицательницей, предсказательницей, провозвестницей, прозорливицей, провидицей, духовидицей, ясновидицей, пифией, сивиллой, вещуньей, гадалкой – и, наконец, просто ведьмой. Неполноценность эпитета «пророчица» применительно к женщине-поэтессе можно также наблюдать на примере из античной литературы, где о пророчице Сивилле, личное имя которой затем было перенесено на всех остальных вещуний, так говорится: «Сивилла же **бесноватыми** устами несмеянное, неприкрашенное, неумашенное вещает, и голос ее простирается на тысячу лет...» (Гераклит, пер. А.В. Лебедева). Из этого, кстати, еще неполного списка «почетных» женских синонимов наиболее нейтральным характером обладает разве что «провозвестница» – благодаря частому использованию его мужского «аналога» поэтами, писателями и журналистами прошлого и позапрошлого веков в художественной литературе острой социальной направленности, в гражданской лирике и публицистике.

В поэзии Хавы ничего претенциозно «пророческого», конечно, нет – ну если только при очень большом желании постараться найти. Ни разу, ни в одной строфе или строчке, ей принадлежащей, вы не найдете ни явных, ни полутуманных намеков на свою творческую «исключительность», вроде «Я вся такая-растакая – со мною Муза говорит». Но «фишка» в том, что даже самые обыкновенные вещи, явления, образы, чувства и еще многое и многое другое... приобретают в ее стихах смыслы и свойства совершенно необыкновенные и характерные для человека, как модно говорить «в широких-узких кругах», расширенного сознания:

Она проснулась на заре,
 Когда в домах деревья спали.
 Ей захотелось стать спиралью
 И вползти
 В безмолвием дымящееся небо.

(«Шепот безначального»)

Если вы мало что знаете о поэте как личности (интересах, образе жизни, роде занятий, мировоззрении), то его творчеству возможно приписать какой угодно смысл – либо же вовсе отказать в нем. А в случае с Хавой это сделать особенно сложно – все богатство ее души как бы «развернуто вовнутрь». Она «стопроцентный» интроверт, и лирика ее такая же – в которой лишь «настоящие на молчании слова приобретают вес»:

И ничего не говорю,
Вот только руки опускаю
В безводную печаль твою,
Куда стекаются, я знаю,
Все то, что недоприжилось
И даже более...

(«И ничего не говорю»)

Это лирика с «секретами», «защитыми» в тексты цитатами, метафорами, аллегориями, отсылками к восточной философии (индийской, китайской, японской...) или магическому учению североамериканских шаманов от Карлоса Кастанеды...

***

Скажи, ты чувствуешь во мне
Холод бесконечности?
Если ты научишься всегда
Различать его среди
Разнородных вибраций
Человечности,
Он в свою очередь научит тебя
Отрешенно взирать на преходящую
Пляску мирского и замечать,
Пронизывающие её
В самых любопытных местах,
Гибкие нити вечности.

Попытка объяснить для себя этот «феномен» заставила обратить внимание даже на само место ее рождения. Многие ли из читающей публики знают, чем знаменито небольшое сибирское село Ванавара? По местным меркам можно сказать в окрестностях (около 60 км к северу и 20 км к западу от села), 30 июня 1908 года взорвалось гигантское космическое тело – шар-болид, ныне известный как Тунгусский метеорит. Полет этого ослепительно-яркого шара, как свидетельствовали наблюдатели, сопровождали звуки, напоминавшие раскаты грома, и виден он был на территории Восточной Сибири в радиусе до 800 километров, оставляя мощный пылевой след в течение нескольких часов. Когда над безлюдной тайгой раздался сверхмощный взрыв на высоте семи-десяти километров, то его энергия была сравнима с энергией двух тысяч одновременно взорванных ядерных бомб, подобных сброшенным на Хиросиму и Нагасаки в 1945 году. Свидетелями той катастрофы стали жители Ванавары и немногие кочевники-эвенки, что находились на охоте недалеко от эпицентра.

По сегодняшний день ученые не могут разгадать главную загадку Тунгусского метеорита – над тайгой явно произошел мощный взрыв, поваливший лес на огромной площади (более двух тысяч километров), сопровождавшийся сотрясением земли, гибелью животных и людей – однако то, что его вызвало, не оставило никаких следов.

Что-то подсказывает, что такое событие, практически планетарного масштаба, не могло остаться «безнаказанным» для Ванавары и ее жителей – ни тогда, ни сегодня. А его отголоски еще долго будут напоминать о себе, в том числе появлением на свет людей с необыкновенными задатками и способностями.

Однако «географическое» и даже «космическое» объяснение «феномена» Хавы все равно кажется недостаточным: хотелось узнать, не гадая, из первых уст, что называется: где, в каких источниках она черпает свое вдохновение, из какой «параллельной вселенной» приходят эти удивительные образы?..

В мое окно влетела рыба,
села напротив моего лица.
Она смеялась, точно знала
все то, на что я обречена.
Она махала плавниками,
изменяла все вокруг.
Она охотилась за сознанием –
но в этот миг я проснулась вдруг...

(«Рыба»)

Ответ Хавы на вышеприведенные вопросы оказался неожиданным и предсказуемым одновременно: «Все происходит в состоянии, похожем на инсайт – это нечто вроде внутренней вспышки, из которой выхватываешь иногда часть, а иногда все стихотворение целиком. Это, конечно, не означает, что оно не требует доработки – часто приходится возвращаться к нему и что-то переделывать».

Вполне логичное объяснение в терминах второй половины 20-го и начала 21-го веков – время космического прорыва, передовых технологий, квантовой физики, психологии... Поскольку еще в первую половину 20-го века знаменитую русскую поэтессу Анну Ахматову вдохновение посещало по всем классическим канонам, известным со времен античности:

Муза

Когда я ночью жду ее прихода,
Жизнь, кажется, висит на волоске.
Что почести, что юность, что свобода
Пред милой гостьей с дудочкой в руке.

И вот вошла. Откинув покрывало,
Внимательно взглянула на меня.
Ей говорю: «Ты ль Данту диктовала
Страницы Ада?» Отвечает: «Я!».

И если продолжать придерживаться лексических «инноваций» обозначенного периода, то можно сказать, что стихам Хавы присущ тот же принцип, характеризующий как художественный прием в литературе преимущественно модернистского направления, – воспроизводящий душевную жизнь, переживания,

ассоциации и вообще любые мысли до и вне их логической организации – так называемый «поток сознания». Правда, с небольшой поправкой на век 21-й – это даже не «поток», это «плазмод» (привет Тунгусскому метеориту), или «плазмоды» – те самые энергетические сгустки, вспышки, инсайты и конфигурации ограниченной... «художественной формы».

Как уже отмечалось, лирика Хавы по характеру так же интровертна, как и она сама: ее герои, с которыми мысленно ведется диалог, невидимы читателю даже на умозрительном плане, да и собственно «беседа» как будто даже не слышна самим героям, обитающим как внутри «вселенной», ограниченной формой повествования, так и их прототипам из явленного мира «живых и мертвых». Прямо какой-то «Интерстеллар», выражаясь языком кинематографа. Но поэтессу, автора этих «миров», похоже, «дисконтакт» мало огорчает.

***

В моих глазах двоится:
я наблюдаю расслоение
картины мира.
Перед глазами
висит очерченный
статичный:
его границы выведены
повтореньем поколений,
намереньем остаться в нем
и в нем же умереть.

Я наблюдаю
через рамы его контуров
текучесть бытия
другого мира,
неподдающегося описанию.
Его внезапное открытие
настолько странно и прекрасно,
что пробуждает нечто
спящее во мне.

Вернее, это для нас, сторонних, «контакта нет» – но там, внутри стиха, в картине из образов, сотканных посредством слов и естественной внутренней мелодии, статичности точно не наблюдается. Напротив, есть место и «броуновскому движению» и взаимодействию – на волновом уровне или языке электрических импульсов – как, возможно, общаются между собой растения или рыбы в воде.

В ее поэзии нет места экзальтации, императивам, пафосным посылам в будущее. Нет пейзажных картин, в привычном нам понимании – напротив, есть осознание себя частью пейзажа, природной стихии. Вся сложная гамма чувств, мыслей, настроений, в том числе самых тонких, передается посредством заимствований и отождествлений вышеупомянутым образом, как например: «Любовь превращается в птицу, что следует за тобой». Или как, например, в стихотворении

Сказать, но не вслух

Не отягощая теплом неуместным,
уйду вглубь
выращивать усики нежные,
чтобы стать посильнее,
легче двигаться к свету.
Твои сестры разумные –
мне они очень нравятся!
Только им не хватает душевности капель.
Научи их любить,
научи их терпимости
и хорошему кроме еще научи.

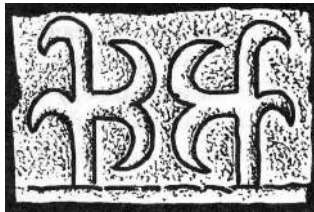
Пожалуй, именно в этом стихотворении вся Хава – никого не отягощающая «теплом неуместным», выращивающая «усики нежные, чтобы стать посильнее» – чтобы «легче двигаться к свету»...

А еще, постоянно (по собственному признанию) «культивирующая своего внутреннего дикаря» – чтобы видеть, чувствовать, слышать, осязать...и открывать красоту этого мира, «ушедшую в подполье». То есть, по сути, открывать заново мир естественной, не «обезображенной» «плюющимися в небо городами», природы.

Если вы с «поющей» поэтессой на одной волне, – а иначе «как мне с тобой говорить», если «ты не слышишь шелеста слов, запаха мыслей, ты не здесь?..» – то и найти эту потаенную дверь в мир гармонии и красоты, как будто, несложно. Достаточно сверить маршрут ... со стихами Хавы:

давай зашьем на сердце раны
пешком отправимся туда
куда дорог не проложили
но сердце лучший gps
внутри себя отыщем силы
вернуться в дом забытый лес...

(«С тобой естественно и странно»)

Мохмад-Салах Селяхов**Рожденный с особой отметиной в судьбе**

Представитель того или иного общества чеченцев, ярко проявившийся как безупречный носитель морально-этических норм кодекса чести, как правило, еще при жизни становился общеизвестным человеком, заслужившим право быть зачисленным в список особо уважаемых, доблестных личностей края (мехкан кьонах) в исторической памяти народа. Он находился постоянно в поле внимания своих соплеменников, являясь эталоном для подражания. На примере его жизни воспитывалось подрастающее поколение. Чтобы оказаться на таком пьедестале авторитета, не обязательно было совершение какого-либо подвига, но самое активное участие в общественно-политической жизни региона, не на словах, а на деле защищая интересы народа, непременно рассматривалось как главное требование. Благодарные соотечественники посвящали своим отважным сыновьям героико-эпические песни (илли), слагли легенды и сказания и этим самым увековечивали их имена.

Плеяда знаменитых людей чеченского народа состояла из конкретных исторических лиц таких, как Адин Сурхо, Астамир Шатоевский, Ахмад Автуринский, Бейбулат Таймиев, Байсангур Беноевский, Зелимхан Харачоевский и других.

Астамир Шатоевский, или, как его нарекли в горах, Яски Астамир, то есть Астамир, сын Яски, согласно родовому тентару саттойцев, является вторым сыном одиннадцатого предка их тейпа. Без существенной погрешности можно установить годы его жизни. Это примерно сорокалетний отрезок времени, начиная с 1629-34 гг.

В каких важных исторических событиях, имевших далеко не второстепенное значение для края, проявилась личность Астамира Шатоевского, что позволило ему в памяти народа оставить о себе неизгладимый след? Конечно, отвечая на этот вопрос, будет целесообразно отметить, что между аборигенами Аргунского ущелья и жителями сопредельных областей Грузии еще со средневековья поддерживались добрососедские отношения, которые выражались в непрерывно оказываемой взаимопомощи в различных перипетиях истории региона, в дружеских узах между отдельными семьями, а также, до принятия чеченцами ислама, имелось место брачным союзам. А если подойти к рассмотрению этих отношений через призму чеченского фольклора, то они преимущественно во всех его жанрах показаны с явным преобладанием позитивных моментов. А негативные случаи на фоне многовекового сотрудничества двух народов носили настолько незначительный эпизодичный характер, что никак не смогли пошатнуть крепкие устои дружественных связей. Но зато во многих памятниках устного народного творчества чеченцев нашли яркое отражение факты гостеприимства, взаимопомощи и дружбы.

Предлагаемый вниманию читателей текст сказания об Астамире Шатоевском прямое тому подтверждение.

Саьттойн Аьстмарх а, гуьржийн эла Теймуразах а лавцна дийцар

Пелвелла махкаха хьо ваьллачу деношкахь, мостагIаша вен хьийзош, лелачу хенахь, доттагIаша букь тоьхна, цхьалха хьо висча, орцана довха куьг кховдийна, тешамна мокхазан берд хилла, хьуна юххе дIахIоьттира Яскин воI Аьстмар. Веза хьаша хьох вина, гуьржийн эла Теймураз, лерина лелийра хьо цу ламанан кIанта. Шен махкахь хьешана коьртара чо ца божийта, хьан дегIан ИндагI хилла, де-буьйсийца кьестош, сема волуш даима, Iаьржачу шен динца хьуна гонахь чIуг етташ, шаьлтана мукь тIера куьг схьа а ца доккхуш, шина шарахь ларвира хьо яхь йолчу саьтточо.

Цхьана дийнахь Гуьржехара хезначу шийлачу кхаьнаша синтем а бохийна, гIайгIанаш алсам ва евлла, сингаттаме мохьано чIогIа охьатаIийна, корта лавцна Iаш вара эла Теймураз. Цу хьоলেখь шен хьаша ву аьлла хезна, цунна тIе а вахна, Аьстмара хаьттира: «Дакьаза ма вала, сан мехкан хьаша! Ма чIогIа воьхна Ia хьо, шина куьйгаца коьртана гIортор а йина! ХIун бала бу техьа сел кьиза хьан гIийла сахьийзош, хьуна тIе боьссинарг? И чу ца кьуьйлуш балхабе соьга, сох болу тешам лахбелла хьо вацахь».

Сихонца дегI нисдеш хьала а гIаьттина, доггаха куьг лоцуш мара а кхетта, бос баьхьна йолу юьхь серла а яьлла, жоп луш вист хилира эла Теймураз: «Хьо марша вогIийла, яхь йолу Аьстмар! ГIо оьшучу хенахь тешаме доттагI, кхайкхаза кхечи хьо суна тIе тахна. Охьа а хайй, ладогIахь соьга, са дадийна шен махкаха ваьллачу эле. Хьо воцург дог эца кхин стаг ма вац сан, со холча хIоттийнарг ас дуьйцу хьоьга. Гуьржийн мохк ши шо ду Iазапехь лаьтта, мостагIчун кога кIел де эшна бахна. Йийсаре лавцна сан кьам ду холчахь, цуьнан гIийлачу узарша Iийжадо дог. Аьрзуно цхьаь бен йоцу шен кIорни санна, тIема кIел хьулвина, шайн хазчу гIиллакхашца сан дог а хьоьстуш, леррина лелийна аш со ца хилলেখь, тахана эла воцуш, байлахь хир яра сан маьлхан Гуьржийчохь.

МостагI сайн махкара хIаллаквеш ваккха, тIеман ницкь тоьал вовшах ца кхетта сан. ДоттагI, дехар ду хьоьга сан доккха, оьрсийн паччахьана тIеволахьа соьца. Бан безаш болу некь бу хьуна хала, шел луьра кхин хила йиш йоцуш, Москоха шахьара кхаччалца беа, халонаш, кхерамаш шеца алссам ва йолуш».

Таккха вист хилира яхь йолу Аьстмар: «Бехачу новкьахь дерг хаа йиш яц вайна, Iожаллин кхелах ваьлла стаг а вац, ахь са ма гатде, сан веза хьаша, хьуна луьучу хенахь, со кийча ву хьуна» .

Сказание об Астамире и грузинском князе Теймуразе

В дни, когда ты усталый покинул родину, когда враги грозились убить тебя, а друзья повернулись спиной, когда тяжелое одиночество нависло над тобой и некому было протянуть руку помощи, как гранитная скала, встал рядом с тобой Астамир, сын Яски. Сделав из тебя дорогого для себя гостя, с особым трепетом этот сын гор ухаживал за тобой. Боясь, что с твоей головы упадет хотя бы один волос, став твоей тенью, не смыкая глаз ни днем, ни ночью, верхом на своем черном скакуне отплясывая вокруг тебя, не убирая руку с эфеса кинжала, в течение двух лет он оберегал твой покой.

В один из дней, когда до его слуха дошли тревожные вести с родной Грузии, опечаленный сидел князь Теймураз, обхватив голову руками. Увидев его в этом

состоянии, спросил Астамир: «Что же ты пригорюнился, мой знатный гость?! Что же ты сидишь, схватившись за голову?! Что за беда и горе съедают твою душу?! Не держи в себе, поделись со мной, если не растерял прежнего ко мне доверия!»

Вскочил в тот же миг князь Теймураз, обнял он крепко Астамира и, с просветленным лицом, молвил: «Приходи свободным, о доблестный Астамир! В трудные минуты ты всегда выручал меня! Присядь и послушай того, кто, спасаясь бегством, вынужден был покинуть родину! Кому, как не тебе, я расскажу о своих горьких раздумьях?! Говорят, что моя Отчизна два года как находится под игом врага. Мой народ в плену у супостата, и до меня сюда доносится его стон. Если бы подобно орлу, прикрывши крылом своего единственного орленка, вы не сберегли меня, моя солнечная Грузия лишилась бы своего князя! Прогнать врага с родной земли у меня недостаточно сил. Друг, я прошу тебя сопроводить меня в поездке к русскому царю. Дорога и дальняя, и трудная, и рискованная, так как надо ехать до самого Москвы-града».

И тогда заговорил доблестный Астамир: «Нам неведомо, что несет и сулит дальняя дорога, и от смерти не уйти никому, ты же не переживай, мой дорогой гость! Как только ты скажешь, я готов к любой дороге!»

В этом сказании устами самого царя Таймураза недвусмысленно говорится, что в судьбоносные для Грузии дни, когда в результате иранского вторжения решался вопрос быть или не быть ее государственности, именно чеченцы оказали своим соседям реальную помощь. Она на самом деле, если исходить из конкретных фактов исторической действительности того времени, выражалась не только в активных участиях чеченских боевых отрядов в военных действиях на стороне Грузии, но и в теплом приеме вынужденно покинувших свою Родину ее жителей. Среди них на правах почетного гостя был и царь Таймураз со своей семьей.

По логике вещей, у фольклорных произведений коллективный автор, представленный самим народом, выступает в качестве непредвзятого и последовательно объективного цензора. Ввиду этого в них, на мой взгляд, несмотря на резко выделяющуюся риторичность изложения, присущий почти всем сравнениям гиперболический характер и, как следствие, наличие ярко-эмоциональной окрашенности многих предложений, исключается преднамеренное или случайное искажение фактов.

Астамир обладал непререкаемым авторитетом в горах как беспредельно храбрый человек, готовый всегда отстаивать ценою собственной жизни идеалы чести, свободы и справедливости. И то, что грузинский царь в сказании просит его принять участие в дипломатической миссии в Москву, тоже о многом говорит. Прежде всего, Таймураз понимал, что в любых непредвиденных ситуациях по пути следования в столицу русского государства удалой Астамир надежно защитит его, поскольку он не утратил статус гостя чеченской земли. Для полной ясности здесь необходимо упомянуть об одном обстоятельстве, имевшем немаловажное значение в становлении беспредельно доверчивого отношения царя к простому горцу. За время пребывания среди чеченцев Аргунского ущелья он пришел к твердому убеждению, что для жителей этой части Чечни, неприемлема ни в какой форме вассальная зависимость от господина в силу существующего особого уклада жизни и веками сформировавшихся

подлинно-демократических, неписанных законов (адатов), справедливо регулирующих все вопросы жизнедеятельности населения.

На разных этапах истории было немало попыток закабалить жителей этого края с помощью силы и посредством различных ухищрений, но все они не увенчались успехом. С большой долей вероятности можно утверждать, что грузинский царь не мог не знать, что на земле, где он нашел убежище, его статус будет котироваться выше, чем царский титул.

В сказании, когда Таймураз обращается к Астамису, он всегда называет его другом.

В завершении сказания Астамис охотно соглашается сопровождать Таймураза в Москву, так как это дело чести и долга для него. Ведь к грузинскому царю-изгнаннику, прежде всего, он относился как к почетному гостю чеченской земли.

По свидетельству Мудаевой Петимат Дудаевны (1907 г.р.), в селе Урдюхой с конца 30-х годов прошлого столетия прослыла как талантливая исполнительница народных песен молодая девушка Тазабаева Маржан. Много интересных произведений было в ее репертуаре о доблестных сыновьях и дочерях чеченской земли, прославивших в разное время свою Родину. Умудренные жизнью старцы часто приглашали ее на свои посиделки и с неподдельным чувством гордости внимали ее необыкновенно трогательному пению. Особенно по душе им приходилась песня о своем сородиче, легендарном Астамисе. Много раз по их просьбе юное дарование повторно исполняло ее под аккомпанемент своей небольшой двенадцатиклавишной гармошки, взбадривая сердца почтенных слушателей.

Как я ни допытывался, к моему большому сожалению, престарелая Петимат не смогла вспомнить слова этой песни, хотя в молодости знала их наизусть. Возрастные пробелы памяти сделали свое дело. Но одно не переставала она твердить, что в ней восхвалялись личностные качества легендарного Астамиса, в числе которых, прежде всего, были беспредельное благородство, полное отсутствие чувства гордыни, острый ум, верность данному слову, невероятное мужество и наличие постоянного беспокойства совершения поступка, способного порочить честь и достоинство чеченца. И еще об одном случае из жизни Маржан она любила рассказывать.

23 февраля 1944 г. солдаты НКВД согнали жителей села Урдюхой и хутора Тевзани в котловину, которая находилась на северо-западной окраине населенного пункта, близ речки Харзой-Эрк. С раннего утра и далеко за полдень их держали там, пока ближе к вечеру не переправили в село Сатты для дальнейшей транспортировки на грузовых автомобилях на железнодорожную станцию. Вокруг этой местности, на господствующих высотах были расставлены пулеметные расчеты, а по всему периметру котловины дежурили автоматчики.

В этот день шел мокрый снег и непрерывно дул пронизывающий ветер. Казалось, что сама природа решила перекликаться с началом трагической полосы в жизни многострадального народа и послушно подстраивалась под ее мрачный такт. Со всех сторон опустевшего от людей села доносилось мычание коров да лай собак, местами переходивший в протяжный вой. Оторванные с раннего утра от теплых родных очагов, находясь в непривычной обстановке всеобщей тревоги и холода, плакали дети. Даже взрослые под воздействием этой жуткой картины впали в уныние. И тут, прислонившись к стволу тутового дерева, запела Маржан свои любимую песню об удалом Астамисе, виртуозно подыгрывая на гармошке.

Потом девушка спела песню собственного сочинения, проклинающую Сталина за то, что он нарушил их счастливую жизнь. От ее поступка беспомощные люди буквально воспрянули духом и, как по мановению волшебной палочки, вышли из подавленного состояния. Несмотря на то, что я сейчас отхожу от основной темы данной статьи, хотелось бы привести буквально два куплета из той самой песни.

Гуьйранна кхойкху ненан кӀорни,
Суьйренна кхойкху ненан кӀорни,
Ва, Сталин, тхан ирсе дахар дохий ахь,
Хьо вилла сихонца яьшки чу.

Тхов тӀера котаман бен хӀаллак би ахь,
Цунна тӀе боьду берийн некъ хади ахь,
Ва, Сталин, тхан ирсе дахар дохий ахь,
Хьо вилла сихонца яьшки чу.

Астамир пользовался непререкаемым авторитетом не только в Шатое, но и далеко за его пределами. Несмотря на то, что его имя при жизни находилось в ореоле славы, он был предельно скромным человеком. По рассказам старожилков, ему становилось неудобно, когда при нем говорили о его достоинствах, совершенных им поступках и делах.

Однажды в село Сатты, согласно легенде, приехали три джигита из карабулакских чеченских поселений, чтобы воочию взглянуть на живую легенду гор и как можно больше узнать про него. Когда гости, ведя за собой лошадей, поравнялись с домом Астамира, то они увидели во дворе широкоплечего, среднего роста мужчину, усердно показывающего мальчишкам с помощью прута приемы кинжального боя. Первые впечатления не сулили им ничего, кроме досадливого разочарования. Оно быстро сменилось чувством восторга, когда учитель, запрокинув за спину руки, повелел всем своим ученикам разом наброситься на него для нанесения ударов мнимыми кинжалами. Астамир делал настолько резкие, неуловимые для глаза движения, ловко отклоняясь и уходя от ударов, что в конце занятий нападавшие полностью выдохлись, ни разу не задев его.

Астамир радушно встретил гостей, и они побыли у него три дня. Этого времени было достаточно, чтобы у них рассеялись кое-какие сомнения относительно незаурядности саттинца. Во-первых, они пришли к твердому убеждению, что главным смыслом жизни Астамира является беззаветное служение Отчизне. Во-вторых, поняли гости, что для него честь и свобода превыше всего, а все остальное второстепенно.

Как гласит предание, когда Астамир был полностью занят гостями, к нему с просьбой обратилась одинокая старушка, чтобы он помог починить крышу сакли, поврежденную ветром. Астамир охотно согласился, но оказался в несколько неудобном положении, но гости, поняв в чем дело, дали добро хозяину, притом еще сами настояли на том, чтобы разрешить им принять участие в благотворительном деле.

Астамира можно однозначно назвать человеком, которому удалось воплотить свою жизнь в основополагающие идеалы чеченской народной этики. Более того, он был известен как мудрый прозорливый человек

с философским взглядом на жизнь. К нему постоянно шли люди за ценным советом и наставлением.

В 70-80-х годах двадцатого столетия среди старожилых Советского района ЧИАССР в активном употреблении находились крылатые изречения, принадлежащие Астамиру.

Нижеследующий небольшой перечень этих выражений записан мною со слов Эпендиева Докки Донгаевича, уроженца села Урд-Юхой (1936 г. р.) в 1987 году. По его воспоминаниям, его отец – Эпендиев Донга (1897 г. р.) часто воспроизводил их по памяти, гордо подчеркивая, что так говорил его сородич Астамир.

Шотойн Аьстамара олуш хилла (Астамир Шатойский говорил):

1. Дика кьонах орцане вьдуш хьалха ваьлла хир ву, тойне вьдуш тIаьхьа висна кхочур ву. Храбрец (молодец, удалец) будет первым среди спешащих на помощь, но на вечеринку может опоздать.

2. Кьинхетам боцчу сица кьонахалла хир яц. Не может быть доблести в том, кто лишен милосердия.

3. Кьонахчун бахам алсам бер бац, цуьнан маршо гатъеш бен. Приумножая свое состояние, кьонах (настоящий мужчина) ограничивает свою свободу.

4. Кьонах дин меца а болуш, шен кийра бузо охьа хуур вац. Кьонах не станет утолять собственный голод, не накормив своего скакуна.

5. Кьонахалла ара яьллачу даг чохь куралло шен хIусам йо. В сердце, которое покинуло мужество, поселяется гордыня.

6. Балано неI тоххалц ца Iаш, цунна кийча хила веза кьонах. Кьонах должен быть готов к испытаниям до того, как беда постучится в дверь.

7. Кьонахчо ша вен гIертачу мостагIчунна тешнабехк бийр бац. Кьонах даже против врага, которого он намерен убить, не будет поступать вероломно и подло.

В XVII веке участились случаи, когда казаками совершались целенаправленные попытки расширения свои пахотных и сенокосных угодий за счет чеченских равнинных земель, прилегающих к станицам. На этой почве периодически возникали стычки между ними и местными коренными жителями вдоль всей линии соприкосновения. По первому зову своим равнинным братьям на помощь приходили горцы. Астамиру не раз приходилось во главе отряда добровольцев участвовать в таких акциях. Согласно преданию, кроме одной дочери у него не было больше детей. Умер в возрасте сорока лет и похоронен в саттойском родовом кладбище.

Такие сыновья чеченской земли, как Астамир Шатойский, рождаются с особой отметиной в судьбе, для самой святой и благородной миссии – беззаветному служению Родине. Поэтому, с честью выполнив ее, они переходят в разряд бесценного достояния народа, а их праведная, полная доблести жизнь продолжает через века светить последующим поколениям яркой путеводной звездой.

Публицистика

Мансур Магомадов,
кандидат философских наук

Известный российский журналист и ученый Мансур Гайрбекович Магомадов, автор многочисленных научно-популярных работ в области философии и средств массовой информации, в январе текущего года отмечает 60-летний юбилей.

После окончания в 1985 году факультета журналистики Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) государственного университета, собственные, жизненные «университеты» Мансура Магомадова были связаны со многими республиканскими и федеральными информационными изданиями. В 2003 году на философском факультете МГУ защитил диссертацию на соискание степени кандидата философских наук. Профессиональная и научная деятельность Мансура Магомадова была отмечена многочисленными почетными грамотами, медалями и знаками.

Коллектив «Издательского дома» от души поздравляет Мансура Гайрбековича с этой датой! Желает ему крепкого здоровья и дальнейших реализаций творческих планов!

Социальная и религиозно-философская мысль Чечни в начале XX века

Продолжение. Начало в №№ 1-3.

Социальные взгляды Таштемира Эльдарханова

Среди общественных и политических лидеров Чечни начала XX века, чьи нравственные принципы и мировоззренческие позиции не претерпели особо заметных видоизменений под воздействием меняющейся реальной действительности, был видный государственный деятель Терского края Таштемир Эльдарханов (1870-1934). Это вовсе не означает, что Т. Эльдарханов был не способен правильно оценивать и воспринимать меняющуюся реальность. Дело, на наш взгляд, предстояло совершенно по-другому: с самого начала своей активной общественной деятельности во главу угла своего поведения, мировоззрения и принципов взаимодействия с окружающим миром и обществом он поставил общечеловеческие, надклассовые, надпартийные интересы. Это предопределило характер его взаимоотношений с окружающей действительностью и формирование принципов мировосприятия. Исходя из такого миропонимания, строил Т. Эльдарханов и свои публичные и печатные выступления. Такая рефлексия, основанная на объективном восприятии окружающего мира со всем его сложным, многогранным изменчивым характером, явственно просматривается в его духовном наследии, на это указывает и его сложная и трагическая судьба.

В силу такой классовой и партийной неопределенности, из-за нежелания слепо признавать предписания и догматические постулаты большевистской идеологии, которые принуждали своих последователей втискивать многосложную реальность в упрощенные идеологические рамки марксизма,

Т. Эльдарханов и не был признан в свое время прогрессивным деятелем, чья жизнь, творчество и судьба достойны философского осмысления и научного изучения. Безусловно, Т. Эльдарханов был противником насилия во всех его формах, и не только над человечностью, гуманизмом, но и над историей, реально развивающейся действительностью. Исследование творческого наследия Т. Эльдарханова стало возможным только в эпоху хрущевской оттепели и горбачевской перестройки, гласности, нового мышления¹.

Идеологические истоки воззрений Т. Эльдарханова

Таштемир Эльдарханов, один из тех немногих чеченцев, которым удалось получить превосходное по тем временам образование. Он окончил сельскую арабскую школу, а затем и светскую школу в г. Грозном. Продолжил учебу во Владикавказском реальном училище, где, по мнению историка Ж. Гакаева, глубоко изучил историю общественно-политических движений, познакомился с идеями Герцена, Белинского, Писарева, Добролюбова, Чернышевского. Мировоззрение Т. Эльдарханова, его духовный мир и жизненная позиция формировались под непосредственным влиянием идеи национально-освободительного движения горцев против колонизаторской политики царизма.

Изучая историю российского государства, русско-чеченских связей, пытаюсь понять причины поражения горцев в Кавказской войне, Т. Эльдарханов все больше утверждает в мысли о том, что будущее чеченского народа, независимость и свобода его Родины неразрывно связаны с обновленной, демократической, свободной Россией. Этот вывод определил, по мнению Ж. Гакаева, направление всей последующей деятельности Таштемира Эльдарханова.

В 1890 году Т. Эльдарханов заканчивает полный курс Грозненского реального училища и поступает в учительский институт в городе Тифлисе. Тифлис к тому времени стал не только административным, но и культурным и политическим центром Кавказского края.

В студенческие годы у Т. Эльдарханова появился устойчивый интерес к обществоведению, истории, философии. Он читает труды Канта, Гегеля, Маркса, много работает в архивах, собирая материалы по истории и этнографии родного края, изучая чеченскую словесность, устное народное творчество. В тот период им накапливаются те обширные познания, позволившие ему впоследствии стать одним из видных деятелей чеченского народа.

Научная и просветительская деятельность Т. Эльдарханова началась со сбора и обработки богатого фольклорного материала. Еще в первый год обучения, в 1880 году, в “Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа” он публикует свои первые записки сказок, легенд и притчей чеченцев. В самом фольклоре его больше всего интересуют мотивы дружбы и братства народов, их единства, взаимопомощи, взаимного уважения. Знакомство с духовной культурой друг друга способствует сближению народов. Именно такую цель преследовал Т. Эльдарханов, собирая и публикуя в Тифлисе на русском языке чеченские народные сказки². Этим он хотел показать, что такие понятия, как честь, достоинство, гостеприимство, уважение старших стали неотъемлемой частью повседневного поведения и быта народа.

Собранный им фольклорный материал имеет научное значение не только в плане изучения истории и культуры чеченцев, но и представляет большой интерес как литературный опыт³.

В 1893 году Эльдарханов успешно заканчивает Тифлисский учительский институт и получает звание народного учителя. Т. Эльдарханов не примыкал к какой-либо политической партии или организации, он видел, что в стране назревают социальные перемены, и стремился найти в них свое место.

Мировоззренческая позиция Т. Эльдарханова в ранний период основана на убежденности в том, что каждый имеет право свободно высказывать свои взгляды. В 1898 году Т. Эльдарханов – учитель грозненской горской школы. Огромное трудолюбие, глубокие знания снискали ему уважение учеников и коллег, общественности Грозного и Чечни. Воспитанный на прогрессивных традициях чеченской и русской культуры, Т. Эльдарханов выступал как страстный поборник дружбы между народами, стремился привить ученикам и горцам любовь к Родине, к передовой русской культуре. В Грозном Т. Эльдарханов продолжил работу по сбору и систематизации чеченского фольклора. Ее итогом стало издание сборника «Чеченские тексты», ставшего заметным событием в культурной жизни Чечни⁴.

В Грозном усиливается пропаганда социалистических идей, нарастает борьба рабочих за свои права. Не примыкая к какой-либо политической партии, Т. Эльдарханов внимательно прислушивается к пульсу времени, следит за событиями, которые разворачивались в стране и в Терской области. Будучи по убеждениям демократом, он с болью в сердце воспринимал бесправное положение чеченцев и ингушей. Революцию 1905 года Эльдарханов встретил как должное, как закономерный итог всех предшествовавших событий: несправедливое правление властей должно было вызвать ответную реакцию со стороны общественности, мысль о необходимости социальных перемен зрела в обществе давно, а толчком к этому послужило политическое выступление народа.

Т. Эльдарханов сочувственно относился к развернувшейся борьбе народных масс за свободу, землю, демократию, свободный от эксплуатации труд. Он посещал митинги и собрания рабочих, слушал выступления руководителей местной социал-демократической организации, представителей других партий, стремился понять и правильно оценить суть происходящих событий, содержание программных целей и идей, политических течений и организаций, оказавшихся на волне революции.

В этот период Т. Эльдарханов – частый гость в аулах Чечни. На собраниях и сходах горцев он стремился донести до них понятные и близкие ему по духу общедемократические идеи революции. В Грозном, вместе с другими прогрессивно настроенными учителями он ведет активную общественную работу. С его участием в городе был организован союз учащихся и учителей, который в сентябре 1905 года принял решение о присоединении к «Всероссийскому союзу учителей и деятелей народного образования». «Учительский союз» в Грозном заявил о своей солидарности с «борющимися против правительства»⁵.

Революционное движение в стране нарастало. Напуганный его размахом царь Николай II вынужден был опубликовать «Манифест 17 октября», в котором даровал народу долгожданные свободы слова, собраний, союзов и обещал созвать законодательную думу и привлечь к участию в ней представителей всего народа.

Многие представители либерально настроенной интеллигенции, мелкобуржуазной демократии, впервые включившиеся в активную политическую борьбу, увидели в этом исторический шанс разрешить назревшие противоречия в обществе на путях эволюционного развития страны. Уступки самодержавия они восприняли как победу буржуазно-демократической революции. Поверил в это

и Т. Эльдарханов. Он считал, что все социальные изменения в жизни общества необходимо осуществить на основе взаимных уступок, компромисса, согласия и демократии. Отвергая революционные методы совершенствования структуры общества, он полностью поддерживал эволюционный, ненасильственный путь развития. Это соответствовало его взглядам на мирное сосуществование людей с разными убеждениями, позициями, это соответствовало также и его стремлениям сблизить разные народы, религиозные учения, культуры. Т. Эльдарханов сделал очень много для приобщения горцев к русской культуре и образованию. Он горячо ратовал за внедрение на Северном Кавказе русских школ и с трибуны Государственной Думы, и в местной печати⁶.

Продолжая традиции первых чеченских просветителей, Эльдарханов работает над созданием чеченской письменности и вместо арабской графики впервые предпринимает попытку создать письменность для чеченцев на основе русской графики. В 1911 году он издает чеченскую азбуку, букварь и книгу для чтения⁷.

Эльдарханов был одним из первых деятелей чеченской интеллигенции, кто с исторической проницательностью понял, какая цивилизующая роль уготована русскому языку в преодолении отсталости горцев, в приобщении их к ценностям не только русской, но и мировой культуры. Русский язык был, по его убеждению, мощным средством, призванным облегчить создание чеченской национальной культуры⁸.

Выборы в 1-ю Государственную Думу в Грозном проходили в условиях черносотенного террора и стремления властей не допустить избрания истинных представителей народа. Тем не менее, на выборах кандидаты от правительственного лагеря потерпели поражение. От Терской области в 1-ю Государственную Думу были избраны Демиров (от казаков), А. Маслов (от остального русского населения) и Т. Эльдарханов (от горских народов края).

Надежды Т. Эльдарханова, как и многих других представителей демократических сил России, связанные с деятельностью Государственной Думы, не оправдались: несмотря на то, что в ее составе преобладали депутаты, лояльные к самодержавию, Дума не получила законодательных прав. В такой обстановке Эльдарханов принимает решение использовать думскую трибуну в целях разоблачения преступной политики царизма в отношении горских народов Северного Кавказа.

В своей речи на заседании Государственной Думы 12 июня 1906 года он убедительно показал, что колонизаторская политика царизма, преступные действия местной администрации окончательно осложнили и без того непростые проблемы национальных отношений в Терской области. «Прошло полстолетия, – говорил Эльдарханов, – как мы попали под власть России. Мы надеялись под сенью великой державы... найти покой и счастье. Наши надежды не оправдались»⁹. Причиной, считал он, явилось то, что «уже с первых дней присоединения к России народы очутились в лапах всесильной бюрократии. Управляют нами военные чины, отбросы армии, которые ничего общего с народом не имеют, не заинтересованы в судьбах его»¹⁰.

Впервые на всю Россию и на весь мир прозвучал голос представителя самых обездоленных и угнетенных народов России, который подверг резкой критике политику царской администрации, предъявив ей счет за преступления против горских народов. Эльдарханов показал ужасающую картину бедствий коренных народов Северного Кавказа, отметив, что антинародная политика царизма стала

основной причиной появления абречества, роста грабежей и насилия, которые тяжелым бременем ложатся на плечи трудового горского и русского населения. В ответ на них, отмечал он, царская администрация «разоружает мирных жителей, проводит экзекуции, высылки невинных людей без суда и следствия. А главные причины нежелательных явлений – отсутствие образования, невыносимое экономическое положение ее совершенно не интересуют»¹¹.

Т. Эльдарханов выступил страстным поборником дружбы народов России, он гневно разоблачал скрытые приемы национальной политики, основанные на принципе «разделяй и властвуй», которые были положены в основу деятельности администрации на Северном Кавказе. Он говорил: «Отрицательные явления, которые совершаются на Кавказе, как-то столкновение наций, которые... не питают друг к другу никакой вражды, – плод провокации наших недоброжелателей. До тех пор, пока Кавказ не будет освобожден из плена полицейской бюрократической власти, ждать того, что там не будут иметь место такие печальные явления, как события в Закавказье (речь идет об армяно-татарской резне, которая была спровоцирована властями – М.М.), – нет основания. Я, как представитель от маленьких народностей, у которых... кроме прошлой свободной жизни нет ничего для борьбы с темной силой, которая надвинулась на нас, заявляю, что счастье и мир для нас наступят тогда, когда нам дадут устроить свою жизнь самим»¹².

Летом 1906 года, когда на борьбу против помещиков поднялись крестьяне, царские власти попытались использовать против них, наряду с казаками, и горцев Северного Кавказа. В Терской области была развернута широкая кампания по набору стражников для охраны помещичьих владений. Агенты-вербовщики предлагали добровольцам-охранникам высокую оплату, а также бесплатное питание, одежду, верхового коня и т. д.

Большинство горских обществ под влиянием разъяснительной работы представителей интеллигенции, духовенства решительно отвергли этот безнравственный способ заработать деньги и призвали членов своих общин отказаться от позорной для горцев службы.

Об этом свидетельствовала телеграмма, поступившая в адрес Т. Эльдарханова в Государственную Думу от представителей чеченского народа. Зачитывая ее на очередном заседании, Эльдарханов говорил: «Со времени покорения Кавказа... политика правительства была направлена на поддержание антагонизма между завоевателями и жертвами. Горцы Кавказа были объектом воспитания воинственного духа казачества, враждебное отношение русского населения к Кавказу поддерживалось всеми мерами. В настоящее время плоды этой политики готовы разлиться широкой рекой. Хотят... сделать из горцев страшилище для всего русского народа, а этот последний вооружить незаслуженным негодованием против горцев»¹³.

В ходе обсуждения вопроса о наборе стражников ярко проявились гуманистические и демократические убеждения Т. Эльдарханова. Он со всей присущей ему убежденностью подверг критике безнравственную политику стравливания народов, потребовал немедленно прекратить вербовку обманутых и гонимых нуждой горцев для борьбы с русским и украинским крестьянством¹⁴.

В июле 1906 года Государственная Дума была разогнана. Однако вскоре под давлением общественности царское самодержавие вынуждено было объявить новые выборы во II Думу.

В феврале 1907 г. Эльдарханов снова избирается депутатом Государственной

Думы. Он с еще большей активностью защищает интересы горских народов, выступает за решение аграрного вопроса в пользу безземельных крестьян. Его не привлекают пустые лозунги, демагогические демарши, озвучиваемые с думской трибуны представителями левых фракций. «Левые фракции отрицают всякую частную собственность на землю и устанавливают принцип: вся земля без выкупа, без вознаграждения должна перейти к крестьянам. Такое отношение к земельному вопросу много говорит крестьянскому народу, но вопрос об оказании простой земельной помощи им отодвигается в туманную даль, – отмечает Эльдарханов. – Принципу, выставленному ими, сочувствую, но одного сочувствия мало, нужно верить в возможность проведения в жизнь земельной реформы в таком широком масштабе. Этой веры нет даже у тех, которые вносят такой принцип. Между тем, безвыходно положение крестьян, и долг наш помочь им в их острой земельной нужде требует, чтобы мы не увлеклись теоретическими рассуждениями, не имеющими под собой никакой реальной подкладки, и сошлись на одном законопроекте, который являлся бы практически осуществимым при существующих условиях»¹⁵.

Социальная реальность в творчестве Т. Эльдарханова

Таштемир Эльдарханов – реалист. Глубокое знание законов общественного развития подсказывает ему, что решение любых социальных проблем, в том числе и земельного вопроса, должно быть осуществлено с учетом интересов прежде всего самых неимущих слоев населения, поскольку они составляют движущие силы любых социальных изменений. Он высказывался за немедленное решение земельной проблемы, но не путем насильственного передела частной собственности, а на основе закона и доброй воли государства. Поэтому, предлагая разработать и принять земельный законопроект, он пытался, с одной стороны, ускорить решение земельной проблемы, а с другой – не допустить сползания обсуждения данного вопроса на плоскость теоретических рассуждений и демагогических призывов отменить частную собственность на землю. Т. Эльдарханов отмечает: «Нисколько не умаляя значения идеала в этом вопросе, я думаю, что тот минимум, вокруг которого мы должны твердо сомкнуться, если не желаем оставить крестьян с протянутыми руками, есть именно законопроект партии народной свободы, то есть для расширения площади землепользования трудового земледельческого населения должны быть обращены земли казенные, удельные, кабинетские и в порядке принудительного отчуждения частновладельческие за справедливое вознаграждение»¹⁶.

Описывая тяжелые условия жизни горцев, Т. Эльдарханов четко следует логике отображения реальной действительности – он не приукрашивает существующий порядок вещей, показывая более выпукло одни факты и затушевывая другие. Следуя принципам взаимообусловленности и взаимозависимости природных явлений, он пишет: «Здесь не рациональное хозяйство, а каторжный труд, отчаянная борьба человека с суровой горной природой, а в итоге полуголодное существование на кукурузном или ячменном поле»¹⁷.

Т. Эльдарханов превосходно знал историю аграрных отношений в северокавказском регионе и состояние данной проблемы он тесно связывал с отдельными периодами ее развития в прошлом. Так, считая, что горцы могли бы успешно заниматься скотоводством при наличии для этого достаточной земли, он ссылается на мнение главнокомандующего кавказской армией, великого князя

Михаила Николаевича, который еще в шестидесятых годах XIX века обращал внимание на острую земельную нужду горского населения Терской области. Великим князем был предпринят ряд мер, которые должны были улучшить экономическое положение горцев. Однако эти меры не дали положительного результата. «Туземцы все время продолжают говорить о земельной нужде, – пишет Т. Эльдарханов, – но голос народа уподобляется «голосу вопиющего в пустыне». Он предлагает: «В виду того, что издание земельного закона затягивается на долгое время, а нужда на местах так сильна, и чтобы хоть несколько скрасить их жизнь, необходимо вернуть туземцам немедленно отобранные у них незаконным образом земли и урегулировать арендные цены. Что же касается условий пользования землей, то мы должны и будем отстаивать принцип общинной земли... живое дело аграрной реформы должно быть перенесено на места и отдано в руки местных земельных комитетов. Но для того, чтобы последние сыграли должную роль и разрешили бы аграрный вопрос во всей его широте и в духе принципов, которые будут установлены Государственной Думой, необходимо предпослать этой реформе широкое местное самоуправление и узаконить основные свободы»¹⁸.

Таким образом, социальные взгляды Т. Эльдарханова, высказываемые им в ходе дискуссий по вопросам о земельной реформе, дают нам основание считать его сторонником демократического крыла депутатского корпуса Государственной Думы.

После разгона II Думы летом 1907 года Т. Эльдарханов подвергается гонениям, его вынуждают переселиться в Баку. Здесь Эльдарханов знакомится с большевиками Николаем Анисимовым, Сергеем Кировым и другими¹⁹. Общение с ними и горький опыт работы в Государственной Думе сыграли огромную роль в эволюции его социальных воззрений, формировании демократических взглядов.

После Февральской революции Т. Эльдарханов возвращается на родину и принимает активное участие в общественной жизни Чечни. В июне 1917 г. в должности комиссара Грозненского округа он вместе с единомышленниками Д. Шериповым, И. Мутушевым, А. Мутушевым, Д. Арсановым, А. Митаевым и другими образует «Общество распространения просвещения среди чеченцев»²⁰. Как сообщает газета, эта инициатива встретила широкую поддержку чеченского населения. Только за один день в пользу общества было собрано пожертвований на сумму 1000 рублей²¹. Т. Эльдарханов активно участвует в подготовке и проведении съезда чеченского народа, он избирается в руководящий состав съезда. В конце июня министерство просвещения Временного правительства назначило его на должность инспектора народных училищ Чечни²².

Среди горского населения доминировали в тот переломный период идеи свободы, национальной независимости и возвращения своих исконных земель. Большевистские лозунги горцы воспринимали не в контексте научного социализма, о котором они имели смутное представление, а на основе традиционных общечеловеческих, в том числе и религиозных, ценностей²³.

И, действительно, чеченские политические, общественные и религиозные лидеры по-разному толковали и воспринимали происходившие в ту пору события. Если почти все они, являясь представителями разных общественно-политических направлений и течений, на словах отстаивали единство чеченского народа, то на деле, когда возникал спорный вопрос о власти и путях создания государства, все они проявляли непростительное непонимание взглядов и позиций друг друга. Личные и групповые интересы всегда выступали на передний план, открывая

простор амбициям и неприязни. Члены Горского правительства во главе с Тапой Чермоевым пытались сконцентрировать власть в своих руках, религиозные авторитеты требовали всю полноту власти отдать представителям духовенства, а большевики считали правомочными претендовать на власть только себя.

Ситуация, сложившаяся в Чечне в тот период, сильно напоминала развитие событий в Грозном совсем недавно – в начале 90-х годов прошлого столетия. К сожалению, и тогда, в начале XX века, и позже – в 1991 году известные чеченские общественные деятели – лидеры различных общественно-политических сил – продемонстрировали неспособность сохранить внутричеченское единство.

Т. Эльдарханов, как и многие представители горской интеллигенции, с восторгом воспринял Февральскую революцию 1917 года и в первое время связывал с ней определенные надежды на решение коренных социальных вопросов края. Большие надежды возлагал он также и на деятельность национального Совета Чечни, новых институтов власти, но реальные политические устремления их лидеров оказались направленными на утверждение и упрочение личного влияния, личной власти. Это стало крушением надежд, началом развала государства.

По мнению видного чеченского ученого А. Д. Яндарова, Т. Эльдарханов был одним из тех, кто в этот смутный и трагический для чеченского народа период возглавил партию мира, гражданского согласия. Исходя из реальной действительности и придерживаясь во всем центристских позиций, он проявил глубокую приверженность идеям дружбы, братства, согласия, единства и взаимопонимания. Еще в начале 1918 г. Т. Эльдарханов пришел к убеждению, что историческая перспектива горских народов, возможность их национального и социального освобождения связаны с революционной Россией, что только на путях единения с российской демократией они смогут добиться свободы, равенства, земли и государственного самоопределения.

Осознав окончательно эту истину, Т. Эльдарханов, вместе с А. Шериповым и другими передовыми представителями Чечни, повел последовательную борьбу за сплочение демократических сил в освободительном движении горцев.

В начале 1918 г. в селе Урус-Мартан состоялся второй съезд чеченского народа. Он выразил недоверие Горскому правительству во главе с Т. Чермоевым и провел выборы в Чеченский парламент. Однако и вновь избранный орган власти поддерживал политику горских верхов, не стремился решить назревшие вопросы революции. Члены парламента требовали передачи всей власти представителям духовенства. В такой обстановке, видя безуспешность попыток создания органов демократической власти, председатель парламента А. Мутушев ушел в отставку, а левое крыло парламента во главе с А. Шериповым и Т. Эльдархановым провело в марте 1918 г. в селе Гойты многотысячный митинг, участники которого провозгласили в Чечне советскую власть. Председателем Гойтинского народного Совета был избран Т. Эльдарханов.

Деятельность Гойтинского народного Совета, особенно пробольшевицки настроенного А. Шерипова, вызвали недовольство чеченской знати, многих авторитетных шейхов и мулл. Революционно настроенные молодые члены Совета по главе с А. Шериповым крайне отрицательно относились к духовенству. Т. Эльдарханов, исходя из реалий жизни, т. е. уровня общественного сознания, а также учитывая то, что многие шейхи и муллы, в частности Сугаип-мулла Гайсумов, Али Митаев и другие, пользовались огромным авторитетом и влиянием в широких народных массах, выступал за коалицию с ними.

Т. Эльдарханов был убежденным сторонником дружбы и единения народов, непримиримым врагом национализма. Когда в июне 1918 года Т. Эльдарханову стало известно, что в контрреволюционном Атагинском Совете высказываются туркофильские настроения, он смело заклеил националистические поповзновения членов этого Совета. 4 июля 1918 г. на заседании Терского областного народного съезда Т. Эльдарханов решительно выступил против контрреволюционного Атагинского Совета – органа буржуазных кругов еще и потому, что его представители вели переговоры с турками об отделении Северного Кавказа от России.

Таким образом, общий вывод, который можно сделать при анализе этого периода деятельности просветителя, заключается в том, что Т. Эльдарханов, как политический деятель, придерживался умеренно-демократической ориентации. Он выступал за союз со всеми общественнополитическими силами. Но даже при этой умеренности взглядов он представлялся властям неблагонадежным.

Из-за того, что Т. Эльдарханов тяготел к компромиссу и соглашательству с политическими оппонентами и не имел ярко выраженной революционной позиции, А. Д. Яндаров причисляет его к лагерю непоследовательных политических деятелей²⁴. Чтобы подтвердить свою позицию, он ссылается на слова А. Шерипова, который утверждал, что Эльдарханов: «...будучи председателем Гойтинского революционного Совета поддавался влиянию чуждых социализму элементов... заключил союз с шейхом Сугаиб-муллою и проводит политику, угодную ему»²⁵.

На реалистических позициях оставался Т. Эльдарханов и позже – в трудные годы строительства новой жизни. Весьма показательны в этом плане эпизоды, связанные с общественной деятельностью видного религиозного лидера Али Митаева. Он был введен в состав Чеченского областного ревкома в мае 1923 года в надежде на то, что вслед за ним последуют многие его мюриды. Али Митаеву поручили обеспечение безопасности на железной дороге, ведущей в Закавказье. Эльдарханов выдал ему разрешение на сбор пожертвований. «В целом, большевики руководствовались глубоко гуманистическими соображениями, вводя Митаева в состав ревкома: они старались предотвратить возможные выступления рядовых мюридов, введенных в заблуждение Митаевым»²⁶, – пишет А. Яндаров.

Время показало, что Т. Эльдарханов не ошибался в отношении Али Митаева. Такова была его принципиальная позиция, которая в тот сложный период немало способствовала установлению в Чечне советской власти. Дело в том, что в послереволюционной Чечне огромной популярностью среди местного населения пользовались вожди местного духовенства. Али Митаев был одним из них. Он являлся по существу полновластным законодателем и судьей на огромной территории. Применение силы по отношению к нему могло быть неправильно истолковано широкими трудящимися массами. Больше того, отчуждение Али Митаева от общественных дел могло принести немало вреда установлению в Чечне советской власти. Поэтому по инициативе самого Т. Эльдарханова и с разрешения Юго-Восточного бюро ЦК РКП (б) шейха и ввели в состав Чеченского областного ревкома.

Как ни странно, в местной научной литературе факт включения Али Митаева в состав ревкома получил неверное освещение и оценку. Так, И. К. Лосев писал: «Ревком Чечни взял курс не на обострение борьбы между революционными и реакционными силами, а на примирение и объединение их. Не считая противоречия между этими силами антагонистическими, ревком надеялся «приручить»,

умиротворить Митаевых и Чуликовых, вовлечь их в советское строительство. Следуя этому курсу, областной ревком стал... сотрудничать с представителями реакционного духовенства и торгово-промышленной буржуазии. Некоторые члены облревкома и ответственные работники были явно антисоветски настроены. И это не смущало Т. Эльдарханова, он считал это допустимым»²⁷.

За допущенные им якобы серьезные ошибки, мешавшие социалистическому строительству в Чечне, Т. Эльдарханов был снят с поста председателя Чеченского исполкома, а несколько позже и с поста председателя Президиума Терского ЦИКа²⁸.

В решении партийной фракции облисполкома об отстранении Т. Эльдарханова от должности председателя областного исполкома в 1925 году записано, что он «подпал под влияние своих родственников и несоветского элемента и был ими обезличен, не сумел провести гибкую и правильную линию в работе, оторвался от партии»²⁹.

В наше время «возникла очень вредная тенденция возвеличения... Т. Эльдарханова, который за грубые ошибки в руководстве чеченским ЦИК был отстранен от занимаемого поста», – отмечает Х. Х. Боков. По мнению А. Д. Яндарова, такое высказывание содержит в себе субъективизм в оценке ошибок и заслуг Т. Эльдарханова. Действительно, деятельность Т. Эльдарханова была неоднозначной, противоречивой и непоследовательной на различных этапах его политической биографии, но в целом, на наш взгляд, основа его мировоззрения была постоянной, неизменной, потому что отвечала общечеловеческим, надклассовым, надпартийным интересам.

Будет справедливо отметить здесь также и то, что ошибки, колебания, непоследовательность в отстаивании интересов народа были допущены в это трудное и сложное время борьбы за советскую власть многими представителями горской интеллигенции, безусловно, честными, преданными народу, но не умевшими правильно и быстро сориентироваться в оценке событий.

Таким образом, давая общую оценку деятельности Т. Эльдарханова, мы вправе констатировать, что исторически прогрессивное в ней, безусловно, преобладает. Хотя социальные взгляды Т. Эльдарханова не всегда последовательны «и подчас обнаруживают мелкобуржуазную половинчатость, в творчестве и деятельности его преобладают элементы передового, исторически прогрессивного. Т. Эльдарханов – исторически прогрессивный представитель общественной мысли Чечни», – такова оценка А. Яндарова³⁰. И это справедливо.

В историю социальной и философской мысли Т. Эльдарханов вошел как сторонник дружбы и братства народов, горячий активист просвещения и образования широких народных масс Чечни. Он решительно выступал против колонизаторской политики царизма на Северном Кавказе, смело и открыто критиковал существующий порядок вещей, привлекал внимание общественности к бедственному положению народных масс, несмотря на классовые или групповые интересы различных политических сил, старался примирить их, привести к согласию и единству. Однако, как показала история, это ему не удалось.

Т. Эльдарханову принадлежит также большая заслуга в установлении советской власти в Чечне. Его жизненная философия заключалась в том, чтобы в отстаивании идеи национального единства, возрождения национальной культуры, строить новое социалистическое общество на основе национальных и общечеловеческих

ценностей, строить новую жизнь эволюционным путем, избегая по возможности социальных катаклизмов и деления людей по принципу: «кто не с нами, тот против нас». Такая философская позиция, на наш взгляд, должна служить для действующих политиков нравственным примером, достойным подражания.

Как видим, Т. Эльдарханов не был сторонником политических крайностей. Основой счастливого будущего чеченского народа он считал единство, согласие, исходя из такой убежденности, строил он свою политическую карьеру. Хорошо зная условия жизни и быта чеченцев, политическую обстановку в крае, Т. Эльдарханов был сторонником гибкого подхода к решению социальных противоречий, что не совсем соответствовало принципам и методам борьбы с классовыми врагами, применяемыми большевиками.

Продолжение следует

¹ См.: Шаипов И. Таштемир Эльдарханов. Грозный, 1960; Гакаев Ж.Ж. Он достоин памяти народной. (Краткий исторический очерк о Таштемире Эльдарханове). Грозный, 1991.

² Яндаров А. А. Развитие философской и общественно-политической мысли Чечено-Ингушетии в XIX - нач. XX века. Дис. докт. филос. наук. Алма-Ата, 1968. С.188.

³ Гакаев Ж. Ж. Указанное соч. С.7.

⁴ Гакаев Ж. Ж. Указанное соч. С.9.

⁵ См.: «Казбек». 1905. 4 декабря

⁶ Яндаров А. А. Указанное соч. С.188.

⁷ Эльдарханов Т. Э. Чеченская азбука и первая книга для чтения. Тифлис, 1911.

⁸ Яндаров А.А. Указанное соч. С.189.

⁹ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Сессия первая. Том II. М., 1906. С.1235.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Государственная Дума. Стенографические отчеты. Сессия первая. Том II. М., 1906. С.1235.

¹³ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Сессия первая. Том II. М., 1906. С.1235.

¹⁴ См.: Джанаев А.К. Народы Терека в российской революции 1905-1907 гг. Орджоникидзе, 1988. С.276.

¹⁵ Цит. по кн.: Шаипов И. Таштемир Эльдарханов. Грозный, 1960. С.30.

¹⁶ Шаипов И. Таштемир Эльдарханов. Грозный, 1960. С.31.

¹⁷ Там же. С.32.

¹⁸ Шаипов И. Таштемир Эльдарханов. Грозный, 1960. С. 33.

¹⁹ См.: Гакаев Ж. Ж. Указанное соч. С.19.

²⁰ «Терский край». 1917. № 6. 22 июня.

²¹ Там же.

²² «Терский край». 1917. № 11. 28 июня.

²³ Гакаев Ж. Ж. Указанное соч. С. 20.

²⁴ См.: Яндаров А.Д. Указанное соч. С.190.

²⁵ Шерипов А. Д. Статьи и речи. М., 1972. С. 190.

²⁶ Яндаров А. Д. Указанное соч. С. 191.

²⁷ См.: Лосев И. К. «К вопросу о классовой борьбе в Чечено-Ингушетии в период новой экономической политики // Материалы научной сессии по вопросам истории ЧИАССР. Грозный, 1962.

²⁸ Яндаров А. Д. Указанное соч. С.191.

²⁹ Саламов А. А. Не заглушевывать социальные противоречия прошлого // Известия Чечено-Ингушского НИИИЯЛ. Т.4. Вып. 1. Грозный, 1964. С.202.

³⁰ Боков Х. Х. Интернационализм на деле. М., 1984. С.105.

³¹ Яндаров А. Д. Указанное соч. С.192.

Книжные новинки**Чеченская классика**

Год 2019 ознаменовался выходом книг Халида Ошаева и Хусейна Сатуева, в год же 2020-ый – тяжелый, пандемический – родной наш Союз писателей подарил нам собрание сочинений Абдул-Хамида Хамидова, Магомеда Сулаева, Магомеда Мамакаева, Умара Гайсултанова, Шайхи Арсанукаева...

Выход в свет книг, в красивом твердом переплете, с фотографиями авторов на обложке, не мог не стать знаменательным событием для всех ценителей творчества чеченских классиков художественного слова. Уникальность данной серии заключается еще и в том, что век XXI-ый, с его упорством в оставании электронной, сетевой книги вынужден был в нашем случае отступить перед натиском книги бумажной, где с каждой страницы веет не только мудростью выстраданного слова, но и типографским духом и запахом.

У чеченского читателя вновь появилась возможность прикоснуться к бессмертным драмам и комедиям А-Х. Хамидова («Бож-Али», «Совдат и Дауд», «Неудачный день Мохсолты» и др.), историко-приключенским повестям У. Гайсултанова («Александр Чеченский», «Падение Болат-Каль»), стихам и поэмам М. Мамакаева, Ш. Арсанукаева, Х. Сатуева, к художественным и публицистическим произведениям Х. Ошаева, к прозе и поэзии М. Сулаева.

Впереди год 2021-ый. Будем надеяться на лучшие перемены и ждать продолжения серии «Классика чеченской литературы» от Союза писателей Чеченской Республики.

.....

Слово о художнике
«Полдень в ауле»

Чингисхан Висихаевич Хасаев родился 24 августа 1972 года в с. Садовое Ставропольского края. С 2007 года живет в городе Грозном. Окончил Чеченский государственный университет. Победитель V Московского Международного фестиваля искусств «Традиции и современность» в 2010 г. Победитель международной выставки в г. Нью-Йорке «Глобал тайд» в 2011 г. В 2012 году ему было присвоено почетное звание «Заслуженный художник Чеченской Республики». Член ВТОО «Союз художников России» с 2014 года. В 2016 году награжден медалью Министерства культуры Чеченской Республики «За развитие культуры». В 2017 году стал лауреатом государственной премии имени Ахмат-Хаджи Кадырова в области культуры.

Коллега по цеху, искусствовед Мадина Хадчукаева пишет в целом о творчестве Хасаева: «Произведения Чингисхана Хасаева – это результат философского осмысления жизни и поэтапной последовательной работы автора над полотном – крайне детализированная техника.

Практически все сюжеты картин Чингисхана фантастичны и основаны на смешении впечатлений от реальной жизни и сновидений. Фантазия автора выражена в городских и горных пейзажах, как правило, с изображением стаффажа, как будто открывающих вид в параллельную реальность, где могли бы существовать подобные сложные архитектурные сооружения и природные ландшафты.

Искусство Чингисхана выделяется новой эстетикой в чеченском изобразительном искусстве, содержанием и манерой исполнения... В своих новых работах автор обращается также к привычным для него жанрам, но в новом прочтении и технике – меняется характер нанесения красок, появляются ночные пейзажи, где «сложно писать тени в тени теней» – как образно говорит Чингисхан».

На обложке: репродукция картины «Полдень в ауле»

Подготовил Саламбек Айдамиров

